

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ США
В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
- ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ
- МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМ И МИНИЛАТЕРАЛИЗМ В ГЛОБАЛЬНОМ
УПРАВЛЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Дж. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ
АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США
- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКИХ РЕГИОНОВ
- ЗА ЧТО ПРИСУДИЛИ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ
ПО ЭКОНОМИКЕ В 2022 г.?
- ВЫХОД США ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ
ПО КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: РОЛЬ КОНГРЕССА

3 • 2023

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА
Научный и общественно-политический журнал

2023

№ 3 (639)

Март

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год
ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор
А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт США и Канады РАН, 2023
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2023

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2023

No. 3 (639)

March

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2023

Содержание

2023, № 3 (639)

Супян В.Б. Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста)..... 5

Васильев В.С. Банки как экзистенциальное, но безальтернативное Зло мировой экономики (о Нобелевской премии по экономике за 2022 г.)..... 14

На Капитолийском холме

Грецкая О.С. Конгресс и односторонний выход США из международных соглашений по контролю над вооружениями (2002–2020 гг.)..... 34

Глобализация

Болдырев В.Е. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США..... 47

Полулях Д.С. Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления 63

Экология

Хлопов О.А. Проблема изменения климата в энергетической политике администрации Джозефа Байдена..... 85

Фейст А.А. Политика президента США Дж. Байдена в отношении автомобильной промышленности страны..... 109

Книжная полка

Курилла И.И. Университет и общество в Соединённых Штатах..... 123

Информация для авторов 127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2023, No. 3 (639)

Supyan, V.B. The US Economy and Population in Regional Dimension (Zones of Accelerated Growth).....	5
Vasiliev, V.S. Banks as Existential but Uncontested Evil of the World Economy (about the 2022 Nobel Prize in Economics).....	14

On the Capitol Hill

Gretskaia, O.S. Congress and the U.S. Unilateral Withdrawal from International Arms Control Agreements (2002–2020).....	34
--	----

Globalization

Boldyrev, V.E. The Indo-Pacific in US Foreign Policy Planning.....	47
Polulyakh, D.S. Multilateralism and Minilateralism as Global Governance Mechanisms.....	63

Ecology

Khlopov, O.A. The Problem of Climate Change in the Energy Policy of the Biden Administration.....	85
Feist, A.A. The Automotive Industry Policy of the President of the USA Joseph Biden.....	109

Bookshelf

Kurilla, I.I. University and Society in the United States.....	123
--	-----

УДК 330.33.01

JEL: O18

DOI: 10.31857/S268667302303001X

EDN: HALPMJ

Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста)

В.Б. Супян

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121029 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID 6504331071 ПИНЦ ID 105433

ORCID: <http://0000-0001-8819-3940> e-mail: vsupyan@yahoo.com

Резюме: Статья анализирует особенности регионального экономического развития США в начале 3-го десятилетия XXI века. В частности, рассматриваются причины и последствия развития ряда городов и агломераций страны, характеризующихся ускоренным экономическим ростом.

В статье приводятся оценки состояния экономики и населения 10 наиболее быстро растущих городов США в 2022 г., дается характеристика перспектив их экономического роста. Отмечается, что главными факторами, определяющими ускоренный рост ряда регионов США, являются продолжающийся отраслевой сдвиг в пользу высокотехнологичных отраслей, продолжающееся перемещение населения на Запад и Юг страны и восстановление рекреационных, транспортных и гостиничных услуг в постковидный период.

Ключевые слова: региональное экономическое развитие, города, агломерации, валовой внутренний продукт, население, структура экономики

Для цитирования: Супян В.Б. Экономика и население США в региональном измерении. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(3):5-13.

DOI: 10.31857/S268667302303001X EDN: HALPMJ

The US Economy and Population in Regional Dimension (Zones of Accelerated Growth)

Victor B. Supyan

Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Scopus Author ID 6504331071 ПИНЦ ID 105433

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8819-3940> e-mail: vsupyan@yahoo.com

Abstract: The article aims to show the differences in regional economic development in the US in the beginning of 3-rd decade of 21st Century. The author presents the reasons and consequences of accelerated growth of several fastest-growing US cities, provides estimations of their economic prospects for foreseeable future.

It is indicated that the major factors of accelerated growth of these cities are continued shift away from low-tech to high-tech industries, the continues movement of the US population toward the South and West, and a recovery of the leisure and hospitality sectors after Covid-19 pandemic.

Keywords: regional economic development, cities, agglomerations, GDP, population, composition of economy

For citation: Supyan, V.B. The US Economy and Population in Regional Dimension (Zones of Accelerated Growth). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(3):5-13.

DOI: 10.31857/S268667302303001X EDN: HALPMJ

ВВЕДЕНИЕ

По результатам недавних исследований особенностей регионального экономического развития США, экономический рост в городах и городских агломерациях страны проходит весьма неравномерно, что обусловлено целым комплексом причин экономического, демографического и природно-географического характера.

ОБЩИЙ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

По данным Бюро переписи населения в 2018 г. в США насчитывалось около 20 тыс. городов. При этом 14,7 тыс. из них имели население менее 5 тыс. человек 127 млн человек, или 40% населения США, проживали в городах с населением более 50 тыс. человек. Только 10 городов страны имели население, превышающее 1 млн. человек. 310 городов считались средними по численности, с населением более 300 тыс. человек. За пределами чисто административных границ городов существуют агломерации, включающие пригороды и соседние города, насчитывающие уже до 3 млн человек (а часто и более) [1].

В число крупнейших городов США входят: Нью-Йорк, штат Нью-Йорк (8,8 млн человек), Лос-Анджелес, штат Калифорния (3,9 млн), Чикаго, штат Иллинойс (2,7 млн), Хьюстон, штат Техас (2,3 млн), Феникс, штат Аризона (1,6 млн), Филадельфия, штат Пенсильвания (1,6 млн), Сан-Антонио, штат Техас (1,4 млн), Сан-Диего, штат Калифорния (1,4 млн), Даллас, штат Техас (1,3 млн), Сан-Хосе, штат Калифорния (1,0 млн) [2].

216 млн человек проживают в США в 50 крупнейших агломерациях, которые охватывают 65% населения страны. В этих агломерациях в 2020 г. было произведено 72% ВВП на сумму в 18 трлн. долл. Разница в 7 процентных пунктов (п.п.) между долей в ВВП и долей в населении обусловлена ускоренным ростом экономик ряда американских городов, преимущественно не самых крупных.

Иначе говоря, средние цифры экономического развития по всей территории страны не дают полной картины состояния экономики и не показывают всего разнообразия ситуации. Так, в 2020 г., последнем, по которому имеется статистика на региональном уровне, ВВП США сократился на 3,4%. В тот же год экономика г. Остина, например, выросла на 1,2%, а экономика Лас-Вегаса сократилась на 10,2%. Это, в частности, объясняется различиями в возможностях жителей данных регионов работать удаленно в условиях пандемии. Это также объясняется и различиями в структуре экономики различных районов. При этом да-

же близлежащие регионы часто демонстрировали совершенно различные экономические результаты. Например, в 2018 г. экономика США в целом выросла на 2,9%. В том же году экономика городов Северной Каролины Роли (*Raleigh*) и Дарем (*Durham*) выросла на 5,3%. Одновременно экономика города Гринсборо (*Greensboro*) сократилась на 0,7%, в то время как соседний город Шарлотт (*Charlotte*) увеличил свой региональный продукт на 1,4%, а соседний город Гринвилл (*Greenville*) в Южной Каролине демонстрировал рост экономики на 3,1%.

Эти различия обусловлены существенными отличиями в экономических условиях различных регионов, понять которые можно, только анализируя не отдельные города, а так называемые метрополитенские ареалы или агломерации, которые объединяет общая инфраструктура, отраслевые связи, логистика и передвижения населения. Пример такой агломерации – Нью-Йорк, территория которой распространяется на 4 штата – Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут и Пенсильванию. В зоне такой агломерации живут и работают почти 24 млн человек, производя внутренний региональный продукт на сумму 2 трлн долл. в год. Именно взаимные экономические и логистические связи региона делают успешным его экономическое развитие.

Различные агломерации определяют особенности развития регионов не только логистическими связями, но и отраслевой структурой территории. Это видно на примере двух агломераций – Нью-Йорка и Сан-Франциско. В обоих случаях у них прекрасно развита транспортная инфраструктура, но различается отраслевая структура экономики. В результате, после роста безработицы в кризисный 2020 г. на 11,7% в нью-йоркской агломерации в конце года уровень безработицы, хотя и снизился, но лишь до 6,5% (по сравнению с общенациональным уровнем в 3,7%). В Сан-Франциско безработица оказалась в 2 раза ниже, чем в Нью-Йорке, в силу более прогрессивной отраслевой структуры экономики и более высокой доли высокотехнологических отраслей, а также в силу более высокого образовательного и квалификационного уровня рабочей силы.

Таким образом, анализ различий в темпах экономического роста в крупных городах США позволяет выделить 3 главных фактора, определяющие эти различия. *Во-первых*, это продолжающийся отраслевой сдвиг в пользу высокотехнологичных отраслей, *во-вторых*, продолжающееся перемещение населения на Запад и Юг страны и, *в-третьих*, восстановление рекреационных транспортных и гостиничных услуг в постковидный период.

Региональные и отраслевые различия в структуре экономики отражаются и в период замедления экономического роста или спада экономики. Так было, например, в первой половине 2022 г., когда в I и II кварталах в стране был зафиксирован экономический спад. В регионах, где доминируют традиционные отрасли, экономическая ситуация была хуже, чем на территории с высокотехнологичными отраслями. Также, долговременная тенденция к рещорингу благоприятствовала таким территориям, как Детройт (возвращение автомобильной промышленности), Денвер (активное жилищное строительство), Даллас (строительство энергетических предприятий).

Набор факторов, определяющий региональные различия в экономическом развитии, очень разнообразен и не является постоянным. На него влияют как долгосрочные, так и краткосрочные факторы. Это хорошо видно на примере влияния на многие отрасли пандемии коронавируса. Она стимулировала работу в формате удаленного доступа, рост спроса на высокотехнологичные услуги и одновременно на жилищное строительство. Однако одновременно рост спроса на жилье стимулирует рост ипотечных ставок, удорожание жилья и стремление работников поменять место жительства. Этот вопрос, в частности, актуален для таких городов, как Орландо или Новый Орлеан, где существует нехватка рабочей силы при дороговизне жилья.

Только тщательный региональный анализ конкретной экономической ситуации в каждом отдельном городе или агломерации позволяет понять перспективы развития того или иного региона.

Рассмотрим ниже эту специфику на примере 10 наиболее быстро растущих в экономическом отношении городов США.

РЕГИОНЫ УСКОРЕННОГО РОСТА

Среди городов и агломераций США можно выделить 10 регионов, демонстрирующих наиболее высокие темпы экономического роста и развитие наиболее передовых отраслей экономики (см. табл.)

Таблица

10 наиболее быстро растущих городов и агломераций в США

№№ п/п	Город	ВВП в 2022 г. (млрд долл.)	Темпы прироста ВВП в 2022 г. (%)	Доля в ВВП США
Агломерация				
1	Сан-Франциско	1400	4,8	5,5
2	Остин	216	4,3	0,9
3	Сиэтл	588	3,5	2,3
4	Роли-Дарем	189	3,4	0,8
5	Даллас	682	3,1	2,7
6	Денвер	330	3,0	1,3
7	Солт-Лейк-Сити	212	2,8	0,8
8	Шарлотт	233	2,5	0,9
9	Новый Орлеан	102	2,4	0,4
10	Орландо	246	2,4	1,0

Ceila Fernandez Nov. 9, 2022. 10 US Cities that are growing the fastest-and New York isn't one of them. Cnbc.com/2022/11/09/fastest-growing-us-cities-kenan-institute.html (accessed 06.01.2023)

1. Район залива Сан-Франциско, штат Калифорния

На первом месте по темпам экономического роста в 2022 г. находилась агломерация Сан-Франциско. Находящаяся здесь Кремниевая долина (*Silicon Valley*) стала за последние несколько десятилетий инновационного развития территорией роста высокотехнологичных рабочих мест и большого количества стартапов, особенно в сфере программного обеспечения. Темпы роста ВВП в регионе в 2022 г. составили 4,8%, а доля в общенациональном ВВП достигла 5,5%. Это третье место после Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. По населению регион занимает 5-е место в США (9,7 млн человек) после Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго и Вашингтонско-Балтиморской агломерации.

Пандемия *COVID-19* резко расширила использование компаниями региона практики удалённой работы, теле- и видеоконференций, подняла рыночную стоимость и капитализацию и вообще значимость таких телекоммуникационных компаний, как «Зум» (*Zoom*), «Воррисам» (*Worrisome*), базирующихся в Сан-Хосе, Калифорния. Как следствие – наиболее быстрый рост в стране жилищного строительства в районе Сан-Франциско.

2. Остин, штат Техас

Остин имеет статус высокотехнологичного хаба с высокой концентрацией венчурного капитала, тёплым климатом и схожестью во многом со специализацией Кремниевой долины. Такие компании, как «Амазон», «Гугл», «Оракл» и «Тесла» открыли свои отделения в Остине.

По темпам роста ВВП Остин в 2022 г. находился на 2-м месте среди агломераций страны с показателем в 4,3%. Его доля в ВВП страны составила 0,9%, что соответствует 22-му месту среди других городских агломераций. Население Остина также не занимало ведущие позиции в стране – 2,3 млн человек (33-е место) или 0,7% населения США.

3. Сиэтл, штат Вашингтон

Сиэтл – третий в списке город США по темпам роста ВВП в 2022 г. – 3,5%. Экономику города питают такие отрасли, как программное обеспечение, биотехнологии, а также чистая энергетика. В городе построены лаборатории обрабатывающей промышленности для разработки и производства оборудования для строительства новых зданий, в сентябре 2022 г. подписано заявление властей о Новом зелёном курсе развития. Базирующиеся в Сиэтле корпорации «Амазон» и «Майкрософт» заявили о намерениях использовать водород в качестве топлива для своих предприятий. Власти города активно продвигают идеи расширения новых рабочих мест в сфере охраны окружающей среды. ВВП города составил в 2022 г. 583 млрд долл., что поставило его на 10-е место среди других горо-

дов США с долей в 2,3%. По населению город находится на 13-ом месте в США – 5 млн. человек [3]

4. Роли и Дарем, штат Северная Каролина

Здесь находится так называемый исследовательский треугольник (в него входят Университет Дьюка, Университет штата Северной Каролины и Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл). Этот район является центром развития биотехнологической промышленности. В настоящее время в стадии строительства находится биотехнологическая лаборатория стоимостью более 1 млрд долл. Район треугольника является местом расположения многих высокотехнологических компаний, включая такие как «Сиско», «Эпик геймс», «Ай-би-эм» и «Ред Хэт». Вскоре к ним присоединится компания «Эшпл», которая обнародовала намерение вложить 1 млрд долл. в организацию своего первого на восточном побережье кампуса с учреждением фонда в 100 млн долл. для развития образовательных учреждений региона и вложением ещё 110 млн долл. в инфраструктуру штата.

Темпы роста ВВП в регионе составили 3,4% и находились на 4-м месте в 2022 г. Доля в национальном ВВП составила 0,8% (28-е место), а численность населения – 2,1 млн человек (35-е место).

5. Даллас, штат Техас

Во время пика пандемии ни в одном городе США население не росло так быстро, как в Далласе – только с июня 2020 г. по июль 2021 г. оно выросло на 97 тыс. человек. Это связано с привлекательностью региона со стороны мигрантов, а также разнообразием отраслей региона, особенно быстрым ростом услуг здравоохранения. Согласно данным журнала «Форчун» 19 компаний из списка 500 крупнейших корпораций базируются в Далласе, включая такие как «АТ энд Т» (AT&T), «Си-би-ар-эл групп» (CBRE Group), «ЭксонМобил» (ExxonMobil), «Саусвест эрлайнс» (Southwest Airlines) и «Тексас инструментс» (Texas Instruments).

Рост ВВП в Далласе в 2022 г. составил 3,1% – это пятое место в США. Его величина составила 682 млрд долл., что соответствует 2,7% общенационального ВВП (7-е место). Население агломерации Далласа составляет 8,1 млн человек – 2,5% населения страны (7-е место).

6. Денвер, штат Колорадо

Рост населения и экономики города во многом определялся переселением в него представителей молодого поколения из многих других крупных городов США. Среди наиболее быстрорастущих отраслей экономики города – программное обеспечение и финансовые услуги, а также аэрокосмическая отрасль, цифровые телекоммуникации, общественное питание.

Эти отрасли обеспечили Денверу 6-е место по приросту ВВП в 2022 г. (3,0%), который составил 330 млрд долл., что соответствует 1,3% общенационального ВВП (16-е место). По населению – 3,6 млн человек – Денвер находился на 18-м месте в США (1,1% всего населения страны).

7. Солт-Лейк-Сити, штат Юта

На седьмом месте по росту ВВП в 2022 г. находился Солт-Лейк-Сити. Темпы прироста ВВП составили 2,8%, а его размер – 212 млрд долл. (23-е место в США, или 0,8% общенационального ВВП).

Начиная с 2020 г. в городе был инициирован целый ряд инновационных проектов. Они включают усилия по совершенствованию и упрощению финансовой системы города, расширению широкополосного интернета, новые технологии по адаптации к изменениям климата, рост инвестиций в предпринимательские проекты и стартапы. За последние 10 лет сектор научных и технических услуг вырос в городе на 60% с одновременным ростом здравоохранения, розничной торговли, образования и обрабатывающей промышленности. Город также пытается бороться с такими проблемами, как резкий рост стоимости аренды и прочих платежей, которые несёт бизнес.

Население Солт-Лейк-Сити составляет 2,7 млн человек. Это 24-е место в стране, или 0,8% всего населения.

8. Шарлотт, штат Северная Каролина

Агломерация Шарлотта быстро развивалась в последние годы. Только за II и III кварталы 2022 г. занятость в городе увеличилась на 32 тыс. человек. Шарлотт стал вторым после Нью-Йорка банковским центром США. Здесь расположены штаб-квартиры таких банков, как «Бэнка оф Америка» (*Bank of America*), «Труист файненшэл» (*Truist Financial*), центр операций восточного побережья банка «Уэлс Фарго» (*Wells Fargo*). Помимо финансовых услуг, показатели развития таких отраслей, как образование, здравоохранение, профессиональные и бизнес-услуги, заметно превосходят средние общенациональные показатели. Успешно развивается обрабатывающая промышленность, в частности, компании «Рэд Бул» (*Red Bull*) планирует построить новый промышленный парк, стоимостью в 740 млн долл в соседнем городе Конкорд, что будет способствовать новому росту рабочих мест в регионе.

В 2022 г. ВВП города увеличился на 2,5% и составил 233 млрд долл. (1,3% ВВП США, 16-е место в стране). Население города составило – 2,8 млн человек, это 23-е место среди городов США (0,8% населения страны).

9. Новый Орлеан, штат Луизиана

Постковидный период привёл к восстановлению и росту производства туристических услуг в Новом Орлеане на 6% с августа 2021 по август 2022 г. Также наблюдается подъём в нефтехимической отрасли и роста торгового оборота порта Нового Орлеана, который вырос на 100 млн долл. По оценкам местных предпринимателей город испытывает недостаток в рабочей силе, то есть остаётся значительный потенциал для дальнейшего экономического роста.

В 2022 г. ВВП города вырос на 2,4% и достиг 102 млрд долл., что составляет 0,4% общенационального ВВП (40-е место). Население Нового Орлеана составило 1,5 млн человек (0,5% населения страны). Это 41-е место в США.

10. Орландо, штат Флорида

На 10-м месте по темпам роста ВВП в 2022 г. находился Орландо – ВВП здесь вырос на 2,4% и составил 1% ВВП страны (19-е место). Примерно 1/3 его экономики связана с рекреационными и туристическими услугами. Кроме того, он является вторым по величине центром розничной торговли в США и одним из крупнейших транспортных хабов – здесь находятся три крупных аэропорта. Орландо известен также как один из крупнейших в мире центров моделирования бизнес-процессами, что привлекает большое количество новых занятых в экономику города. Также растёт сфера здравоохранения, что связано с большим количеством проживающих здесь пенсионеров, а также игорный бизнес.

По численности населения Орландо с 4,2 млн человек находится на 15-м месте в США (1,3% всего населения страны).

Как следует из приведённых выше данных, наиболее быстро развивающиеся в экономическом отношении города США не относятся к крупнейшим экономическим агломерациям страны (за исключением находящемся на 3-м месте по размерам ВВП Сан-Франциско с пригородами). Крупнейшими экономическими центрами США по-прежнему на протяжении многих лет являются Нью-Йорк – 9,7% ВВП и 7% населения страны, Лос-Анджелес – 6% ВВП и 5,6% населения, агломерация Вашингтона и Балтимора – 3,8% ВВП и 3% населения и Чикаго – 3,3% ВВП и 3% населения [3]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, средние по величине и экономическому потенциалу города становятся основными драйверами экономического роста благодаря развитию в них наиболее перспективных отраслей, а также сочетанию благоприятных демографических, климатических и иных обстоятельств.

ИСТОЧНИКИ

1. How Many Cities are in the United States? 2023. Worldpopulationreview.com/us-city-rankings/bow-many-cities-in-the-us (accessed 10.01.23).
2. Top 50 Cities in the US by Population and Rank. Infoplease. Infoplease.com/us/cities/top-50-cities-us-population-and-rank (accessed 09.01.23).
3. 2022's Fastest-Growing US Cities, Ranked, October Report. Kenan Institute of Private Enterprise. The American Growth Project. Kenaninstitute.unc.edu/wp-content/uploads/2022/10/American-growth-project-10172022r.pdf/ (accessed 07.01.23).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУПЯН Виктор Борисович, член-корреспондент РАН, руководитель научного направления Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер.2/3.

Статья поступила в редакцию / Received 17.01.2023.

Поступила после рецензирования / Revised 20.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 21.01.2023.

Victor B. SUPYAN, Corresponding Member of RAS, Academic Director of Economic Studies of ISKRAN. Chief Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

УДК 330.8, 336.7, 330.7

JEL: E 41, E 43, E 58

DOI: 10.31857/S2686673023030021

EDN: HAOWDK

Банки как экзистенциальное, но безальтернативное Зло мировой экономики (о Нобелевской премии по экономике за 2022 г.)*

В.С. Васильев

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН)
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.
РИНЦ ID 162349
ORCID: 0000-0003-3131-9500 e-mail: vsvasiliev@mail.ru*

Резюме. Рассматривается комплекс причин, побудивших Нобелевский комитет присудить Нобелевскую премию по экономике за 2022 г. бывшему председателю ФРС в 2006–2014 гг. Б. Бернанке, ныне ведущему научному сотруднику Брукингского института (г. Вашингтон, округ Колумбия), а также двум американским экономистам – профессору Школы бизнеса Чикагского университета Д. Даймонду и профессору университета Вашингтона (г. Сент-Луис, штат Миссури) Ф. Дибвигу за исследования механизма функционирования банковской системы в условиях финансовых кризисов. Подчеркивается, что присуждение премии Б. Бернанке и двум другим американским экономистам носило политически ангажированный характер и имело цель «реабилитировать» монетарную политику, проводившуюся ФРС в 2007–2009 гг. во время «Великой рецессии». В долгосрочном плане она привела в начале 2020-х годов к рекордной за последние 40 лет инфляции. В период пребывания на посту председателя ФРС Б. Бернанке, как сторонник монетарной теории происхождения «Великой депрессии» 1930-х годов, предложенной в 1963 г. главой Чикагской школы монетаристов М. Фридманом, сознательно отошёл от главной регулирующей нормы прежней монетарной политики, которая была сформулирована в 1993 г. профессором Стэнфордского университета Дж. Тейлором («правила Тейлора»). Она предусматривала неизменное превышение базовой ставки рефинансирования по отношению к уровню инфляции для удержания индекса роста потребительских цен под постоянным контролем монетарных властей США. В результате произвольных действий ФРС под руководством Б. Бернанке в конце 2008 г. базовая ставка рефинансирования была опущена до нулевой отметки и с тех пор неизменно находилась на уровне ниже индекса инфляции. В итоге в начале 2020-х годов ФРС утратила контроль над инфляционными процессами в американской экономике. Эти действия стали прямым следствием неверного диагноза, поставленного Б. Бернанке, который заключался в том, что главной угрозой для американской экономики, как и в 1930-е годы, в XXI веке является гипотетический дефляционный режим функционирования, хотя после окончания Второй мировой войны экономика США работала

* Ряд положений статьи нашёл отражение в выступлении автора на научной конференции по случаю 55-летнего юбилея ИСКРАН «США в меняющемся мире», состоявшейся в декабре 2022 г.

исключительно в инфляционном режиме. В сочетании с бесконтрольным использованием печатного станка и непомерно раздутого кредитования ФРС в 2007–2009 гг. удалось минимизировать кризисные явления в банковской системе США, по сути спасти её, ценой трансформации так называемой «ловушки ликвидности» в «долговую ловушку». Нобелевская премия и была присуждена Б. Бернанке Шведским центральным банком «за спасение» как американской, так и ведущих сегментов мировой банковской системы, однако расплачиваться за подобные эксперименты в монетарной политике приходится широким массам населения и различным отраслям реального сектора экономики.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике за 2022 г., Б. Бернанке, Д. Даймонд, Ф. Дибвиг, модель кризиса банковской системы, М. Фридман, монетарная теория, «Великая депрессия», «Великая рецессия», дефляция, инфляция, ловушка ликвидности, долговая ловушка

Для цитирования: Васильев В.С. Банки как экзистенциальное, но безальтернативное Зло мировой экономики (о Нобелевской премии по экономике за 2022 г.). *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, 53 (3). 14-33.

DOI: 10.31857/S2686673023030021 EDN: HAOWDK

Banks as Existential but Uncontested Evil of the World Economy (about the 2022 Nobel Prize in Economics)

Vladimir S. Vasiliev

Georgy Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation

РИИЦ ID 162349

ORCID 0000-0003-3131-9500 e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Abstract. The author examines the complex of reasons that prompted the Nobel Committee to award the Nobel Prize in Economics for 2022 to former Federal Reserve System chairman B. Bernanke (2006-2014). The award was granted not only to B. Bernanke, now a leading researcher at the Brookings Institute (Washington, D.C.), as well as to two other American economists – a professor at the University of Chicago, Booth School of Business D. Diamond and a professor of Washington University (St. Louis, Missouri) F. Dybvig for their research of the mechanism of the banking system functioning during financial crises. It is emphasized that the awarding of the Nobel prize to B. Bernanke and two other American economists was politically biased and intended to “rehabilitate” the monetary policy pursued by the FRS in 2007-2009 during the Great Recession. In the long run it led in the early 2020s to record inflation rate in 40 years. During his tenure as Chairman of the Fed, Bernanke, as a supporter of the monetary theory of the Great Depression of the 1930s, proposed in 1963 by the head of the Chicago School of monetarists M. Friedman, deliberately departed from the main regulatory norm of the former monetary policy, formulated in 1993 by Stanford University professor J. Taylor (the so-called “Taylor rules”). It provided for the constant excess of the federal fund rate over the current inflation rate in order to keep the consumer price index growth under constant control of the US monetary authorities. As a result of arbitrary actions by the FRS under the leadership of B. Bernanke, at the end of 2008 the federal fund rate was lowered to zero, and

since then it has been consistently below the inflation index. As a result, in the early 2020s, the Fed lost control over inflationary processes in the American economy. These actions of the Fed were a direct consequence of the incorrect diagnosis made by B. Bernanke. He stated that the main threat to the American economy in XXI century, as in the 1930s, is a hypothetical deflationary mode of operation, although since the end of World War II the US economy functioned exclusively in an inflationary mode. Combined with the uncontrolled use of the printing press and exorbitant lending in the period 2007-2009 the Fed managed to minimize the crisis in the US banking system, in fact, to save it, at the cost of transforming the so-called “liquidity trap” into a “debt trap”. The Nobel Prize was awarded to B. Bernanke by the Swedish Central Bank for saving both the American and the leading segments of the world banking system, however, at present, the general population and various sectors of the real economy have to pay for such experiments in monetary policy.

Keywords: Nobel Prize in Economic Sciences for 2022, B. Bernanke, D. Diamond, Ph. Dybvig, banking system crisis model, M. Friedman, monetary theory, Great Depression, Great Recession, deflation, inflation, liquidity trap, debt trap

For citation: Vasiliev V.S. Banks as Existential but Uncontested Evil of the World Economy (about the 2022 Nobel Prize in Economics) *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2023, 53(3): 14-33 (In Russ.) DOI: 10.31857/S2686673023030021 EDN: HAOWDK

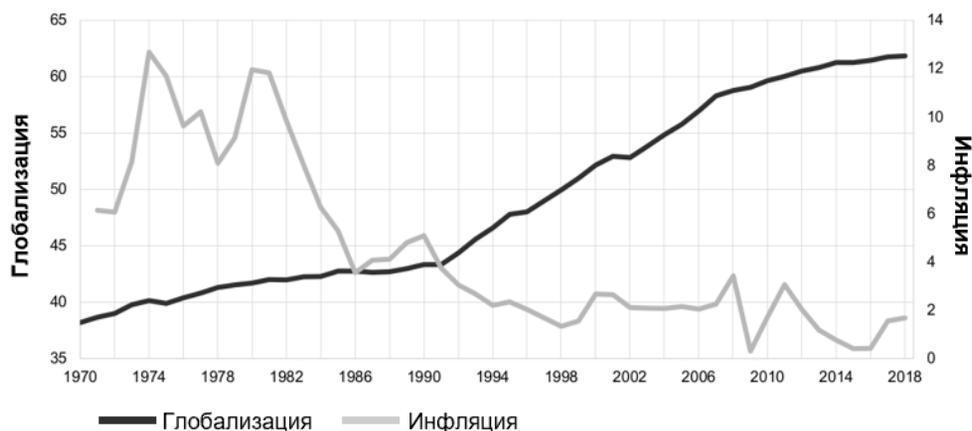
ВВЕДЕНИЕ. ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФЛЯЦИЯ XXI ВЕКА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Социально-экономические потрясения начала 2020-х годов, спровоцированные пандемией *COVID-19*, коренным образом изменили характер, направленность и масштабы большинства процессов в системе международных экономических отношений. Принципиально новым важным явлением стало возникновение феномена глобальных инфляционных процессов, с которыми мировая экономика не сталкивалась на протяжении последних 25–30 лет. В связи с этим следует подчеркнуть, что глобализация международных экономических отношений примерно с середины 1990-х годов сопровождалась тектоническим сдвигом в системе ценообразования в развитых капиталистических странах, имевшая своим следствием формирование низкоинфляционного режима роста индекса потребительских цен (ИПЦ) примерно на уровне 2,0%. Эта фундаментальная взаимосвязь глобализации и инфляции отражена на графике 1.

Скачкообразное ускорение глобализационных процессов в начале 1990-х годов сопровождалось устойчивым падением инфляции в экономиках промышленно развитых стран, что, безусловно, стало результатом действия причинно-следственных связей, обусловленных нарушением «глобального равновесия» в стоимостных характеристиках факторов капитала и труда в пользу фактора капитала, предопределив облик глобализации в течение последующих 25–30 лет, прежде всего как *финансовой глобализации*, ведущей сферой которой стали финансово-банковские сегменты национальных экономик.

График 1

Взаимосвязь между глобализацией и среднегодовым ростом индекса потребительских цен, 1990–2019 гг., %

Глобализация оценивается по 100-бальной шкале (0 – отсутствие глобализации, 100 – максимальная степень глобализации) применительно к 122 странам на основе трёх параметров: 1) социального; 2) экономического и 3) политического. Индекс глобализации (*KOF Globalisation Index*) был разработан в начале XXI века аналитиками Швейцарского федерального технологического университета (г. Цюрих).

[28: 89]

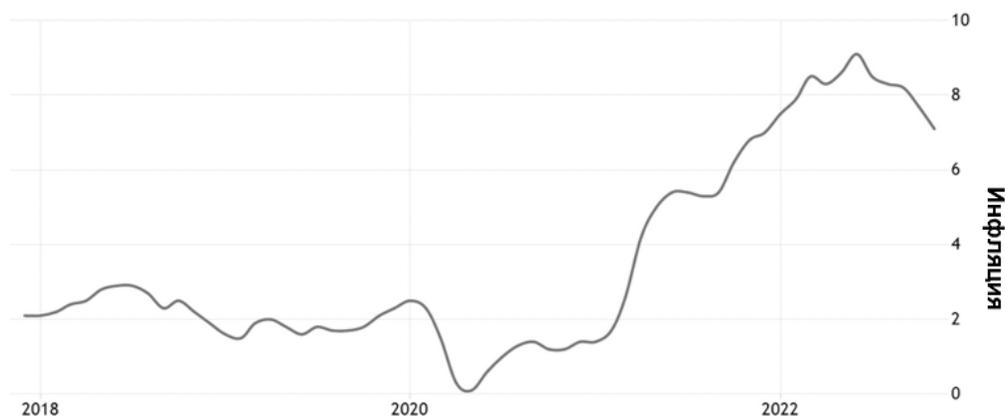
Проблема разгона инфляционных процессов в промышленно развитых странах в 2021–2022 гг. представляется принципиально важной; в этот период инфляция в США была выше, чем в странах еврозоны. В частности, по состоянию на январь 2021 г. уровень инфляции в 19 странах еврозоны находился на нулевой отметке, а по состоянию на январь 2022 г. инфляция составила 5,0% [18]. В США до марта 2021 г. инфляция находилась на уровне меньше 2,0%, а с марта инфляционные процессы стали стремительно набирать обороты, и в дальнейшем, прогрессивно нарастая, достигли в июне 2022 г. отметки в 9,1% (в годовом измерении). Затем они пошли на убыль, сохраняясь на уровне, превышающем 7,0%, что было самыми высокими показателями за предыдущие 40 лет, то есть с начала 1980-х годов. В 1981 г. темпы инфляционного повышения потребительских цен составили 10,3%. В 2021 г. в годовом выражении уровень инфляции в США достиг 4,7%, в 2022 г. – 8,0% [20]. Динамика роста инфляции в 2018–2022 г. отражена на графике 2.

По авторитетному заключению ведущего американского эксперта по вопросам монетарной политики США профессора Стэнфордского университета Дж. Тейлора, главной и основной причиной взрывного характера инфляционных процессов в современной американской экономике стала монетарная политика ФРС в 2020–2021 гг. Её направленность состояла в том, чтобы «последова-

тельно снижать процентные ставки и одновременно быстро накачивать экономику денежной массой»; при этом, как отметил Дж. Тейлор, «тесная взаимосвязь этих двух факторов» в генезисе инфляционных процессов «хорошо известна из базовых положений экономической теории и постоянно наблюдается на практике во многих странах мира на протяжении многих лет». Одновременно Дж. Тейлор отверг утверждения о том, что Украинский кризис 2022 г. и перебои в функционировании мировых цепочек поставок продукции стали главными причинами «инфляционного взрыва» в американской экономике, поскольку разгон инфляционных процессов в США начался задолго до этих событий.

График 2

Динамика инфляционных процессов в экономике США 2018–2022 гг., %

[33].

Дж. Тейлор также указал на то, что ФРС «сохранила свою процентную ставку – базовую ставку рефинансирования – на уровне намного ниже, чем в другие периоды инфляционного повышения цен в американской истории. В начале осени 2022 г. реальная базовая ставка рефинансирования, равная 2,33%, была намного ниже уровня инфляции, которая составляла более 7% или 8%. Такого большого расхождения в США не наблюдалось с 1970-х годов, которые характеризовались двузначной инфляцией. Эта сверхнизкая процентная ставка, обусловленная денежно-кредитной политикой ФРС, и стала ключевой причиной более высокого уровня инфляции» [16].

«ИНФЛЯЦИОННЫЙ ВЗРЫВ» НАЧАЛА 2020-х ГОДОВ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Б. БЕРНАНКЕ

В годы пребывания Б. Бернанке на посту председателя ФРС в 2006–2014 гг. монетарная политика США претерпела коренную трансформацию, обусловленную беспрецедентным характером финансово-экономического кризиса

2007–2009 гг. Вплоть до его возникновения в общем и целом эффективная базовая ставка рефинансирования находилась на уровне либо выше инфляции, либо примерно на одном с ней уровне. Тем самым ФРС имела в арсенале своей монетарной политики самый важный инструмент подавления инфляционных процессов в экономике США, которым она активно пользовалась в 1970–2000 гг. и особенно при подавлении инфляции в течение 1965–1982 гг., который вошёл в анналы американской экономической истории как период «Великой инфляции» [13].

Американский опыт борьбы с инфляцией в тот период получил теоретическое обоснование в «правиле Дж. Тейлора», сформулированным в 1993 г. Согласно этому правилу, ставшему с тех пор хрестоматийным алгоритмом монетарной политики США, номинальная базовая ставка рефинансирования, устанавливаемая ФРС, должна быть выше темпов роста инфляции и ниже темпов снижения уровня инфляции в экономике; при этом повышение или понижение уровней инфляции должно было оцениваться как повышательное или понижающее отклонение от уровня инфляции, выбранной в качестве ценового ориентира монетарной политики [Taylor J. 1993: 200]. Однако в ходе борьбы с финансово-экономическим кризисом 2007–2009 гг. ФРС надолго отказалась от следования «правилу Дж. Тейлора», мотивируя своё решение тем, что оно более не соответствует фундаментально изменившимся социально-экономическим условиям функционирования американской экономики. Теоретическое обоснование этого решения ФРС в 2010–2011 гг. дал известный американский специалист по вопросам монетарной политики Ф. Мишкин, который в 2006–2008 гг. был членом Совета управляющих американского Центрального банка.

В основе отказа ФРС от следования «правилу Дж. Тейлора» лежало изменение представлений о природе инфляции, данное ещё в 1963 г. главой Чикагской школы монетаристов М. Фридманом (1912–2006 гг.), согласно которому «инфляция всегда и везде является монетарным феноменом» и проистекает из усиленного накачивания экономики необеспеченной товарами и услугами денежной массой [Friedman M. and Jacobson Schwartz A., p. 17]. Опасаясь сползания американской экономики в 2007–2009 гг. в «Великую депрессию 2.0», ФРС увеличило денежную массу в американской экономике (денежный агрегат M2 – наличные деньги в обращении плюс текущие вклады физических и юридических лиц до востребования) с 7,4 трлн в августе 2007 г. до 8,5 трлн долл. в феврале 2010 г., то есть почти на 15,0% [27]. Параллельно произошло замедление темпов роста инфляции (! – *авт.*), которая составила 2,9% в 2007 г., увеличилась до 3,8% в 2008 г., трансформировалась в дефляцию в размере 0,4% в 2009 г. и возросла до 1,6% в 2010 г. [20]. Попутно следует отметить, что в 2012 г. ФРС установила ориентир роста потребительских цен на среднегодовом уровне в 2,0%, которому она следовала вплоть до 2021 г. [10: ii]. Помимо этого, номинальная базовая ставка рефинансирования была последовательно снижена с августа 2007 г. до декабря 2008 г. с 5,25% до 0,0% и оставалась на этом уровне вплоть до конца 2015 г. [19].

И все эти «революционные преобразования» в монетарной политике ФРС оказались прочно связанными с именем «монетарного теоретика» Б. Бернанке, который до этого не имел большого опыта практической работы в финансово-банковском секторе американской экономики, занимая с августа 2002 г. по июнь 2005 г. должность члена Совета управляющих ФРС, а до этого будучи лишь научным консультантом региональных банков ФРС Восточного побережья США с 1987 по 2002 гг. Сам приход профессора Принстонского университета Б. Бернанке в руководство ФРС в начале 2000-х годов и был обусловлен именно его теоретическими изысканиями в области генезиса и хода «Великой депрессии», появившихся в 1990-е годы [см., в частности: Bernanke B. February 1995].

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА М. ФРИДМАНА

Эти изыскания сделали профессора Б. Бернанке убеждённым сторонником и последователем М. Фридмана, лауреата Нобелевской премии за 1976 г., который выдвинул и постарался обосновать монетарную теорию генезиса «Великой депрессии», суть которой сводилась к тому, что в конце 1920-х годов и на всём протяжении 1930-х годов в США произошла смена ценового режима функционирования экономики – с традиционно привычного инфляционного на дефляционный, предполагающий последовательное снижение общего уровня потребительских цен, которое затрагивало и сферу рынка труда, проявляя себя в снижении реальных трудовых доходов и росте безработицы. Смена ценового режима была обусловлена ошибкой ФРС, которая в тот период последовательно снижала объёмы денежной массы в американской экономике как формы борьбы с её непомерно раздутым кредитованием, в свою очередь предопределившим биржевой крах в октябре 1929 г. Иными словами, «Великая депрессия» стала рукотворным феноменом монетарных властей США. Как отмечалось в официальном историческом очерке ФРС, написанном в 2013 г., на рубеже 1920–1930-х годов ФРС допустила самую серьёзную ошибку за всю историю своего существования – «неспособность остановить сокращение денежной массы. С осени 1930 г. по зиму 1933 г. денежная масса сократилась почти на 30%. Сокращение предложения денежных средств привело к снижению средних цен на эквивалентную сумму. Эта дефляция повлекла за собой рост долгового бремени; исказила экономические решения; снизила потребление; обернулась ростом безработицы и повлекла за собой масштабное банкротство банков, фирм и частных домовладений. Коллапс банковской системы на долгие годы предопределил дефляционный режим функционирования экономики» [26].

Не вдаваясь во все детали и тонкости объяснения генезиса «Великой депрессии» (основные современные американские концепции происхождения «Великой депрессии» изложены в: [Caldwell J. and O'Driscoll, March 2007] и [Dumènil G., Glick M. and Rangel J., Summer 1987]), следует подчеркнуть, что монетаристская трактовка «подкупала» своей простотой и элегантностью, сводя действие всех

сложнейших финансово-экономических факторов к двум параметрам – объёму денежной массы и уровням процентных ставок. Нет нужды говорить о том, что оба эти параметра, особенно печатный станок Центрального банка, полностью находились под полным контролем монетарных властей. С этой точки зрения, монетарную трактовку «Великой депрессии» можно рассматривать как проявление притязаний финансовой элиты США на безраздельное господство как в американской экономике, в том числе и в сфере принятия ключевых решений экономической политики, так и в системе международных экономических отношений.

Едва войдя в руководство ФРС, Б. Бернанке в 2002 г. громогласно объявил себя последователем М. Фридмана и убеждённым сторонником его взглядов, прежде всего монетарного объяснения всех феноменов экономической жизни, главным образом кризисных потрясений, включая «Великую депрессию», которую Б. Бернанке охарактеризовал как «самую худшую экономическую катастрофу в американской истории». При этом он не преминул отметить, что с увесистым трактатом М. Фридмана (написанном в соавторстве с А. Шварц) «Монетарная история Соединённых Штатов» объёмом почти в 900 страниц он впервые познакомился, будучи студентом старших курсов Массачусетского технологического института и был «настолько ей захвачен, что с тех пор стал убеждённым сторонником монетарной экономики и монетарного объяснения экономической истории» [21].

Возможно, самой резонансной частью выступления Б. Бернанке, посвящённого 90-летнему юбилею М. Фридмана, стал заключительный абзац, в котором Бернанке чётко и недвусмысленно заявил о том, что «в отношении Великой депрессии Милтон Фридман и Анна Шварц были правы: мы сотворили её. Простите нас, но благодаря вам больше такого не повторится никогда» [21]. Охарактеризовав «Монетарную историю Соединённых Штатов» как «исключительно современное» исследование, Б. Бернанке достаточно тонко перебросил мост от сравнительно далёкого прошлого американской экономической истории к современности, к финансовым проблемам XXI века. В его трактовке в целом вырисовывалась достаточно интересная картина того, каким образом надлежит действовать монетарным властям, и прежде всего ФРС, в условиях экономических потрясений.

Во-первых, не следует бояться всплеска инфляции и бороться «со спекулянтами с Уолл-стрит», чем активно занималась ФРС в 1928–1929 гг. *Во-вторых*, среди всех секторов и отраслей современной экономики самым важным является банковский сектор, и именно его надо было «спасать» в первую очередь и любой ценой, что не стало приоритетом монетарной политики ФРС в 1931–1932 гг., предпочтение было отдано «удержанию на плаву» предприятий и фирм реального сектора экономики. И, наконец, *в-третьих*, были подвергнуты критике действия президента Ф. Рузвельта, который с ноября 1932 г., то есть с момента своего избрания президентом США, и по март 1933 г., т.е. на момент своего вступления в президентскую должность, не сделал никаких заявлений относи-

тельно слухов, циркулировавших в тот период в американских деловых кругах, относительно возможной девальвации доллара и отказа от золотого стандарта, что нанесло ещё один сокрушительный удар по банковской системе США [21]. Иными словами, Б. Бернанке давал ясно понять, что спасение банковской системы страны является слишком ответственным делом, чтобы поручать его малокомпетентному в вопросах монетарной политики политическому руководству. Эту идею Б. Бернанке конкретизировал тезисом М. Фридмана о том, что одним из решающих факторов провалов монетарной политики США в тот период стала «преждевременная» кончина «самого выдающего председателя ФРС» Б. Стронга в 1928 г. В итоге Б. Бернанке полностью солидаризировался с М. Фридманом в том, что «вакуум руководства и в целом низкий уровень централизованного руководства региональными банками Федеральной резервной системы были серьёзной проблемой, которая привела к чрезмерной пассивности и многим неверным решениям, принятым ФРС в годы после смерти Стронга» [21]. С ретроспективных позиций 2022 г. Б. Бернанке ещё в 2002 г. сделал заявку на то, чтобы считаться одновременно теоретиком уровня М. Фридмана и потенциально одним из лучших председателей ФРС за всю её историю наподобие Б. Стронга – «блестящего банкира и руководителя Центрального банка».

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ИНФЛЯЦИИ И ХАРИБДОЙ ДЕФЛЯЦИИ

Обращение к опыту «Великой депрессии» потребовалось Б. Бернанке для искусного манипулирования монетарными составляющими дихотомии «дефляция – инфляция», чтобы с течением времени в американском обществе исчезли страх и озабоченность по поводу инфляции, пагубные последствия которой ощутили все поколения американцев, рождённые после Второй мировой войны. Причинно-следственная ассоциация дефляции с «Великой депрессией» также следует считать формой изменения рациональных экспектаций деловых кругов и большей части американских потребителей, поскольку о феномене дефляции в американском обществе не помнил никто, а «Великая депрессия» с её массовыми банкротствами и двузначными показателями уровня безработицы прочно стала важнейшей частью исторической памяти американцев.

После речи-панегирика в честь М. Фридмана и монетарной интерпретации «Великой депрессии» Б. Бернанке обратился к фактически несуществующей проблеме дефляции; по его мнению, многие экономисты «высказывают опасения, что вскоре мы можем столкнуться с новой проблемой, с опасностью дефляции, или падающими ценами» [22]. Прогнозы о наступлении «эры дефляции» были явно надуманными. В начале XXI века в США наблюдалась сравнительно небольшая инфляция на среднегодовом уровне 2,0%, а прогнозы о наступлении режима дефляции были основаны на лопнувшем пузыре на рынке ИКТ-технологий в марте 2000 г., которые считались «локомотивом» американского экономического развития в наступающем XXI веке, способными обеспечить пе-

реход к новому научно-технологическому укладу. «Лопнувший пузырь» сопровождался дефляционными тенденциями, однако как указал видный американский экономист Р. Гордон, они были ограничены исключительно сферой ИКТ-технологий и были вызваны научно-техническим прогрессом в ней, предопределяя, в частности, ежегодное снижение цен на компьютерные технологии на беспрецедентные 29,0% в 1995–1998 гг., однако расходы на производство компьютеров на превышали 1,3% всех инвестиций в частном несельскохозяйственном секторе американской экономики [29: 22].

Диагноз скорого прихода дефляционного режима функционирования американской экономики явно не соответствовал экономическим реалиям XXI века, и поэтому Б. Бернанке прибег к своеобразному «шаманскому камланию», многозначительно заявив о том, что «периоды дефляции редки, и делать обобщения о них сложно. Действительно, недавнее исследование японского опыта, проведённое Федеральной резервной системой [1], показало, что дефляция была почти полностью неожиданной для иностранных и для японских наблюдателей. Итак, сказав, что дефляция в Соединённых Штатах крайне маловероятна, было бы неосмотрительно полностью исключать такую возможность» [22].

В исторической ретроспективе самым примечательным в речи Б. Бернанке был перечень причин, порождающих инфляцию. По его пророческому заключению, «после Второй мировой войны инфляция – безудержно неумолимый рост цен на товары и услуги – стала бичом центральных банков. Экономисты разных школ утверждают, что инфляция является неизбежным результатом (выберите ваш самый любимый) отказа от металлических денежных стандартов, отсутствия фискальной дисциплины, ценовых шоков на нефть и другие товары, борьбы за распределение доходов, чрезмерного количества денег в обращении, самореализующихся инфляционных ожиданий, "инфляционным уклоном" в политике центральных банков и других причин» [22].

К этому перечню следует добавить и категорическое неприятие Б. Бернанке «правила Дж. Тейлора», о чём он поведал в своей статье, появившейся в 2015 г., уже после ухода с поста председателя ФРС. В ней, в частности, Б. Бернанке заявил о том, что «как политик я часто ссылался на различные правила монетарной политики, включая варианты "правила Дж.Тейлора". Однако мне казалось само собой разумеющимся, что такие правила не могут быть самодостаточными при разработке монетарной политики в условиях сложной, динамичной экономики» [12]. Особое раздражение Б. Бернанке вызвало категорическое утверждение Тейлора о том, что «политика должна практически всегда следовать "правилу Дж. Тейлора" (или аналогичному правилу) и что даже относительно небольшие отклонения от этого правила могут иметь огромные негативные последствия» [12].

В своё время соратник Б. Бернанке Ф. Мишкин достаточно элегантно дезавуировал «правило Дж.Тейлора»; умело манипулируя терминами и тонко намекая при этом на «научную несостоятельность» своего коллеги из Стэнфордского университета. Соглашаясь с Дж. Тейлором в том, что «инфляция останется

под контролем, только если реальные процентные ставки увеличиваются в ответ на рост инфляции», Ф. Мишкин провёл чёткий водораздел между теорией и практикой монетарной политики США: «Хотя теперь принцип Тейлора кажется достаточно очевидным, эмпирический анализ применения "правила Дж. Тейлора", выполненный, в частности, экономистами Р. Клариды, Дж. Гали и М. Гертлером в 2000 г. [Clarida R., Gali J. and Gertler M. February 2000], показал, что в конце 1960-х и в 1970-х годах многие центральные банки, включая ФРС, неоднократно нарушали принцип Тейлора, что привело к Великой инфляции, которую пережили многие страны в этот период. И действительно, по мере роста инфляции в США реальные процентные ставки снижались» [30: 7-8]. Тем не менее, брошенное походя замечание о том, что фактический отход от следования «правилу Дж. Тейлора» чреват возникновением синдрома «Великой инфляции», спустя 12 лет после написания этих строк читается как своего рода обвинительный вердикт архитекторам и проводникам «новаторских начинаний» в монетарной политике, главным из которых и явился Б. Бернанке.

МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА США НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ: МЕЖДУ «ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИЕЙ» 1930-х ГОДОВ И СТАГФЛЯЦИЕЙ 1970-х

Наследие Б. Бернанке в полной мере заявило о себе и в ходе кризисных потрясений в американской экономике в 2020–2021 гг., спровоцированных коронавирусной пандемией. Падение реального ВВП США во II квартале 2020 г., вызванное решением администрации Д. Трампа закрыть американскую экономику на «всеобщий карантин» по рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на беспрецедентные 29,9% вслед за его снижением на 4,6% в I квартале [4], практически мгновенно воскресило в сознании творцов монетарной политики США «призрак» «Великой депрессии». В результате ФРС уже во II квартале 2020 г., как и в ходе кризиса 2007–2009 гг., начала усиленно накачивать американскую экономику денежной массой, и с марта по июнь 2022 г. денежная масса (в расчёте на денежный агрегат M2) увеличилась с 16,0 трлн до 18,2 трлн долл., или почти на 14,0% [11]. Всего с января 2020 г. по май 2022 гг. ФРС увеличила объём денежной массы с 15,4 трлн до 21,7 трлн долл., или на рекордные за всю предыдущую историю ФРС, начиная с конца 1950-х годов, 41,0% [рассчитано по: 27], которая стала сопоставима с объёмами производимого ВВП. Иными словами, в начале 2020-х годов американские экономисты убедились в абсолютной правоте хрестоматийной теории инфляции, которая давно стала стереотипом сознания даже рядовых обывателей.

И только с апреля 2022 г. ФРС начала постепенно уменьшать объёмы денежной массы в американской экономике, да и то сравнительно небольшими темпами, явно стремясь завуалировать главный фактор «инфляционного взрыва» в США с весны 2021 г. Параллельно на протяжении 2022 года ФРС под руковод-

ством Дж. Пауэлла, несмотря на экономический спад в первом полугодии, начала постепенно увеличивать базовую ставку рефинансирования, которая с середины марта по середину декабря 2022 г. увеличилась с 0,0% до 4,5% [23]. Это беспрецедентное решение ФРС, по словам Дж. Пауэлла, не оставило Центральному банку по сути, никакого другого пути по обузданию инфляции, кроме как выбора между «плохим решением» – «мягкой посадкой» американской экономики, и «очень плохим решением» – её «жёсткой» посадкой, то есть между неглубокой, но продолжительной рецессией, и полномасштабным экономическим кризисом наподобие «двойной рецессии» 1980 г. и 1981–1982 гг., а также, возможно, стагфляцией 1970-х годов [8]; [14].

«СТРАННАЯ НАГРАДА», ИЛИ ВТОРАЯ НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ М. ФРИДМАНА

Присуждение Нобелевской премии по экономике за 2022 год трём американским экономистам Б. Бернанке, ведущему научному сотруднику Бруклинского института (г. Вашингтон), Д. Даймонду, профессору Школы бизнеса Чикагского университета, и Ф. Дибвигу, профессору университета Вашингтона в г. Сент-Луис, штат Миссури (*Washington University in St. Louis*), «за исследования банков и финансовых кризисов» с самого начала было воспринято как политически ангажированная награда бывшему председателю ФРС Б. Бернанке от его коллег из Шведского центрального банка Риксбанк. Фигурально говоря, шведские банкиры наградили своего американского гуру, а для повышения его «научного авторитета» придали ему дополнение в виде научных изысканий профессоров Д. Даймонда и Ф. Дибвигу, при этом, однако, достаточно тонко дезавуировав их практическую значимость.

На всём протяжении 2022 года общий хор финансовых аналитиков и экспертов прямо взваливал всю ответственность за глобальную инфляцию на ФРС США [см., например: 15]; в этих условиях глобалистски настроенная финансовая элита не могла не реагировать на серьёзный вызов её репутации и образу в глазах мировой общественности. Нобелевская премия по экономике за 2022 год и стала своего рода индульгенцией за все провалы и просчёты в монетарной политике ФРС США, начиная с «Великой рецессии» 2007–2009 гг. При этом составители научного обоснования присуждённой в 2022 г. Нобелевской премии по экономике избрали фантастически парадоксальную форму защиты института банковской системы, смысл которой состоял в том, что независимо от направленности и последствий деятельности банков, в том числе и центральных банков, им нет никакой альтернативы в качестве финансовых посредников.

В этом плане особое впечатление производит объяснение аналитиков Нобелевского комитета функциональной роли банков и банковской системы в экономике, ориентированной на широкую общественность. Из него, в частности, читатель узнаёт, что основная направленность деятельности банков и банков-

ской системы состоит в том, чтобы играть «роль промежуточного звена для трансформации вкладов с короткими сроками погашения в долгосрочные инвестиции» [32: 5 (8)]. Эта идеалистически розовая картина смысла и назначения банков и банковской системы конкретизируется в специализированном научном обосновании присуждённой премии, в котором, в частности, говорится о том, что «банки и подобные им учреждения существуют уже тысячи лет. Сегодня они активны во всех странах по всему миру. Банки, очевидно, выполняют важные функции, но они также находились в эпицентре некоторых из самых разрушительных экономических кризисов в истории, таких как Великая депрессия. Тем не менее, только после того, как появились работы лауреатов этого года Бена С. Бернанке, Дугласа В. Даймонда, и Филиппа Х. Дибвига, в нашем распоряжении оказалась всеобъемлющая теория того, почему банки существуют в той форме, которую мы наблюдаем, какую роль они играют в экономике, почему они хрупки, и эмпирическое объяснение того, насколько разрушительными и долговременными могут быть последствия массовых банкротств банков» [31: 58].

Насквозь лицемерная характеристика роли банков в мировых экономических потрясениях, данная Нобелевским комитетом, состоит в том, что банки, в том числе центральные, являются не источниками и генераторами финансовых кризисов, а их первыми жертвами. Однако этот тезис опровергается данными, приведёнными на схеме №1 научного обоснования Нобелевского комитета, из которого вытекает, что вплоть до середины 1930-х годов, то есть до создания в 1933 г. Федеральной корпорации по страхованию вкладов, банкротства банков были широко распространены в американской экономике; в частности, в 1873 г. число обанкротившихся банков перевалило за 100, а в 1993 г. – за 500 [31: 10]. Более того, вопреки распространённому мнению о том, что банкротства банков были исключительно феноменом начала 1930-х годов, когда количество обанкротившихся банков колебалось в пределах от 1 тыс. до 2 тыс. банков ежегодно, их банкротства начались задолго до «Великой депрессии», сразу же после окончания Первой мировой войны, и в 1920-е годы в США ежегодно банкротилось от 500 до 800 банков [31: 11].

Фундаментальная причина безучастного отношения ФРС в первой половине 1930-х годов к судьбам банков, особенно на региональном уровне, состояла в том, что в тот период основной проблемой функционирования банковской системы США была их низкая эффективность, можно даже сказать, изначально заданный спекулятивный характер их деятельности, до известной степени обусловленной именно отсутствием системы государственного регулирования и надзора над банковской сферой. Естественно, что о проблеме эффективности функционирования американской банковской системы в научном обосновании присуждённой в 2022 г. Нобелевской премии по экономике не сказано ни слова.

Заключение Нобелевского комитета о фундаментальном характере работ Б. Бернанке, Д. Даймонда и Ф. Дибвига базируется всего на трёх их работах, опубликованных в первой половине 1980-х годов. Применительно к Б. Бернанке фигурирует его статья, появившаяся в 1983 г. в ведущем американском эконо-

мическом журнале «Американ экономик ревью». Составители заключения предусмотрительно не дали полного заголовка статьи, которая называлась «Немонетарные факторы финансового кризиса в увеличении продолжительности Великой депрессии». Согласно мнению экспертов Нобелевского комитета в своей статье Б. Бернанке продемонстрировал, что «спад стал очень глубоким и затяжным в значительной степени потому, что банкротства банков разрушили устоявшиеся межбанковские отношения, и, как следствие, сокращение предложения кредита нанесло серьёзные травмы реальному сектору экономики. Эта идея оказалась новаторской; прежде экономические историки рассматривали банкротства банков просто как следствие экономического спада или как нечто, имеющее значение для остальных секторов экономики только в форме сокращения денежной массы, а не прямого ущерба для инвестиций через разорванные кредитные договорённости. Таким образом, работа Бернанке была важна не только для понимания возникновения "Великой депрессии", но и в более общем плане как доказательство критической роли банков в экономике» [31: 3].

Всё это витиеватое изъяснение потребовалось для того, чтобы доказать «оригинальность» вклада 29-летнего молодого экономиста в понимание генезиса «Великой депрессии», который защитил докторскую диссертацию только в мае 1979 г. в Массачусетском технологическом институте. Поскольку в статье Б. Бернанке прямо заявил о том, что за основу исследования он взял работу М. Фридмана «Монетарная история Соединённых Штатов» [Bernanke B. June 1983: 257], то основная концептуальная идея Б. Бернанке оказалась не чем иным, как парафразом стандартного монетарного объяснения генезиса «Великой депрессии», сформулированного М. Фридманом за 20 лет до появления статьи Б. Бернанке. Разрыв межбанковских связей также следует считать формой банковского кризиса, то есть имеющего отношение к сугубо монетарной трактовке генезиса «Великой депрессии». Поразительно, но буквально через несколько страниц своего научного обоснования эксперты Нобелевского комитета были вынуждены признать, что Б. Бернанке «так и не сумел создать какую-либо специфическую новую теорию» кризиса банковской системы; она была создана в статье Д. Даймонда и Ф. Дибвига «Бегство из банков, страхование вкладов и ликвидность», появившейся в 1983 г. [Diamond D. and Dybvig Ph., June 1983], и в статье Д. Даймонда «Финансовое посредничество и делегированный мониторинг», опубликованной в 1984 г. [Diamond D., July 1984].

Д. Даймонда можно считать последователем М. Фридмана, поскольку он с 1979 г. преподаёт в Школе бизнеса Чикагского университета, в которой налажен своеобразный «конвейер» по производству лауреатов Нобелевской премии в области экономики; в частности, в 2013 г. ею были удостоены профессора Ю. Фама и Л. Хансен, в 2017 г. - профессор К. Талер, в 2019 г. - профессор М. Кремер. Статья Д. Даймонда «Финансовое посредничество» является печатным изданием его докторской диссертации, защищённой в 1982 г. в Йельском университете [17], и многие её положения вошли в статью 1983 г. Однако вряд ли докторскую

диссертацию молодого исследователя следует считать достойной присуждения Нобелевской премии – скорее она дана за более, чем 40 статей примерно на эту же тему, опубликованных в последующие 40 лет. Аналогичная оценка может быть дана и соавтору Д. Даймонда по статье 1983 г., профессору Ф. Дибвигу, защитившего докторскую диссертацию по экономике в Йельском университете в 1979 г., хотя круг его научных интересов впоследствии оказался шире, а количество публикаций в научных журналах больше по сравнению с профессором Д. Даймондом.

Не вдаваясь в детали математической модели Д. Даймонда – Ф. Дибвигу, описывающей паническое бегство физических и юридических вкладчиков из банков и построенной на принципах плохого и хорошего равновесия ликвидных вкладов и неликвидных займов и ипотек, выдаваемых банками, следует указать, что быстрое изъятие банковских вкладов теоретически оставляет банки без наличных средств, что в итоге и ведёт к их банкротству. В статье, опубликованной в 2007 г., Д. Даймонд коротко и чётко изложил основные особенности модели, увидевшей свет в 1983 г., смысл которой свёлся к тому, что «банки выдают ссуды, которые невозможно быстро продать по высокой цене. Банки выпускают депозиты до востребования, которые позволяют вкладчикам снять средства в любое время. Это несоответствие ликвидности, при котором обязательства банка более ликвидны чем его активы, порождает проблемы для банков в условиях, когда слишком много вкладчиков пытается одновременно снять свои средства (ситуация, называемая бегством из банков)» [Diamond D., Spring 2007: 189].

Иными словами, банки попадают в так называемую «ловушку ликвидности», что было характерно для банковской системы США в 1930–1933 гг. и в период «ссудо-сберегательного кризиса» 1980–1989 гг. В частности, во второй половине 1980-х годов в США ежегодно банкротилось около 500 ссудо-сберегательных малых банков, а всего в первой половине 1990-х годов созданная в 1989 г. государственная Корпорация по разрешения кризиса ссудо-сберегательной отрасли ликвидировала 747 малых банков с активами свыше 407 млрд долл. Санация отрасли малых ссудо-сберегательных банков обошлась американским налогоплательщикам в тот период в 124 млрд долларов [25].

С приходом к руководству ФРС в 2006 г. Б. Бернанке выход из «ловушки ликвидности», в которую попала вся банковская система США в период «Великой рецессии» 2007–2009 гг., был найден просто и без использования математических формул модели Д. Даймонда и Ф. Дибвигу и иных подобных ей моделей. ФРС, напуганная в 2008 г. крахом ведущих американских банков, таких как «Леман бразерс», «Беар Стернз» и «Мерилл Линч», понизила базовую ставку рефинансирования в конце 2008 г. до нулевого значения и прибегла к использованию своего печатного станка – через специально созданные кредитные программы она «закачала» в банковскую систему США порядка 2,0 трлн долл. [рассчитано по: 34]. Помимо этого, ФРС пошла на беспрецедентный по историческим масштабам шаг, увеличив в десятки раз (! – *авт.*) размер резервных средств, которы-

ми могли воспользоваться 12 региональных банков ФРС для поддержки банков – членов ФРС. В частности, если в конце 2007 г. сумма резервных средств составляла всего 14,1 млрд, то через год она достигла 855,6 млрд долл., а к концу 2009 г. – 973,5 млрд долларов! [7: 435].

В итоге, с 1 января 2005 г. по 31 декабря 2013 г. в США обанкротилось всего 492 коммерческих банка [2: 4], что не шло ни в какое сравнение с числом обанкротившихся банков ни в годы «Великой депрессии», ни во время «ссудосберегательного» кризиса 1980-х годов. Возможно, неслучайно в своей речи по поводу вручения ему Нобелевской премии в Стокгольме 8 декабря 2022 г. Б. Бернанке привёл данные о том, что в годы «Великой депрессии» прекратили существование 10 тыс., или 40%, из 25 тыс. банков, существовавших в Америке в тот исторический период [6, slide 10].

Именно в знак признательности за спасение американской, да возможно и ведущих сегментов мировой банковской системы в 2007–2009 гг., шведские банкиры и отблагодарили Б. Бернанке Нобелевской премией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТ «ЛОВУШКИ ЛИКВИДНОСТИ» К «ДОЛГОВОЙ ЛОВУШКЕ»

Рекордная за последние 40 лет инфляция в экономике США вынудила ФРС в 2022 г. вернуться к следованию «правилу Дж. Тейлора», оговорив при этом, что в своей монетарной политике она не следует этому правилу «механически» [10: 46]. Тем самым ФРС – в отличие от Нобелевского комитета – признала правоту профессора Дж. Тейлора в его научном споре с Б. Бернанке, согласно которой отход от твёрдо установленных правил монетарной политике чреват серьёзными, а иногда и трудно предсказуемыми среднесрочными и долгосрочными последствиями.

Однако эти последствия не ограничились возможным наступлением эры «Великой инфляции 2.0». Пытаясь избежать «ловушки ликвидности» для банковской системы США в нулевые годы XXI века, ФРС под руководством Б. Бернанке создало все условия для формирования, возможно, ещё более опасной «долговой ловушки» в начале третьего десятилетия текущего столетия. Нулевые процентные ставки фактически сняли все преграды для стремительного роста долговой пирамиды во всех секторах американской экономики, особенно в государственном секторе США [подробнее: Васильев В.С., 2022]. В итоге в начале 2020-х годов в США возникла ситуация «двойного капкана» – сочетание рекордной инфляции с беспрецедентной за всю американскую историю долговой зависимостью экономики. «Долговое наследие» Б. Бернанке выразилось в том, что валовая задолженность всех секторов американской экономики с 2008 г. по конец 2022 г. увеличилась почти в 2 раза – с 35,3 трлн до 68,5 трлн долл. [9: 7]. Соотношение валовой задолженности всех секторов американской экономики и ВВП в конце 2022 г. составляло 270,0% [9: 9].

Монетарная политика США при Б. Бернанке исходила из императива избежать повторения «Великой депрессии», которую он отождествлял с дефляцией и «ловушкой ликвидности» банковского сектора. Однако замысловатые траектории развития американской экономики привели её в начале 2020-х годов к рекордной инфляции и «долговой ловушке», которые в совокупности могут теоретически означать наступление «Великой депрессии 2.0». В этом плане можно указать на то, что в 1929 г. биржевой крах, повлёкший за собой «Великую депрессию», произошёл, когда соотношение нетто-задолженности всех секторов американской экономики и ВВП составляло также рекордные по тем далеким историческим временам 165,0% – 173,0 млрд долл. [3: 21] к 105,0 млрд долл. [5].

ИСТОЧНИКИ

1. Ahearne A., Gagnon J., Haltmaier J, and Kamin, S. Preventing Deflation: Lessons from Japan's Experience in the 1990s. International Finance Discussion Paper No. 729, June 2002. ii + 62 pp. (accessed 05.01.2022).

2. Antoniadou, A. Commercial bank failures during the Great Recession: the real (estate) story. European Central Bank. Working Paper Series. No 1779/ April 2015. i + 55 pp. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/ecbwp1779.en.pdf> (accessed 05.01.2022).

3. Bangs, R. Public and Private Debt in the United States, 1929-1940. *Survey of Current Business*, November 1940, pp. 18-21 (accessed 05.01.2022).

4. BEA. GDP & Personal Income. National Data. National Income and Product Accounts. Table 1.1.1. Percent Change From Preceding Period in Real Gross Domestic Product. [Percent] Seasonally adjusted at annual rates. Available at: <https://apps.bea.gov/iTable/> (accessed 05.01.2022).

5. BEA. GDP & Personal Income. National Data. National Income and Product Accounts. Table 1.1.5. Gross Domestic Product. [Billions of dollars]. Available at: <https://www.bea.gov/itable/national-gdp-and-personal-income> (accessed 05.01.2022).

6. Bernanke, B. Banking, Credit, and Economic Fluctuations. Nobel Lecture. 8 December, 2022. 21 slides. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2022/bernanke/lecture/> (accessed 05.01.2022).

7. Board of Governors of the Federal Reserve System. 96th Annual Report. 2009. ix + 563 pp. Available at: <https://www.federalreserve.gov/publications/annual-report.htm> (accessed 05.01.2022).

8. Board of Governors of the Federal Reserve System. Federal Open Market Committee. Transcript of Chair Powell's Press Conference. November 2, 2022. 23 pp. Available at:

<https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fomcpresconf20221102.pdf> (accessed 05.01.2022).

9. Board of Governors of the Federal Reserve System. Federal Reserve Statistical Release. Z.1. Financial Accounts of the United States. Flow of Funds, Balance Sheets,

and Integrated Macroeconomic Accounts. Third Quarter 2022. December 9, 2022. xiv + 189 pp. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/z1/default.pdf> (accessed 05.01.2022).

10. Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report. June 17, 2022, iii + 69 pp. Available at: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/2022-06-mpr-summary.pdf> (accessed 05.01.2022).

11. Board of Governors of the Federal Reserve System. Money Stock Measures - H.6 Release. December 31, 2020. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/h6/20201231/> (accessed 05.01.2022).

12. Brookings. Bernanke, B. The Taylor Rule: A benchmark for monetary policy? April 28, 2015. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/ben-bernanke/2015/04/28/the-taylor-rule-a-benchmark-for-monetary-policy/> (accessed 05.01.2022).

13. Bryan, M. Great Inflation, 1965-1982. - *Federal Reserve History*, November 22, 2013. Available at: <https://www.federalreservehistory.org/essays/great-inflation> (accessed 05.01.2022).

14. CRS Insight. Where Is the U.S. Economy Headed: Soft Landing, Hard Landing, or Stagflation? June 28, 2022. 4 pp. Available at: <https://crsreports.congress.gov/IN11963> (accessed 05.01.2022).

15. Curott, N. and Watts, T. The Fed is Responsible for Great Inflation. May 3, 2022. 4 pp. Available at: <https://www.aier.org/article/the-fed-is-responsible-for-great-inflations.pdf> (accessed 05.01.2022).

16. De Witte, M. What causes inflation? Stanford scholar explains. - *Stanford News*, September 6, 2022. Available at: <https://news.stanford.edu/2022/09/06/what-causes-inflation/> (accessed 05.01.2022).

17. Diamond, D. Essays on Information and Financial Intermediation. Ph. D. Dissertation, Yale University, 1982 (accessed 05.01.2022).

18. Eurozone Inflation Rate. *Ycharts*. Available at: https://ycharts.com/indicators/eurozone_inflation_rate (accessed 05.01.2022).

19. Federal Reserve. Fed's interest rate history: A look at the fed funds rate from the 1980s to the present. Available at: <https://www.bankrate.com/banking/federal-reserve/history-of-federal-funds-rate/> (accessed 05.01.2022).

20. Federal Reserve Bank of Minneapolis. Consumer price index. 1913. Available at: <https://www.minneapolisfed.org/about-us/monetary-policy/inflation-calculator/consumer-price-index-1913> (accessed 05.01.2022).

21. Federal Reserve Board. Remarks by Governor Ben S. Bernanke At the Conference to Honor Milton Friedman, University of Chicago, Chicago, Illinois. November 8, 2002. On Milton Friedman's Ninetieth Birthday. Available at: <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021108/default.htm#fn1> (accessed 05.01.2022).

22. Federal Reserve Board. Remarks by Governor Ben S. Bernanke Before the National Economists Club, Washington, D.C. Deflation: Making Sure "It" Doesn't Happen Here. November 21, 2002. Available at: <https://www.federalreserve.gov/boardDocs/speeches/2002/20021121/default.htm> (accessed 05.01.2022).

23. Federal Reserve. Fed's interest rate history: A look at the fed funds rate from the 1980s to the present. Available at: <https://www.bankrate.com/banking/federal-reserve/history-of-federal-funds-rate/> (accessed 05.01.2022).

24. Federal Reserve History. Federal Reserve Credit Programs During the Melt-down, 2007–2010. Available at: <https://www.federalreservehistory.org/essays/fed-credit-programs> (accessed 05.01.2022).

25. Federal Reserve History. Savings and Loan Crisis, 1980–1989. November 22, 2013. Available at: <https://www.federalreservehistory.org/essays/savings-and-loan-crisis> (accessed 05.01.2022).

26. Federal Reserve History. The Great Depression, 1929–1941. November 22, 2013. Available at: <https://www.federalreservehistory.org/essays/great-depression> (accessed 05.01.2022).

27. FRED. St. Louis Fed. Economic Data. M2. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/M2SL> (accessed 05.01.2022).

28. Grazia Attinasi, M. and Mirco Balatti, M. Globalisation and its implications for inflation in advanced economies. - *ECB Economic Bulletin*, 2021, Issue 4, pp. 88-106. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pdf/eb202104.en.pdf> (accessed 05.01.2022).

29. NBER Working Paper Series. Gordon, R. Technology and Economic Performance in the American Economy. NBER Working Paper No. 8771. February 2002. i + 57 pp. Available at: <http://www.nber.org/papers/w8771> (accessed 05.01.2022).

30. NBER Working Paper Series. Mishkin, F. Monetary Policy Strategy: Lessons From the Crisis. February 2011. NBER Working Paper No. 16755. 62 pp. Available at: <https://www.nber.org/papers/w16755> (accessed 05.01.2022).

31. The Royal Swedish Academy of Sciences. Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2022. Financial Intermediation and the Economy. The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. 10 October 2022. 72 pp. Available at: <https://www.kva.se/en/news/the-prize-in-economic-sciences-2022/> (accessed 05.01.2022).

32. The Royal Swedish Academy of Sciences. The Prize in Economic Sciences 2022. Popular Science Background. The laureates explained the central role of banks in financial crises. 8 pp. Available at: <https://www.kva.se/en/news/the-prize-in-economic-sciences-2022/> (accessed 05.01.2022).

33. United States Inflation Rate - *Trading Economics*. Available at: <https://tradingeconomics.com/united-states/inflation-cpi>. (accessed 05.01.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.С. Пирамида федерального долга и рекордные бюджетные дефициты как угроза национальной безопасности США. *Международная экономика*, 2022, № 11. DOI:10.33920/vne-04-2211-04

REFERENCES

Bernanke, B. Nonmonetary Effects of the Financial Crisis in the Propagation of the Great Depression. *The American Economic Review*, June 1983, pp. 257-276.

Bernanke, B. The macroeconomics of the Great Depression: A comparative approach. *Journal of Money, Credit and Banking*, February 1995, pp. 1-28.

Caldwell, J. and O'Driscoll, T. What Caused the Great Depression? *Social Education*, March 2007, pp 70-74.

Clarida, R., Gali, J. and Gertler M. Monetary Policy Rules and Macroeconomic Stability: Evidence and Some Theory. *The Quarterly Journal of Economics*, February 2000, pp. 147-180.

Diamond, D. and Dybvig, Ph. Bank runs, deposit insurance, and liquidity. *Journal of Political Economy*, June 1983, pp. 401-419.

Diamond, D. Financial Intermediation and Delegated Monitoring. *The Review of Economic Studies*, July 1984, pp. 393-414.

Diamond, D. Banks and Liquidity Creation: A Simple Exposition of the Diamond-Dybvig Model. *Economic Quarterly*, Spring 2007, pp. 189-200.

Dumènil, G., Glick, M. and Rangel, J. Theories of the Great Depression: Why Did Profitability Matter? *Review of Radical Political Economy*, Summer 1987, pp. 16-42.

Friedman, M. and Jacobson Schwartz, A. *Monetary History of the United States, 1867-1960*. Princeton: Princeton University Press, 1963, xxiv + 860 pp.

Taylor, J. Discretion versus Policy Rules in Practice. - "Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy". December 1993, pp. 195-214.

Vasiliev, V.S. Federal debt pyramid and record budget deficits as a threat to the US national security. *International Economics*, 2022, No. 11. DOI: 10.33920/vne-04-2211-04

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской Академии наук (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Vladimir S. VASILIEV, Doc. Sci. (Economics), Chief Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 05.01.2023.

Статья поступила после рецензирования / Revised 16.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 18.01.2023.

УДК: 328.18

DOI: 10.31857/S2686673023030033

EDN: HATWUO

Конгресс и односторонний выход США из международных соглашений по контролю над вооружениями (2002–2020 гг.)

О.С. Грецкая

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН)*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

РИНЦ ID: 1180728

ORCID: 0000-0001-6893-8351 e-mail: ogreckaya@iskran.ru

Резюме. В статье рассматриваются четыре случая одностороннего выхода США из международных соглашений по контролю над вооружениями в первых двух десятилетиях XXI века. Каждый из четырёх прецедентов проанализирован через представленные законодателями резолюции на предмет разницы подходов демократов и республиканцев к вопросам контроля над вооружениями. Также затронуты проблемы конституционности действий президента и реализации конституционных полномочий Конгресса при выходе США из международных соглашений.

Ключевые слова: Конгресс США, Конституция США, контроль над вооружениями, Договор по ПРО, Совместный всеобъемлющий план действий (иранская сделка), ДРСМД, Договор по открытому небу

Для цитирования: Грецкая О.С. Конгресс и односторонний выход США из международных соглашений по контролю над вооружениями (2002–2020 гг.). *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(3):34-46.

DOI: 10.31857/S2686673023030033 EDN: HATWUO

Congress and the U.S. Unilateral Withdrawal from International Arms Control Agreements (2002–2020)

Olesia S. Gretskaia

Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

РИНЦ ID 1180728

ORCID: 0000-0001-6893-8351 e-mail: ogreckaya@iskran.ru

Abstract: The article examines four cases of the U.S. unilateral withdrawal from international arms control agreements in the first two decades of the 21st century from the legislative branch perspective. Each of the four precedents is analyzed through the resolutions, which were submitted by legislators, in order to determine the difference in the approaches of Democrats and Republicans to arms control issues. Also, the paper discusses the constitutionality of

presidential action and the exercise of congressional constitutional authority in the circumstances of the U.S. withdrawals from international agreements.

Keywords: Congress, the U.S. Constitution, arms control, the ABM Treaty, JCPOA, the INF Treaty, the Open Skies Treaty

For citation: Gretskaia O.S. Congress and the U.S. Unilateral Withdrawal from International Arms Control Agreements (2002–2020). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(3):34-46. DOI: 10.31857/S2686673023030033 EDN: HATWUO

ВВЕДЕНИЕ

Выход США как из двухстороннего, так и из многостороннего соглашения по контролю над вооружениями стал весьма заметным трендом в американской внешней политике при республиканских администрациях в первых двух десятилетиях XXI века. Первый прецедент произошёл в 2002 г. при президенте Дж. Буше-младшем (2001–2009 гг.) США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО. При президенте Д. Трампе (2016–2020 гг.) эта тенденция проявилась в полную силу. Так называемой «доктрине выхода» (*the withdrawal doctrine*) [1] Д. Трамп следовал трижды: его администрация вышла из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 г., из Договора РСМД в 2019 г. и Договора по открытому небу в 2020 г. Каждый из четырёх случаев одностороннего выхода США из соглашения по ядерному оружию отличался специфическими обстоятельствами и особенностями, которые рассматриваются и анализируются в данной статье с позиции Конгресса.

Согласно второму разделу второй статьи Конституции США президент «имеет право по совету и с согласия Сената заключать договоры при условии одобрения их двумя третями присутствующих сенаторов» [2]. Однако в американском внешнеполитическом механизме помимо договора существуют и другие формы заключения международного соглашения, например исполнительное соглашение или политическая договорённость. Исполнительная власть нередко осознанно использует именно эти формы международных соглашений, чтобы избежать необходимости получения «совета и согласия» Сената – очень трудоёмкой и энергозатратной процедуры как для президента, так и для Конгресса. Однако двухсторонние соглашения по контролю над вооружениями между США и Россией (СССР) были заключены в форме договора, как и Договор по открытому небу – это подчёркивало их неоспоримую важность. Тем временем иранская сделка юридически представляет собой именно политическую договорённость.

В контексте выхода США из международных соглашений форма этого соглашения имеет первостепенную важность. В зависимости от того, снимают ли США с себя обязательства по международному договору (то есть тому договору, который, согласно американскому внутреннему праву, получил «совет и согласие» Сената на ратификацию) или политической договорённости, у законодательной власти могут появиться основания не согласиться с конституционно-

стью действий исполнительной власти. Более того, прецеденты одностороннего выхода США из договоров по контролю над вооружениями чётко иллюстрируют разницу в подходах демократов и республиканцев к контролю над вооружениями и к нераспространению ядерного оружия.

КОНГРЕСС И ВЫХОД США ИЗ ДОГОВОРА ПО ПРО В 2002 г.

Взаимоотношения президента Дж. Буша-младшего и Конгресса 107-го созыва характеризовались классическим противостоянием партий и ветвей власти федерального правительства, которое возникает на американской внутриполитической арене при разделённом правлении. Именно такая расстановка сил установилась в период выхода США из Договора противоракетной обороне 1972 г. (ПРО; *The Anti-ballistic Missile (ABM) Treaty*): в Сенате большинство принадлежало Демократической партии, в Палате представителей – Республиканской.

Представители двух партий заняли противоположные позиции по вопросу выхода из Договора по ПРО. Республиканцы аргументировали выход из Договора появлением новых угроз национальной безопасности США после событий 11 сентября 2001 г., что требовало новых средств защиты, а также изменением геополитики за 30 лет с момента подписания Договора. 13 июня 2002 г., когда Договор по ПРО официально прекратил своё существование, члены Палаты представителей (12 республиканцев и лишь 1 демократ) представили резолюцию, в которой выразили поддержку выхода из Договора [3].

Демократы подвергли критике решение президента, объясняя свою позицию тем, что односторонний выход из Договора скорее нанесёт урон безопасности США, чем поспособствует её гарантии [4]. Сенатор Рассел Фейнголд (Висконсин) 10 июня 2002 г. представил резолюцию, осуждающую выход США из Договора по ПРО. Резолюция выражала мнение Сената о том, что:

- для прекращения действия какого-либо договора, заключённого между США и другим государством, требуется согласие Сената;
- Сенат должен определять способ, с помощью которого даст согласие на выход США из какого-либо международного договора [5].

Резолюция Сената отличалась от резолюции Палаты представителей не только диаметральной противоположностью мнений, но и непосредственным содержанием. Резолюция конгрессменов-республиканцев сосредоточена на внешнеполитическом аспекте проблемы и приводит доказательства того, что выход из Договора по ПРО является правильным шагом администрации президента в условиях появления новых угроз безопасности США. Резолюция сенатора-демократа сделала акцент на внутриполитической стороне вопроса, подняв дискуссию среди законодателей о том, может ли исполнительная власть выйти из какого-либо договора в одностороннем порядке без согласия Конгресса. 6 июня 2002 г. конгрессмен-демократ Деннис Кученич (Огайо) выступил в Палате представителей с резолюцией, в которой призывал президента «уважать кон-

ституциональную роль Конгресса и получить одобрение Конгресса на выход США из Договора по ПРО» [6].

В случае с ПРО вопрос конституционности действий администрации президента не просто активно обсуждался в законодательных кругах, но и был представлен суду. 11 июня 2002 г. 31 демократ и 1 независимый конгрессмен из Палаты представителей во главе с Кученичем предъявили иск президенту, государственному секретарю К. Пауэллу и министру обороны Д. Рамсфилду в связи с выходом США из Договора по ПРО. Так как согласно шестой статье Конституции США «все договоры, которые заключены или будут заключены властью Соединённых Штатов, становятся верховным правом страны» [Лафитский В.И., 1993], конгрессмены утверждали, что президент не может выйти из международного договора без согласия Конгресса, как и не может отменить принятый закон [7].

Представители ответчиков утверждали, что полная прерогатива в области внешней политики принадлежит президенту по второй статье Конституции, которая чётко определяет полномочия исполнительной власти по заключению международных договоров. Следовательно, выход президента из Договора по ПРО без согласия Конгресса был конституционным [7]. Однако истцы интерпретировали Конституцию с другой точки зрения, считая, что составление, дополнение и выход из международных договоров должны быть совместной прерогативой исполнительной и законодательной ветвей власти. Согласно системе сдержек и противовесов, президент должен получить одобрение квалифицированного большинства Сената или большинства голосов обеих палат, чтобы выйти из договора [7], по аналогии процессу его ратификации.

Федеральный окружной суд округа Колумбия отклонил иск конгрессменов, приведя те же самые аргументы, что были использованы в деле «Голдуотер против Картера» [8], последнего на тот момент случая выхода США из международного договора. Иск был отклонён на нескольких основаниях.

Во-первых, он не соответствовал стандартам, установленным Верховным судом США по делу «Рейнс против Бёрда» 1997 г., согласно которому отдельные члены Конгресса не имеют права оспаривать конституционность законов, затрагивающих Конгресс в целом и касающихся споров между ветвями власти в особенности [9].

Во-вторых, по мнению Федерального окружного суда, вопрос о расторжении международного договора является сугубо политическим, поэтому конституционная власть в его отношении в значительной степени передается исполнительной и законодательной ветвям федерального правительства, а не судебной власти [9].

В-третьих, суд отметил, что в Конституции ничего не говорится о процедуре, которой необходимо следовать при расторжении договора. Фактически Конгресс не был лишен конституционного права, поэтому судебное решение было бы неуместным. Так как истцы понесли только институциональный ущерб, а не личный, у них нет твердых оснований для подачи иска [7].

Также суд подчеркнул, что конгрессмены обладали широким спектром инструментов парламентского контроля, которые теоретически могли бы воспре-

пятствовать выходу США из Договора по ПРО без согласия Конгресса: отказ от финансирования разработки и внедрения любой системы противоракетной обороны; принятие закона, запрещающего разработку и внедрение систем противоракетной обороны; сокращение военного бюджета; отклонение назначений президента; попытка инициации процедуры импичмента [7].

КОНГРЕСС И ВЫХОД США ИЗ СВПД В 2015 г.

В Конгрессе 115-го созыва большинство в обеих палатах принадлежало республиканцам. Но, несмотря на единое правление, взаимодействие между исполнительной и законодательной ветвями власти было осложнено самим Д. Трампом, чью фигуру на президентском посту одобряли далеко не все его однопартийцы.

Д. Трамп отказался в очередной раз сертифицировать Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД или иранская сделка, *Joint Comprehensive Plan of Action, JCPOA*) 13 октября 2017 г. [10] Это действие глава исполнительной власти должен был совершать в соответствии с законом «Об оценке ядерного соглашения с Ираном», тем самым подтверждая, что Иран соблюдает условия сделки. В случае отсутствия такой сертификации Конгресс в течение 60 дней мог восстановить режим экономических санкций против Ирана, что означало бы выход США из соглашения.

Мнение законодателей по вопросу выхода США из СВПД разделилось по партийному признаку. Демократы считали, что сделка позволяет наблюдать за ядерной программой Ирана и контролировать её развитие. Республиканцы воспринимали СВПД как своего рода прикрытие для иранской ядерной программы, которое только оттягивает неизбежное появление ядерного арсенала у Ирана и делает его законным. Сенатор-республиканец Джон Корнин (Техас) отмечал, что по истечении президентского срока Барака Обамы СВПД не обязателен к исполнению, так как является не правовым документом или официальным договором, а политической договорённостью, поэтому у следующего президента будет полное право её расторгнуть [11].

Внимание части Конгресса, поддерживающей выход из СВПД, было сосредоточено на внесении поправки к закону «Об оценке ядерного соглашения с Ираном». Сенаторы-республиканцы Роберт Коркер (Теннесси) и Том Коттон (Арканзас) представили план, по которому санкции против Ирана автоматически восстанавливались при появлении у него ядерного оружия в течение года [12]. План Коркера – Коттона намеревался использовать внутреннее законодательство США для включения в СВПД новых ограничений на ядерную программу Ирана и предоставил бы президенту право полностью определять, нарушает ли Иран условия самого соглашения и обновленного закона [13]. Коркер и Коттон были единственными законодателями, предложившими возобновить санкции или принять план по внесению поправок в закон. Демократы не предприняли ни од-

ной законодательной инициативы по той причине, что считали СВПД полноценно функционирующим соглашением, условия которого Иран соблюдал.

Даже если бы план Коркера – Коттона был представлен в Конгрессе в виде законопроекта, голосование по нему, вероятно, прошло бы по тому же пути, что и голосование по самому СВПД в 2015 г. Несмотря на то что большинство в обеих палатах принадлежало республиканцам, им было необходимо привлечь на свою сторону определённое количество демократов для принятия поправок к закону, что представлялось маловероятным. Кроме того, не все республиканцы поддерживали план Коркера – Коттона: Марко Рубио (Флорида) заявил о своём скептическом отношении к нему [14], что уже свидетельствовало об отсутствии единства в Республиканской партии по этому вопросу.

Несмотря на распространённость мнения, что с точки зрения американского внутреннего права СВПД является исполнительным соглашением, на самом деле он представляет собой политическую договорённость, то есть соглашение, не имеющее обязательной юридической силы и не требующее одобрения Конгресса ни для вступления в силу, ни для отмены. В связи с этим вопросы конституционности выхода США из СВПД и согласования этого действия с Конгрессом остались без внимания.

КОНГРЕСС И ВЫХОД США ИЗ ДОГОВОРА РСМД В 2019 г.

Промежуточные выборы в ноябре 2018 г. изменили расстановку сил в Конгрессе 116-го созыва. Большинство в Палате представителей получили демократы, но в Сенате лидерство осталось за Республиканской партией. Установившееся разделённое правление означало усиление межпартийного противостояния при президенте Д. Трампе, что проявилось в том числе в процессе выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД, *The Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty, INF*).

Выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) в 2002 г. стал своеобразным прецедентом для повторения подобной ситуации с ДРСМД. Конгресс изначально не был проинформирован о решении администрации покинуть договор в одностороннем порядке. Деятельность законодателей по этому вопросу по большей части сводилась к выражению мнения о сложившейся ситуации и в меньшей степени – к практическим действиям, например представлению законопроектов по данной тематике.

Обвинения российской стороны в нарушении условий ДРСМД были характерны подходам к контролю над вооружениями как демократов, так и республиканцев. Но если демократы акцентировали внимание на глобальных последствиях выхода США из договора и призывали к сохранению его, то республиканцы поддерживали позицию президента, считая, что этот шаг способствует укреплению национальной безопасности. Сенаторы-республиканцы представили резолюцию, выражающую согласие с решением о выходе США из ДРСМД, в

которой утверждалось, что Сенат в соответствии со всеми полномочиями, делегированными Конгрессу, согласен с решением о выходе США из ДРСМД [15].

Среди представителей Республиканской партии, выступающих за сохранение и укрепление контроля над вооружениями, были сенаторы Ричард Лугар (Индиана) и Рэнд Пол (Кентукки). Сенатор Пол отметил взаимность претензий США и России к соблюдению условий договора и призвал к переговорам по контролю над вооружениями [16]. В письме президенту от экспертов по национальной безопасности, среди которых были Р. Лугар и бывший сенатор от Демократической партии (1972–1997 гг.) Сэм Нанн (Джорджия) – авторы известной «Программы совместного уменьшения угрозы», содержался призыв администрации президента направить «удвоенные усилия на поиск технического решения проблемы в целях уменьшения обеспокоенности по поводу соблюдения ДРСМД американской (и российской) стороной» [17].

Демократы в Сенате и Палате представителей трижды представили законопроекты под названием «О предотвращении гонки вооружений», нацеленные на сохранение контроля над вооружениями [18]; [19]; [20]. Во всех трёх законопроектах отмечается, что решение администрации Д. Трампа выйти из договора без консультации с Конгрессом нарушает конституционные полномочия, и подчёркивается необходимость поддерживать равноправие законодательной и исполнительной ветвей власти.

Сенатор от Демократической партии Роберт Менендес (Нью-Джерси) подчеркнул, что процедура выхода из ДРСМД началась без консультаций с Конгрессом в целом; с Сенатом как палатой, ответственной за международные договоры, в которых участвуют США; с Комитетом Сената по международным отношениям, к чьей компетенции относится вопрос выхода из Договора [21]. Сенатор воспринимал отсутствие консультаций с Конгрессом как нарушение конституционных полномочий законодательной власти, из-за чего выход из ДРСМД можно считать незаконным.

Как и в случае с выходом из Договора по ПРО, в процессе выхода из ДРСМД именно демократы подняли вопрос о правомерности принятого исполнительной властью решения без согласования с Конгрессом. Представители Демократической партии предпринимали попытки предотвратить этот шаг при полном игнорировании вопроса республиканцами. Однако второй случай выхода США из договора с Россией по контролю над вооружениями не был представлен на рассмотрение суду, так как, очевидно, законодательная власть наперёд осознавала безрезультатность этого действия, основываясь на предыдущем опыте.

КОНГРЕСС И ВЫХОД США ИЗ ДОГОВОРА ПО ОТКРЫТОМУ НЕБУ В 2020 г.

Ситуация с выходом США из Договора по открытому небу (ДОН, *The Open Skies Treaty, OST*) в 2020 г. отличается от предыдущих кейсов одностороннего вы-

хода США при Д. Трампе тем, что Конгресс 116-го созыва, несмотря на сохранявшееся разделённое правление, предпринял попытку предотвратить этот шаг с помощью инструмента парламентского контроля.

Американское законодательство недвусмысленно требовало предварительного уведомления от администрации о намерении выйти из Договора. Утверждённый в декабре 2019 г. закон «Об ассигнованиях на национальную оборону на 2020 фин. г.» содержал раздел 1234(a), который требовал от президента предварительного уведомления Конгресса в случае намерения выйти из СНВ-3 и Договора по открытому небу. В документе уточнялось, что перед официальным уведомлением о выходе из данных договоров администрации необходимо выдержать 120-дневный период ожидания [22], однако администрация Трампа не выполнила это условие. Тогда возникла своеобразная коллизия во внутреннем праве США: с одной стороны, был нарушен национальный закон страны, а с другой – подвергалась сомнению компетенция Конгресса предъявлять подобное требование исполнительной власти.

Разница в партийных подходах к выходу из ДОН прослеживается на примере двух законодательных инициатив от республиканцев и демократов соответственно, в которых сенаторы и конгрессмены излагают свою позицию по данной проблеме.

30 октября 2019 г. сенаторы-республиканцы представили резолюцию, в которой призывали к выходу США из ДОН. В качестве аргумента приводилось то обстоятельство, что участие в договоре «обходится США в сотни миллионов долларов ненужных расходов» [23].

22 июня 2020 г. высокопоставленные демократы из Комитетов Сената по международным отношениям, разведке и вооружённым силам (Роберт Менендес, Чак Шумер, Джек Рид, Марк Уорнер) направили государственному секретарю Майку Помпео и министру обороны Марку Эсперу письмо, в котором осуждали решение президента выйти из Договора в одностороннем порядке [24]. Сенаторы требовали немедленного прекращения процесса по выходу, пока Конгресс не будет уведомлён об этом решении в соответствии с законом «Об ассигнованиях на национальную оборону» и Сенат не получит возможность высказать своё мнение по этому вопросу.

20 июля 2020 г. в Палате представителей обсуждалась поправка к закону «Об ассигнованиях на национальную оборону на 2021 фин. г.», которая выражала мнение Конгресса о том, что решение о выходе из Договора по открытому небу не соответствует разделу 1234(a) закона «Об ассигнованиях на национальную оборону на 2020 фин. г.» [25]. Поправка была предложена конгрессменом Джимми Паннеттой (Калифорния) и одобрена в результате голосования, несмотря на несогласие представителей Республиканской партии.

В экспертных кругах поднялся вопрос о возможности повторного присоединения США к договору в связи с приходом к власти демократической администрации. Так, специалист в области международного публичного права и права

международных отношений США Джин Гэлбрайт называла применение первоначальных «совета и согласия» Сената, полученных в 1993 г. самым вероятным способом возвращения США в договор с точки зрения внутреннего права [26]. В то же время адвокат и бывший представитель администрации Дж. Буша-младшего Стивен Радемейкер высказывал мнение, что президент Байден не может повторно присоединиться к Договору по открытому небу, полагаясь на первоначальную резолюцию о совете и согласии Сената. Единственный возможный способ вновь присоединиться к договору – повторно получить «совет и согласие» Сената [27].

Несмотря на то, что некоторые сенаторы призывали избранного президента Байдена к возвращению в договор [28], в мае 2021 г. администрация официально заявила, что США не будут повторно присоединяться к договору [29]. Поэтому дискуссии о механизмах повторного присоединения США к международным многосторонним соглашениям пока остаются на теоретическом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, каждое решение об одностороннем выходе США из международного соглашения по контролю над вооружениями принималось президентом единолично, без консультации с Конгрессом. Тогда законодательная власть, с одной стороны, предпринимала попытки повлиять на исполнительную власть, призывая президента согласовывать с законодателями своё решение об одностороннем выходе из соглашения, чтобы Конгресс мог осуществить функцию парламентского контроля в рамках системы сдержек и противовесов.

С другой стороны, так как Конституция не предусматривает и не регламентирует процедуру выхода США из какого-либо международного соглашения, то президент имеет полное право выйти из международного договора или отказаться от выполнения политической договоренности. Поэтому фактически законодатели не имели оснований объявить решение президента неконституционным (разве что за исключением Договора по открытому небу), так как не был нарушен ни один пункт основного закона страны и прерогативы самой законодательной власти.

Если предположить, что в американском законодательстве существовала бы процедура по выходу США из международных договоров, и в ней по аналогии ключевую роль играл бы Сенат, шансы на продолжение участия США в условном международном соглашении по контролю над вооружениями напрямую зависели бы от расстановки сил в Конгрессе, от того, какая партия преобладала бы в Сенате и Палате представителей, и, соответственно, от того, как эта партия относится к вопросам контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия. Однако вероятным камнем преткновения стала бы форма, в которой изначально было заключено международное соглашение. Если в случае с международным договором основанием для участия Конгресса в процессе выхо-

да из него могли бы стать «совет и согласие» Сената на ратификацию, то при их изначальном отсутствии возникла бы политическая коллизия.

Что касается разницы в подходах к контролю над вооружениями, демократы в каждом из четырёх кейсов продемонстрировали приверженность этим вопросам и призывали к сохранению каждого из этих соглашений. Республиканцы же за редкими исключениями были солидарны с однопартийными президентами и выражали мнение в поддержку исполнительной власти. При выходе США из соглашения по контролю над вооружениями противники этого действия склонны отстаивать право Конгресса на участие в этом процессе при полном игнорировании этого вопроса их оппонентами. Ни один призыв учитывать мнение законодательной власти в обстоятельствах выхода не увенчался успехом.

В случае с Договором по ПРО, ДРСМД и ДОН, в своё время получившими «совет и согласие» Сената на ратификацию, законодательная власть в лице демократов более уверенно аргументировала необходимость участия законодательной власти в процессе принятия решения о выходе из соглашения через интерпретацию Конституции и внедрения соответствующих пунктов в законодательство. В обстоятельствах выхода из СВПД представители Демократической партии не оперировали фактом соблюдения конституционных полномочий, так как сделка никогда не проходила официального обсуждения в Сенате. Следовательно, форма международного соглашения по контролю над вооружениями также напрямую определяла характер деятельности и позицию законодателей-демократов в отношении одностороннего выхода США.

В теории сторонники контроля над вооружениями в Конгрессе США могли бы применить ряд парламентских инструментов, чтобы предотвратить односторонний выход США из международных соглашений. Но на практике законодатели не предпринимают по-настоящему действенных мер, так как для продвижения любой законодательной инициативы, особенно по вопросам внешней политики, необходимо заручиться поддержкой определённого числа противников этой инициативы. В случаях одностороннего выхода США из международных соглашений по контролю над вооружениями эта цель была бы крайне труднодостижима, в связи с чем последнее слово в этих обстоятельствах оставалось за исполнительной властью. Если решение о заключении международного соглашения ещё может контролироваться Конгрессом, то решение о выходе из него, как показала практика, будет принято в пользу президента.

ИСТОЧНИКИ

1. Haass, R. Trump's foreign policy doctrine? The Withdrawal Doctrine. *The Washington Post*. May 27, 2020. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/05/27/trumps-foreign-policy-doctrine-withdrawal-doctrine> (accessed 01.12.2022).

2. Конституция Соединённых Штатов Америки 1787 г. / Соединённые Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: Перевод с английского /

Сост.: Лафитский В.И., под ред. и со вступ. ст.: Жидков О.А. – М.: Прогресс-Универс. – 1993.

3. H.Con.Res.420 (107th Congress) - Expressing support for withdrawal of the United States from the Anti-Ballistic Missile (ABM) Treaty. Available at: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-concurrent-resolution/420> (accessed 01.12.2022).

4. Senior Senate Democrats criticize Bush ABM Treaty withdrawal, U.S. State Department (Washington File), December 13, 2001. Available at: <https://nuke.fas.org/control/abmt/news/dems121301.htm> (accessed 01.12.2022).

5. S.Res.282 (107th Congress) - A resolution disapproving the withdrawal of the United States from the 1972 Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems (ABM Treaty), signed in Moscow on May 26, 1972 (Ex. L. 92-2). Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/107/sres282/summary> (accessed 01.12.2022).

6. Privileges of the House, Congressional Record – House of Representatives, June 6, 2002, H3232. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-73/daily-digest> (accessed 01.12.2022).

7. 236 F.Supp.2d 1 - Kucinich v. Bush, United States District Court, District of Columbia. Available at: <https://casetext.com/case/kucinich-v-bush> (accessed 01.12.2022).

8. Withdrawal from the ABM Treaty: Legal Considerations. CRS Report for Congress. Updated December 31, 2002. Available at: <https://www.everycrsreport.com/reports/RS21088.html> (accessed 01.12.2022).

9 U.S. Reports: Raines v. Byrd, 521 U.S. 811 (1997). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/521/811/> (accessed 01.12.2022).

10. Trump threatens to rip up Iran nuclear deal unless U.S. and allies fix 'serious flaws'. *The Guardian*. October 13, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/oct/13/trump-iran-nuclear-deal-congress> (accessed 10.12.2022).

11. ICYMI: Why Cornyn Voting No Iran Nuke Deal. September 8, 2015. Available at: <https://www.cornyn.senate.gov> (accessed 10.12.2022).

12. Kheel, R. Corker, Cotton to propose bill changing Iran deal oversight. *The Hill*. October 13, 2017. Available at: <https://thehill.com/policy/defense/355307-corker-cotton-to-propose-bill-to-address-issues-with-iran-nuclear-deal/> (accessed 10.12.2022).

13. Bridgeman, T. Corker and Cotton's False Promises Would Push Iran toward Nuclearization. *The Foreign Policy*. October 30, 2017. Available at: <https://foreignpolicy.com/2017/10/30/corker-and-cottons-false-promises-would-push-iran-toward-nuclearization/> (accessed 10.12.2022).

14. GOP clashes over Iran deal makeover, *Politico*, October 13, 2017. Available at: <https://www.politico.com/story/2017/10/13/bob-corker-tom-cotton-iran-nuclear-deal-243739> (accessed 10.12.2022).

15. S.Res.298 (116th Congress) - A resolution concurring with the decision to withdraw the United States from the INF Treaty, and for other purposes, July 31, 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/298> (accessed 20.12.2022).

16. Sen. Rand Paul on U.S.-Saudi relations; Rep. Martha McSally on race against Kyrsten Sinema. *Fox News*. October 21, 2018. Available at: <https://www.foxnews.com/transcript/sen-rand-paul-on-us-saudi-relations-rep-martha-mcsally-on-race-against-kyrsten-sinema> (accessed 20.12.2022).

17. Gladstone, R. Bipartisan Experts Urge Trump to Save Nuclear Treaties with Russia. *The New York Times*. November 7, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/11/08/world/europe/trump-russia-arms-treaty.html> (accessed 20.12.2022).

18. H.R.1231 (116th Congress) - Prevention of Arms Race Act of 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1231> (accessed 20.12.2022).

19. S.312 (116th Congress) - Prevention of Arms Race Act of 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/312> (accessed 20.12.2022).

20. S.3667 (115th Congress) - Prevention of Arms Race Act of 2018. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3667> (accessed 20.12.2022).

21. Menendez on the Administration's Decision to Withdraw from the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty. U.S. Senate Committee on Foreign Relations. December 4, 2018. Available at: <https://www.foreign.senate.gov/> (accessed 20.12.2022).

22. S.1790 (116th Congress) - The National Defense Authorization Act for fiscal year 2020. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790> (accessed 25.12.2022).

23. S.Res.388 (116th Congress) - A resolution calling for the withdrawal of the United States from the Open Skies Treaty, and for other purposes, October 30, 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/388> (accessed 25.12.2022).

24. Leading Senate Democrats Question Legality of Trump Administration's Withdrawal from Open Skies Treaty, U.S. Senate Committee on Foreign Relations, June 22, 2020. Available at: <https://www.menendez.senate.gov> (accessed 25.12.2022).

25. H.Amdt.846 to H.R.6395 - William M. (Mac) Thornberry National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/text> (accessed 25.12.2022).

26. Galbraith, J. The President's Authority to Rejoin the Open Skies Treaty. *Lawfare*, February 8, 2021. Available at: <https://www.lawfareblog.com/presidents-authority-rejoin-open-skies-treaty> (accessed 05.01.2023).

27. Rademaker, S. Are There Shortcuts for the U.S. to Rejoin the Open Skies Treaty? *Lawfare*, January 15, 2021. Available at: <https://www.lawfareblog.com/are-there-shortcuts-us-rejoin-open-skies-treaty> (accessed 05.01.2023).

28. Trump administration pulls out of Open Skies treaty with Russia. *The Hill*, November 22, 2020. Available at: <https://thehill.com/homenews/administration/527056-us-withdraws-from-open-skies-treaty-with-russia/> (accessed 05.01.2023).

29. U.S. Will Not Rejoin Open Skies Treaty. *Arms Control Association*. June 2021. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2021-06/news-briefs/us-not-rejoin-open-skies-treaty> (accessed 05.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРЕЦКАЯ Олеся Станиславовна, лаборант-исследователь Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

Olesia S. GRETSKAIA, Research Assistant of the Center for Internal Policy Studies. Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebnny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 10.01.2023.

Поступила после рецензирования / Revised 24.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 25.01.2023.8

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023030045

EDN: HAUWAI

Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США

В.Е. Болдырев

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук.*

Российская Федерация, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89.

РИНЦ ID: 627126

ORCID: 0000-0002-2354-8197

E-mail: boldyrev89@list.ru

Резюме: В статье на основе официальных документов проводится реконструкция внешнеполитического плана администрации Джозефа Байдена в отношении Индо-Тихоокеанского региона. Сам регион рассматривается в качестве объективно формирующегося пространства на основе не зависящих от человеческой интерпретации факторов. Выявлено, что США не рассматривают это пространство единым и нацелены на его фрагментацию в соответствии со своими политическими целями, вводят политически мотивированную четырёхзвенную структуру региона, нацелены на сдерживание как оппонентов в лице Китая, России и КНДР, так и союзников и партнёров, стремятся настроить региональную архитектуру в виде сети партнёрств, ориентированных на США.

Ключевые слова: США, Индо-Тихоокеанский регион, внешняя политика, планирование, Индийский океан, Тихий океан, Китай

Для цитирования: Болдырев В.Е. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (3): 47–62. DOI: 10.31857/S2686673023030045 EDN: HAUWAI

The Indo-Pacific in US Foreign Policy Planning

Vitalii E. Boldyrev

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East,
Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences.*

89, Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

РИНЦ ID: 627126

ORCID: 0000-0002-2354-8197

E-mail: boldyrev89@list.ru

Abstract: The paper is devoted to reconstruction of Joseph Biden's Indo-Pacific policy planning based on official documents. The region is understood as an objectively forming space based on factors independent of human interpretation. It is revealed that the US government doesn't consider this space as common and aims to divide it into subregions according to its political interests. The US government introduces a four-element structure of the region, which has a purpose to contain both opponents (China, Russia, DPRK) and allies and partners. Also, it strives to adjust the regional architecture as a network of partnerships oriented towards the USA.

Keywords: USA, the Indo-Pacific, foreign policy, planning, Indian Ocean, Pacific Ocean, China

For citation: Boldyrev, V.E. The Indo-Pacific in US Foreign Policy Planning. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (3):47-62.

DOI: 10.31857/S2686673023030045 EDN: HAUWAI

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи современной внешней политики США в АТР и ИТР, сходятся в том, что её характеризуют следующие параметры: нестабильность, постоянная изменчивость, высокая зависимость от внутренней политической конъюнктуры [Vijayalakshmi K.P., 2018]; [Banerjee S., 2020]; [Nye J.S., Jr., 2022]; [Friedman J.A., 2022]. Эволюция американской политики в отношении индо-тихоокеанского пространства после холодной войны последовательно прошла следующие этапы: глобальная политика унилатерализма (1991–2001), борьба с терроризмом (2001–2008), политика кардинального поворота – перебалансирования (2009–2016), стратегия двусторонних взаимодействий и соперничества (2017–2020), современный курс (2021 – н.в.).

Тот факт, что почти все рубежные даты совпали со сменой правительств в Вашингтоне, указывает на высокую зависимость курса от внутренних факторов, в том числе и от особенностей внешнеполитического планирования, присущих конкретной администрации. Как представляется, оно постоянно связано, как минимум, с двумя аспектами: особенностями мировидения, которое сформировано под влиянием национальных и групповых интересов, прошлого опыта, а также специфики организации процесса принятия решений (ППР) при конкретной администрации.

Геополитической особенностью внешней политики Соединённых Штатов Америки последних пяти лет стало упоминание Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), которое постепенно вытеснило из лексикона привычный термин Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Представляется, что корректно говорить о двух аспектах этого понятия. С одной стороны, Индо-Пацифика имеет под собой объективное физико-географическое основание в виде двух океанов, островов, примыкающих к ним побережий. Другим объективным аспектом возникновения региона являются исторически сложившиеся связи стран Восточной Азии и Индийского океана. Традиционно их соединяют два пути: морской, связывающий литорали Восточной Азии, Индии, Ближнего Востока и Африки, и континентальный, пролегающий через Китай, страны Центральной Азии, глубинные районы Ближнего Востока. Третий, и, пожалуй, самый важный для Вашингтона аспект заключается в непосредственном географическом присутствии на Тихом океане США, как одной из ведущих держав мира. С другой стороны, анализ стратегий ведущих глобальных и региональных игроков свидетельствует, что интерпретация Индо-

Пацифики, как правило, не совпадает с объективными границами региона, хотя они и подразумеваются. В стратегиях представлены не только разные географическое определение и структура региона, но и разная трактовка проблем его развития, их взаимосвязей [1; 2; 3].

В связи с существованием неразрывной дихотомии объективного и субъективного начал в планировании и реализации индо-тихоокеанских политик при анализе места и роли ИТР в стратегическом планировании США мы исходим из того, что Индо-Пацифика объективно существует. Ей соответствуют пространства Индийского и всех частей Тихого океана, кроме юго-восточной. В свою очередь, правительство США предлагает собственную политически мотивированную интерпретацию индо-тихоокеанского пространства.

Соответственно, целью статьи является выявление базовых элементов политики США в отношении ИТР, возникших в рамках внешнеполитического планирования при администрации президента Дж. Байдена. Цели соответствуют задачи проследить эволюцию ключевых особенностей политики США в отношении ИТР, оценить перспективы повестки курса с учётом особенностей организации процесса принятия решений (ППР) при Дж. Байдене, уточнить базовые характеристики мировидения с помощью сравнительного анализа, реконструировать видение Индо-Пацифики, возникшее в рамках текущего внешнеполитического планирования США.

ТИХООКЕАНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЛИТИКЕ США В XXI ВЕКЕ

Переломным в американской политике в отношении стран Тихого океана стал рубеж 2000-х – 2010-х годов. В 2008 г. президент Дж. Буш-младший, осознав чрезмерность акцента на борьбе с терроризмом, принял решение о присоединении США к инициативе Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), что означало поворот ключевого внешнеполитического интереса в сторону АТР. В этом контексте новому правительству, которое возглавил Б. Обама, пришлось столкнуться с острой и широкомасштабной дискуссией о ведении отношений с КНР.

Во-первых, по воспоминаниям К. Кэмпбелла, помощника государственного секретаря по делам Азии и Тихого океана, не было единства в экспертном сообществе, на которое ориентировались чиновники, принимавшие решения. Выделялось три наиболее влиятельные школы: школа «Китай прежде всего», чьи представители настаивали на том, чтобы в центре азиатско-тихоокеанской политики США была КНР, сторонники школы двусторонних альянсов настаивали на том, чтобы в отношении Китая при активном американском участии была построена сеть отношений, сдерживающих его лидерские амбиции и вовлекающих его в свою структуру, и школа китайской угрозы, ориентированная на построение сетей сдерживания Китая в регионе [4, 147-149].

Во-вторых, присутствовало столкновение интересов внутри исполнительной власти: администрация президента США и Государственный департамент придерживались практики осторожных шагов, которые не вызывают острого беспокойства у Пекина [Mann J., 2012], в то время как Министерство обороны выступало за признание Китая угрозой безопасности Соединённых Штатов [5].

В дальнейшем новые стратегии США, принятые правительством Б. Обамы в 2014–2015 гг. [6; 7; 8], отразили резкий рост влияния военных среди ведомств исполнительной власти, а победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. привела к тому, что на принятие решений в отношении тихоокеанского пространства больше всего стали влиять военные, сторонники реиндустриализации и возвращения производств из Китая, высокотехнологичные компании, заинтересованные во введении ограничений в отношении восточноазиатских конкурентов, главным образом из КНР.

Вследствие укрепления позиций противников Китая, а также ориентации на экономические группы, которые выражали недовольство китайской торговой практикой, а также характерным для периода неолиберализма выносом производств, политика Д. Трампа стала носить антикитайский характер, который выразился в усилении политического давления на Пекин, в активизации военно-политических отношений в регионе, тарифной войне с КНР, а также выходе США из ТПП, которое было ключевым элементом региональной архитектуры для торгово-экономической политики США.

Эти процессы отразились на стратегии национальной безопасности США 2017 г., в которой впервые была чётко обозначена политика в отношении Индо-Пацифики. Под ней понимался регион, лежащий между западным побережьем Индии и Соединёнными Штатами. Ключевой угрозой для всех стран региона был назван Китай. По мнению Д. Трампа, он угрожал свободной торговле, суверенитету, подрывал региональную стабильность. Для противодействия с КНР важным было обозначено взаимодействие с Японией, Республикой Корея, Австралией, Новой Зеландией, Индией, странами АСЕАН, указывалось на необходимость перестроить отношения с Тайванем и укрепить связи с государствами Океании. Ключевыми сферами сотрудничества с перечисленными странами обозначались международное право, развитие торговли на двусторонней основе, защита суверенитета, укрепление военно-политических союзов, мирное решение конфликтов, развитие инфраструктуры [9].

Курс Д. Трампа имел следующие последствия для индо-тихоокеанской политики США. Во-первых, из-за групп интересов, на которые опирался 45-й президент, политика окончательно стала китаецентричной. Во-вторых, выход США из соглашения о ТПП лишил Вашингтон возможности опираться на многосторонние форматы, связанные с экономикой и касавшиеся множества связанных сфер и проблем развития. Сохранившийся кластер двусторонних торговых соглашений не позволял Соединённым Штатам проводить относительно широ-

кую, но при этом «стандартизированную» экономическую политику в регионе. В-третьих, другим следствием выхода США из ТПП стало то, что единственной функциональной сферой, где они сохранили разветвлённые контакты в рамках двусторонних и многосторонних соглашений и взаимодействий, осталась военно-политическая, опирающаяся на архитектуру, которая, главным образом, сохранилась со времён холодной войны. Это указывает, что к началу 2021 г. индо-тихоокеанская политика Соединённых Штатов оказалась в состоянии кризиса, и требовалось адаптировать её к реалиям нового мира.

В то же время наследие Д. Трампа далеко не единственная проблема, с которой столкнулся Дж. Байден, разрабатывая собственный индо-тихоокеанский курс. Большое влияние на современную индо-тихоокеанскую стратегию США оказали не только внутренние, но и внешние факторы.

Исходным пунктом мировой трансформации стало окончание советско-американского противостояния, которое способствовало усилению экономических начал в регулировании международных отношений и ослаблению присутствия сверхдержав в регионе. Как следствие, в регионе создались условия, близкие к вакууму, что способствовало стремлению ряда региональных держав заполнить освободившиеся географические и функциональные ниши.

Наибольшую активность с середины 1990-х – начала 2000-х годов на этом направлении проявляют следующие страны. Япония предпринимает систематические шаги по построению сетевой архитектуры отношений посредством собственных проектов – Всеобъемлющего прогрессивного Транстихоокеанского партнёрства (ВП ТПП), Афроазиатского коридора развития (ААКР), Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД), а также путём участия в других объединениях, например, Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП). С середины 2010-х годов Индия активно реализует свою индо-тихоокеанскую стратегию, которая основана на сетевом видении отношений между странами региона [1]. Республика Корея приступила к реализации Новой южной политики с целью повысить свою стратегическую автономию и выйти за пределы связей с группой традиционных партнёров [10; 11]. Китай реализует Инициативу пояса и пути, которая, в числе прочих факторов, привела к тому, что он стал восприниматься американской политической элитой первостепенной угрозой. Великобритания после выхода из Евросоюза рассматривает взаимодействие со странами региона как один из путей к обретению вновь статуса глобальной державы. Франция и ЕС делают ставку не только на экономическое, но и военное и военно-техническое сотрудничество с индо-тихоокеанскими странами [2].

Фактически, четыре из шести перечисленных стран являются американскими союзниками, которые предприняли шаги по независимому строительству архитектуры без участия ключевого представителя коллективного Запада. Ещё

одна страна, Индия, являющаяся партнёром по «четвёрке» (США, Австралия, Япония, Индия), проводит самостоятельную политику.

Для разработки курса немаловажным было и то, что к 2021 г. произошло усиление антикитайских взглядов в высших политических кругах Вашингтона. Если в 2017 г. Китай воспринимался угрозой Соединённым Штатам, прежде всего, в контексте реалий Индо-Пацифики, то спустя четыре года он рассматривался, в первую очередь, в качестве самостоятельной силы, угрожающей, противостоящей Соединённым Штатам в мировом масштабе, способной участвовать в соревновании с ними почти как равная держава [12].

Таким образом, к началу 2020-х годов США оказались в стратегически сложной ситуации в ИТР. *Во-первых*, подъём Китая достиг тех пределов, при которых в Вашингтоне склонны его рассматривать если не как противостоящий полюс мировой системы, то, по крайней мере, как сильного соперника, способного стать таковым в ближайшей перспективе. *Во-вторых*, американские союзники и партнёры чётко продемонстрировали свои претензии на стратегическую автономию от Соединённых Штатов. *В-третьих*, внерегиональные союзники стали позиционировать себя державами, относящимися к ИТР.

ИНДО-ПАЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Для подтверждения статусов мирового и западного лидера на индо-тихоокеанском пространстве сложившееся положение побуждало США достигать следующие задачи:

- сдерживать дальнейший подъём Китая и его влияние на международные отношения, воспринимая его в качестве противоположного полюса;
- ограничить стратегические амбиции союзников в регионе;
- сохранить и укрепить поддержку партнёров, не входящих в военно-политические союзы;
- выступить с инициативами объединений, которые позволили бы США быть глубже интегрированными в региональную архитектуру, диверсифицировать каналы вовлечения, а не полагаться исключительно на военно-политические союзы и двусторонние отношения.

Ввиду существенной, невыгодной американским интересам региональной трансформации, необходимости исправить последствия трамповского крена региональной политики, стремления подтвердить лидерские позиции администрация Дж. Байдена оказалась в непростой ситуации. Ниже проанализируем, как она подходит к решению региональных проблем с позиций стратегического планирования.

Как свидетельствует текст промежуточного обзора национальной безопасности [12], директивы «Об обновлении системы СНБ» [13] и отдельные формулировки региональных стратегий [3; 14], на планирование курса в отношении ИТР влияние оказывает следующая дихотомия процессов. С одной стороны, в насто-

ящее время сложился двухпартийный антикитайский консенсус, что облегчает принятие решений. С другой стороны, администрация Дж. Байдена сохранила достаточно пространства для формальной и неформальной борьбы между группами интересов. Сложная по проблемной структуре внешняя политика сделала необходимым привлечь к её разработке большое количество руководителей исполнительных ведомств и их заместителей. Процесс взаимодействия между ними курирует советник президента США по национальной безопасности. Такая конфигурация процесса свидетельствует о следующих тенденциях. Первое, возросла роль внешнеполитических проблем, которые вследствие повестки и сфер ответственности органов федеральной власти приобретают межведомственный характер, сопряжённый с формированием временных формальных групп для решения конкретного вопроса. Второе, повысилась роль советника по национальной безопасности как координатора принимаемых решений; соответственно, он превращается в ключевую мишень лоббирования. Это подводит нас к третьему аспекту. С учётом описанных М. Халперином и П. Клэпп [Halperin M., Clapp P., 2006] неформальных стратегий лоббирования, наибольших успехов на этом поприще добьются бюрократические и политические группы, способные установить доверительные контакты с аппаратом советника по национальной безопасности, которые возглавят анализ той или иной проблемы внешней политики и смогут эффективно внедрять информацию в сознание вовлечённых чиновников.

Последнее открывает пространство для лоббирования со стороны ряда внешних групп интересов. Как свидетельствуют тексты стратегий, наибольшего успеха здесь добились технологические компании, отрасль энергетического машиностроения, горные корпорации, Голливуд, африканская диаспора. Как следствие, в числе приоритетных вопросов окажутся производство полупроводников, средств связи и микроэлектроники, производство и сбыт продукции приборо- и машиностроения, связанного с экологической повесткой, получение прав на разработку наиболее важных месторождений американскими компаниями, продвижение американской культуры, стиля и образа жизни с целью сформировать благоприятный имидж Соединённых Штатов Америки в широких кругах населения.

Наконец, в текстах сделан реверанс в отношении сексуальных меньшинств, что указывает на сугубо внутренние проблемы обеспечения партийного единства и сохранения поддержки со стороны партийного электората, сформировавшегося в ходе обращения к радикальному наследию У. Клинтона.

Таким образом, во влиянии на индо-тихоокеанскую политику будут доминировать политические группы, вторыми по значимости будут экономические, третьими – культурные и национальные, четвёртыми – внутрипартийные группы.

В целом, данное положение указывает, что для индо-тихоокеанской политики США будут характерны постоянная изменчивость, зависимость от конъюнктурных политических интересов, что пока не устраняет ключевые проблемы прошлых индо-тихоокеанских стратегий Соединённых Штатов. Как следствие, в числе негативных факторов останется то, что в Вашингтоне видят Индо-Пацифику исключительно с политических позиций, игнорируя естественные географические границы региона. Вследствие этого, как зафиксировано в стратегии национальной безопасности 2022 г., он будет искусственно разделён на Индо-Пацифику, лежащую к востоку от Индостана, северо-запад Индийского океана (СЗИО) и Африку [15]. Это указывает, что важнейшая цель регионального курса Дж. Байдена – не допустить формирования единого региона, основанного на объективных факторах и, соответственно, воспрепятствовать возникновению устойчивых межгосударственных объединений и многосторонних форматов, запущенных по инициативе государств ИТР, в их собственных интересах.

ИНДО-ПАЦИФИКА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ США

Общая логика внешнеполитического мышления администрации Дж. Байдена делает необходимым обратиться к геополитике и истории американского стратегического планирования. При всех оговорках описанное выше стратегическое положение Соединённых Штатов, как оно воспринимается их правительством, приближает современный мир к 1980-м годам, наиболее близкому по времени периоду двустороннего противостояния с американским участием, с той лишь разницей, что центр противостояния из Европы переносится в прежде периферийную Индо-Пацифику, Европа становится периферией, а место СССР занимает Китай.

Исследуем опыт 1980-х годов, чтобы проанализировать процесс, как возникает картина регионализации, разрабатываемая в процессе американского внешнеполитического планирования.

В целом, над региональными и функциональными направлениями внешней политики довлела достаточно краткая, если не тезисная в сравнении с поздними образцами, стратегия национальной безопасности [16], а с учётом её положений формулировалось содержание конкретных директив.

Европе, бывшей центром политического противостояния, соответствовало следующее субрегиональное деление. В представлениях американского правительства она делилась на четыре субрегиона: СССР, страны НАТО, страны ОВД, социалистические государства, независимые от советского политического влияния, которые подразделялись на Югославию, к которой у США был интерес, и Албанию, которая не входила в сферу американских интересов. В отношении каждой из этих групп (стран) принимались стратегии, согласовавшиеся со стратегией национальной безопасности [17]; [18]; [19].

ИТР в тот период представлял собой совокупность АТР и Индо-океанского региона (ИОР). В первом преобладал кейсово-страновой подход к планированию, во втором – регионально-проблемный. При этом ИОР было посвящено только три директивы [20]; [21]; [22], в то время как АТР – одиннадцать [22]; [23]; [24]; [25]; [26]; [27]; [28]; [29]; [30]; [31]; [32].

Безусловно, опыт издания обширных стратегий национальной безопасности с 1990 г. оставляет существенный отпечаток на стратегическом планировании администрации Дж. Байдена. Тем не менее последовательность, при которой вслед за промежуточным обзором издаются сначала региональные стратегии и лишь потом национальная, указывает на адаптацию постбиполярного опыта к модели планирования, существовавшей в период советско-американского противостояния.

В промежуточном обзоре 2021 г. в целом определены сферы партнёрства с близкими по духу странами: экономика, транспорт, технологии, киберпространство, правовые и гражданско-гуманитарные вопросы, оборона. Они выступают ориентиром для наполнения региональных стратегий.

Остановимся на них подробнее. Первая такая стратегия посвящена ИТР [3]. Под Индо-Пацификой понимается индо-тихоокеанское пространство к востоку от Индостана, за исключением акваторий, лежащих к востоку от Океании, прилегающих к Латинской Америке и России.

Ключевой особенностью самой стратегии является структура текста. Он состоит из введения, основной части, а также плана действий, разделённого на страновые и проблемные блоки.

Основная часть позволяет конкретизировать географическую структуру региона, какой она видится из Вашингтона. ИТР в американском понимании делится на восемь частично пересекающихся страновых элементов: Китай, который воспринимается вызовом для региона и страной, стремящейся стать самой влиятельной державой, КНДР, от которой исходит ядерная угроза, союзники и партнёры, из числа которых перечислены участники «четвёрки», Тайвань, АУКУС, страны Евросоюза и НАТО; к числу важных партнёров в регионе также отнесены страны АСЕАН и Тихоокеанские острова.

План действий указывает на то, какие страны и проблемы уже находятся в центре американского планирования или окажутся там в ближайшее время. К числу наиболее значимых стран в планировании относят следующие: страны АСЕАН, Индию, членов «четвёрки», Японию и Южную Корею, Тихоокеанские острова. Из наиболее значимых проблем названы:

– создание Индо-Тихоокеанской экономической основы для процветания (ИТЭОП), нового экономического объединения, которое касается цифровой экономики, торговли, цепочек поставок, технологий [33];

– перенос в регион дополнительных ресурсов, которые будут сконцентрированы на оказании консультативных услуг, укреплении морского присутствия

- сдерживание противника, при особом внимании морской составляющей, для чего администрация Дж. Байдена реализует программы по модернизации вооружённых сил, повышению их мобильности и укреплению взаимодействия с союзниками [34], а также будет развивать сотрудничество с членами АУКУС и Тайванем;

- поддержка «хорошего правления», под которой понимается укрепление либерально-демократических порядков в регионе, осуществляемое с помощью ширококомасштабных информационных кампаний при участии журналистов и общественных организаций с целью сформировать благоприятный имидж либеральному порядку и США, а негативный – для противных сторон;

- развитие технологий и цифровой архитектуры мира.

Структура стратегических приоритетов и план действий позволяют выявить наиболее важных для США партнёров в регионе. Из их числа не просто ключевым, а даже якорным союзником выступает Австралия, вовлечённая в пять форматов взаимодействия с Соединёнными Штатами, следующими по значимости идут Япония и Индия, за ними – страны АСЕАН, Великобритания, Республика Корея и Тайвань, периферией ИТР обозначены страны ЕС и НАТО, за исключением Великобритании (табл.).

Таблица

Форматы и векторы взаимодействия США со странами ИТР

Формат / вектор	Страны - партнёры США
АУКУС	Австралия, Великобритания
«Четвёрка»	Австралия, Япония, Индия
Военно-политические союзы периода холодной войны	Австралия, Япония, Республика Корея, Таиланд, Филиппины, Великобритания, НАТО
ИТЭОП	Австралия, Япония, Республика Корея, Индия, Новая Зеландия, Фиджи, Бруней, Малайзия, Вьетнам, Индонезия, Таиланд, Сингапур, Филиппины
<i>I2U2</i>	Индия, ОАЭ, Израиль
США - АСЕАН	Страны АСЕАН
США - юг Тихого океана	Австралия, Новая Зеландия, Фиджи, «свободно ассоциированные» с США государства, прочие государства Океании
США - Тайвань	Тайвань

Составлено автором по: [3]; [35].

Вторая региональная стратегия, хотя она не сформирована в виде самостоятельного документа, касается СЗИО и находится в процессе наполнения. Здесь США опираются на формат *I2U2*. Пока участники сконцентрированы на реше-

нии вопросов продовольственной безопасности и чистой энергетики, однако в Вашингтоне выражают намерение развить в его рамках цифровую, технологическую, транспортную и морскую кооперацию [35].

Эта перспектива региональной стратегии подтверждается стратегией национальной безопасности, где приоритеты расставлены конкретнее. Доминировать будут военно-политические аспекты по обеспечению порядка, основанного на правилах, и безопасности морских путей, снижению напряжённости в регионе Ближнего Востока. За ними следуют настраивание сетей военного, экономического и политического взаимодействия между союзниками США и продвижение прав человека [15]. Это указывает на то, что формат *I2U2* рассматривается в Вашингтоне как элемент укрепления сети экономических и технологических партнёрств союзников с целью последующего продвижения американских политических интересов в регионе.

Формально взаимодействие не направлено на чьё-либо сдерживание, однако не стоит забывать, что страны этого региона заинтересованы в участии в китайской Инициативе пояса и пути, что этот регион является областью наибольшей военно-морской активности Великобритании в ИТР [36].

Отсутствие региональной стратегии как документа, продолжающееся наполнение стратегических планов указывают на то, что в отличие от ИТР в СЗИО США делают ставку на длительную игру с целью замкнуть на себе важнейшие связи стран региона и ослабить самостоятельность как оппонентов, так и союзников.

Наконец, Африке как западному флангу Индо-Пацифики посвящена отдельная стратегия США [14]. Её отличительными особенностями являются отсутствие подробного регионального деления, отказ от фиксации объективно сложившихся субрегионов, одновременное применение кейсово-странового, проблемно-географического и общерегионального подходов. Основной акцент сделан на экономическом, культурном и гражданско-гуманитарном взаимодействии со странами континента как форме противодействия Китаю и России. Каждому из перечисленных направлений соответствуют инвестиции в зелёную энергетику и приход американских горных компаний, пропаганда американского стиля жизни с помощью кинематографа и культурных фестивалей, оказание гуманитарной помощи и защита прав сексуальных меньшинств. Перечисленные характеристики свидетельствуют, что Африка воспринимается Вашингтоном не просто периферийной частью Индо-Пацифики, а отдельным регионом, где ещё предстоит наладить сеть контактов и каналов для распространения американского влияния. Признание в правительстве необходимости включиться в борьбу за Африку и её ресурсы наравне с другими державами указывает на то, что она воспринимается пространством конкуренции между заинтересованными сторонами. Этим США стремятся искусственно вывести восточную часть континента из

Индо-Пацифики, сформировав ещё одну линию раскола в естественном ландшафте формирующегося региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, планирование стратегий в отношении Индо-Пацифики, как объективно существующего региона, свидетельствует, что США преследуют в регионе, прежде всего, политические цели, в чём курс Дж. Байдена является эволюционным продолжением курса Д. Трампа.

Во-первых, он нацелен на искусственную фрагментацию формирующегося естественным образом пространства в соответствии с американскими политическими, экономическими и иными интересами. Этого Вашингтон планирует достичь с помощью сформированных для каждого из субрегионов специфических кластеров отношений, локализованных в ограниченном числе многосторонних (или двусторонних) форматов, завязанных на США. При этом СЗИО отводится роль разрывающего звена, чтобы снизить уровень взаимодействия Восточной Африки и восточной части ИТР. Эта искусственная роль противопоставляется естественной роли связующего звена.

Во-вторых, Вашингтон стремится сформировать четырёхзвенную структуру: центр (ИТР в понимании США), полупериферия (СЗИО), периферия (индо-океанская Африка) и внерегиональная периферия (страны ЕС и НАТО) и тем самым пресечь попытки автономии и конкуренции со стороны других стран Запада, обеспечить для себя доминирующие позиции в этой группе.

В-третьих, американская политика предполагает сдерживание, как через оппонирование, так и через вовлечение. В первом случае политика будет направлена против Китая как наиболее сильного оппонента, фактически претендующего на роль полюса в мировой системе, а также на противодействие меньшим угрозам регионального и локального характера, исходящим от России и КНДР. Во втором случае курс будет ориентирован на союзников и партнёров США с целью ограничить их стратегическую автономию, предотвратить с их стороны попытки построить самостоятельную сеть связей в ИТР без американского участия.

В-четвёртых, конечной целью этого курса является построение архитектуры в виде сети партнёрств, замкнутых на США и охватывающих ряд ключевых сфер современного развития.

ИСТОЧНИКИ

1. India's National Security Strategy. March 2019. Available at: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (accessed 23.09.2021)

2. Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 16.9.2021. Available at:

https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (accessed 24.09.2021)

3. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 06.04.2022)

4. Campbell K. 2016. The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia. New York – Boston: Twelve. 399 p.

5. E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H[illary R. Clinton]. Subject: Sec[retary of] Def[ense Leon] Panetta calls India, China ‘threats’. Sent: Thursday, November 17, 2011, 6:29 PM. Available at: https://foia.state.gov/search/results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (accessed 06.01.2017).

6. National Security Strategy. February 2015. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 04.09.2016).

7. The National Military Strategy of the United States of America. 2015. The United States Military’s Contribution to National Security. June 2015. Available at: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (accessed 04.09.2016).

8. The National Intelligence Strategy of the United States of America. Available at: https://www.ncirc.gov/documents/public/2014_NIS_Publication.pdf (accessed 04.09.2016).

9. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (accessed 28.12.2017).

10. Choe Won Gi. “New Sothern Policy”. Korea’s Newfound Ambition in Search of Strategic Autonomy. January 2021. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/choe_new_southern_policy_korea_2021.pdf (accessed 08.09.2022).

11. Kwak Sun Gil. Korea’s New Southern Policy: Vision and Challenges. Available at: https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/9407/KIEPOpinions_no146.pdf?sequence=1 (accessed 08.09.2022).

12. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed 04.03.2021).

13. National Security Memorandum / NSM-2. Subject: Renewing the National Security Council System. February 4, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/04/memorandum-on-renewing-the-national-security-council-system/> (accessed 29.08.2022)

14. U.S. Strategy toward Sub-Saharan Africa. August 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (accessed 20.08.2022).

15. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 01.11.2022).

16. National Security Decision Directive Number 32. National Security Strategy. May 20, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-32.pdf> (accessed 29.08.2022).

17. National Security Decision Directive Number 54. United States Policy Toward Eastern Europe. September 2, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> (accessed 29.08.2022).

18. National Security Decision Directive Number 75. US Relations with the USSR. January 17, 1983. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf> (accessed 29.08.2022).

19. National Security Decision Directive Number 133. United States Policy toward Yugoslavia. March 14, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm> (accessed 29.08.2022).

20. National Security Decision Directive Number 57. United States Policy Toward the Horn of Africa. September 17, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-57.pdf> (accessed 29.08.2022).

21. National Security Decision Directive Number 208. United States Policy toward the Southwest Indian Ocean. January 30, 1986. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-208.pdf> (accessed 29.08.2022).

22. National Security Decision Directive Number 229. U.S. / Australian Relations. May 29, 1986. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-229.htm> (accessed 29.08.2022).

23. National Security Decision Directive Number 62. National Security Decision Directive on United States - Japan Relations. October 25, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-62.pdf> (accessed 29.08.2022).

24. National Security Decision Directive Number 74. Visit to the United States of Prime Minister Nakasone. January 17, 1983. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-74.pdf> (accessed 29.08.2022).

25. National Security Decision Directive Number 76. Peaceful Nuclear Cooperation with China. January 18, 1983. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-76.pdf> (accessed 29.08.2022).

26. National Security Decision Directive Number 120. Visit to the United States of Premier Zhao Ziyang. January 9, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-120.htm> (accessed 29.08.2022).

27. National Security Decision Directive Number 140. President's Visit to the People's Republic of China. April 21, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-140.pdf> (accessed 29.08.2022).

28. National Security Decision Directive Number 154. US – Japan Trade Policy Relations. December 31, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-154.pdf> (accessed 29.08.2022).

29. National Security Decision Directive Number 158. US Policy in Southeast Asia (The Kampuchea Problem). January 4, 1985. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-158.htm> (accessed 29.08.2022).

30. National Security Decision Directive Number 163. United States Policy Toward the Philippines. February 20, 1985. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-163.pdf> (accessed 29.08.2022).

31. National Security Decision Directive Number 193. US Policy on New Zealand Port Access Issue. October 21, 1985. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-193.htm> (accessed 29.08.2022).

32. National Security Decision Directive Number 215. Philippines. February 23, 1986. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-215.pdf> (accessed 29.08.2022).

33. Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. May 23, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity> (accessed 02.06.2022).

34. Pacific Deterrence Initiative. Department of Defense Budget. Fiscal Year (FY) 2022. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). May 2021. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/fy2022_Pacific_Defense_Initiative.pdf (accessed 25.09.2022).

35. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2). July 14, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 21.08.2022).

36. Maritime Strategy and its contribution to the Indo-Pacific and Global Commons. 14 March 2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/maritime-strategy-and-its-contribution-to-the-indo-pacific-and-global-commons> (accessed 20.10.2021).

REFERENCES

Banerjee S. 2020. US Retrenchment on Stability of the Gulf Region. *Journal of Asian Economic Integration*. Vol. 2. No. 2. P. 221-239. DOI: 10.1177/2631684620940478

Friedman J.A. 2022. Is US grand strategy dead? The political foundations of deep engagement after Donald Trump. *International Affairs*. Vol. 98. No. 4. P. 1289-1305. DOI: 10.1093/ia/iia112

Halperin M., Clapp P. 2006. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington D.C.: The Brookings Institution. 400 p.

Mann J. 2012. *The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. New York: Penguin Books. 392 p.

Nye J.S., Jr. 2022. How no to deal with a rising China: A US perspective. *International Affairs*. Vol. 98. No. 5. P. 1635-1651. DOI: 10.1093/ia/iiacl17

Vijayalakshmi K.P. 2018. India – U.S. Strategic Partnership: Shifting American Perspectives on Engaging India. *International Studies*. Vol. 54. No. 1-4. P. 42-61. DOI: 10.1177/0020881718791403

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОЛДЫРЕВ Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. РФ, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89.

Vitalii E. BOLDYREV, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences. 89, Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 6.01.2023.

Поступила после рецензирования / Revised 18.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 19.01.2023.

JEL: F02, F53, F55

УДК: 327.7

DOI: 10.31857/S2686673023030057

EDN: HBCBTW

Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления

Д.С. Полулях

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991 Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Researcher ID: B-9088-2017

РИНЦ ID: 873880

ORCID: 0000-0001-5939-3062

e-mail: daniilpolulyakh@mail.ru

Резюме. В статье проводится сравнительный анализ мультилатерализма и минилатерализма как основных механизмов глобального управления. Несмотря на многочисленные недостатки, присущие минилатерализму, сегодня наблюдается распространение этого формата взаимодействия на фоне кризиса мультилатерализма. Недостатки минилатерализма могут быть сглажены через его объединение с механизмом мультилатерализма, использование строгого подхода к отбору участников, установлению целей и имплементации соглашений, а также внедрение системы непрямого представительства.

Ключевые слова: глобальное управление, мультилатерализм, минилатерализм, Организация Объединённых Наций, ООН, Группа семи, Группа двадцати, внешняя политика США, гегемония

Для цитирования: Полулях Д.С. Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления. США & Канада: экономика, политика, культура. 2023; 53(3): 63-84. DOI: 10.31857/S2686673023030057 EDN: HBCBTW

Multilateralism and Minilateralism as Global Governance Mechanisms

Daniil S. Polulyakh

Lomonosov Moscow State University.

27/4, Lomonosovskii Prosp., Moscow, 119991, Russian Federation.

Researcher ID: B-9088-2017

РИНЦ ID: 873880

ORCID: 0000-0001-5939-3062

e-mail: daniilpolulyakh@mail.ru

Abstract. Multilateralism and minilateralism are the main mechanisms of global governance. Multilateralism is characterized by membership inclusiveness, a low entry threshold for new members, and a focus on universality, while minilateralism is characterized by membership exclusivity, a high entry threshold for new members, and no focus on universality. Contemporary multilateral institutions emerged after World War II under the influence of American hegemony. The US commitment to multilateralism in global governance has been incon-

sistent, setting the stage for the current crisis of multilateral global governance. The aforementioned crisis can be explained by the problems of American leadership, the emergence of a polycentric power configuration of the world, as well as specific actions of both the hegemon and other great powers. The issue was fueled by the increasingly evident problems of ineffectiveness of the core global institutions in dealing with pressing problems, deadlocks in multilateral negotiations and the lack of representation of developing countries in global governance. The failure of the main actors to respond to these challenges has led to the proliferation of the minilateralist mechanism of global governance. Two types of minilateralism in global governance are distinguished – clubs of the most significant states (the first type) and communities of like-minded states (the second type). The main advantage of the first type of minilateralism is the ability to solve global problems with minimal effort. Minilateralism of the second type is positively distinguished by its homogeneous structure and cohesion of the ranks. The main advantages of minilateralism in general include flexibility, adaptability, plasticity, quick decision-making, free, open and effective negotiations and resource saving. The main disadvantages of minilateralism are low legitimacy, limited technical and financial capabilities, lack of transparency and accountability, vagueness of goals and lack of focus. The first type of minilateralism is able to somewhat increase the effectiveness of interaction within the global institutions by reducing the number of parties involved, but it is unlikely to be able to overcome the core source of ineffectiveness of global governance, which is the mistrust between the main actors. The main disadvantage of the second type of minilateralism is the fragmentation of international regimes. The emergence of the minilateral competitors can both motivate the established institutions to reform and demotivate states to participate in multilateral global governance. Minilateralism will continue to play a large role in global governance. The disadvantages of minilateralism can be mitigated by combining it with the multilateralist mechanism, using a more rigorous approach to the selection of participants, goal setting and the implementation of agreements, and introducing a system of indirect representation.

Keywords: global governance, multilateralism, minilateralism, United Nations, UN, G7, G20, US foreign policy, hegemony

For citation: Polulyakh, D.S. Multilateralism and Minilateralism as Global Governance Mechanisms. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2023; 53(3):63-84.

DOI: 10.31857/S2686673023030057 EDN: HBCBTW

ВВЕДЕНИЕ

Реалии современного глобального управления противоречивы. С одной стороны, продолжается прогресс в развитии глобальных институтов, а объективные потребности в регулировании мировых дел никуда не уходят. С другой стороны, рост международных противоречий, усиливающаяся комплексность мира и кризисы во всё новых сферах глобальной жизни бросают вызовы традиционным формам управления. Среди ключевых игроков всё меньше согласия по поводу основных принципов организации (или механизмов) глобального управления. Разные механизмы управления на международной арене не только сосуществу-

ют, но и конкурируют друг с другом. Одни показывают свою эффективность и легитимность и поэтому выигрывают конкуренцию; другие, не показав таких результатов, проигрывают и забываются для мирового сообщества на короткий или долгий период [Полулях Д.С., 2012].

Под глобальным управлением в данной статье будет пониматься деятельность по определению приоритетов, регулированию процессов и решению проблем, имеющих глобальное значение, в различных сферах и на различных уровнях мировой политики. Глобальное управление основано на взаимодействии акторов мировой политики, заключении ими договорённостей формального или неформального характера, функционировании международных институтов, режимов, правил и практик.

В глобальном управлении используются самые разные механизмы, которые могут быть классифицированы по различным основаниям. В центре внимания данной статьи находится количество вовлечённых в глобальное управление акторов, а также связанный с этим институциональный аспект. Основными механизмами глобального управления, выделенными по данному критерию, являются прежде всего мультилатерализм и минилатерализм. Автор оставляет за рамками статьи другие принципы организации глобального управления по данному критерию, такие как билатерализм (глобальное управление силами двух сверхдержав), унилатерализм (глобальное управление осуществляется единственной сверхдержавой в одностороннем порядке), а также «новый мультилатерализм» (глобальное управление усилиями множества акторов, включая негосударственных).

Мультилатерализм – это распространённая практика межгосударственных отношений. Мультилатерализм также лежит в основе современного глобального управления. В последние годы, однако, становятся всё более очевидны проблемы многосторонних институтов с точки зрения как эффективности, так и легитимности. На фоне кризиса многостороннего глобального управления некоторые политики и эксперты предлагают обратиться к альтернативным механизмам, прежде всего к минилатерализму.

Механизмы мультилатерализма и минилатерализма в глобальном управлении сегодня активно изучаются в зарубежных работах и значительно меньше – в отечественных. Среди исследователей развернулся своеобразный спор, где одни настаивают на незаменимости глобальных и формальных международных организаций [Plesch D., Weiss T.G., 2015], [Pouliot V., 2011], а другие призывают обратить внимание на потенциал субглобальных и неформальных группировок в глобальном управлении [Patrick S., 2014], [Naim M., 2009]. Но с точки зрения необходимости развития теории глобального управления как отдельной области исследований, из которой исходит настоящая статья, наиболее полезным вкладом будет являться полноценный сравнительный анализ обоих механизмов. Уже существуют труды, всесторонне рассматривающие достоинства и недостатки минилатерализма как актуального механизма глобального управления [1],

исследования, оценивающие потенциал совместного использования механизмов мультилатерализма и минилатерализма [2], а также работы, анализирующие конкуренцию универсальных и прагматических механизмов в отдельных областях глобального управления [3], [Falkner R., 2016], но попытки целостного взгляда на проблему всё ещё очень редки. Данная статья стремится продолжить усилия по восполнению этого пробела.

В первом разделе статьи на основе анализа теоретической литературы осуществляется сравнение понятий мультилатерализма и минилатерализма. Во втором разделе автор обращается к истории развития глобального управления для того, чтобы выделить особенности воплощения принципа мультилатерализма в мирорегулировании после Второй мировой войны и проследить истоки современного кризисного состояния глобального управления. В третьем разделе используется сравнительный метод, чтобы выделить две разновидности минилатерализма в глобальном управлении, а также привести их общие и специфические достоинства и недостатки. В третьем разделе автор на основе разработок, существующих в литературе, и проведенного сравнительного анализа предлагает пути решения проблем минилатерализма, а также раскрывает потенциал совмещения двух конкурентных механизмов глобального управления. По мнению автора, объективные тенденции позволят минилатерализму продолжить играть значительную роль в глобальном управлении, но обеспечение эффективности глобального управления, а также сохранение ценностей инклюзивности, консенсуса и демократии на глобальной арене требует внесения институциональных изменений в практику воплощения механизма малостороннего сотрудничества. В то же время кризис современного глобального управления имеет объективную основу и не может быть преодолен исключительно институциональными реконфигурациями.

Теоретически статья опирается на положения неореализма, неолиберализма, конструктивизма и теории среднего уровня в международно-политических исследованиях.

МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМ И МИНИЛАТЕРАЛИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В соответствии с классическим определением Р. Кохэйна, мультилатерализм (многосторонность) – это практика координации политических курсов в группах трёх и более государств [Keohane R.O., 1990: 731]. Дж. Рагги считает необходимым добавить к этому определению то, что координация в мультилатерализме осуществляется на основе «обобщенных принципов поведения» – принципов, которые предписывают поведение для определённого класса ситуаций без учёта партикуляристских интересов сторон. Это отличает мультилатерализм от других институциональных форм, которые определяют поведение для каждого конкретного случая [Ruggie J.G., 1992: 571].

Мультилатерализм может принимать разные формы: межправительственные организации, международные режимы, международные порядки (например, система «европейского концерта»), межправительственные клубы, *ad hoc* встречи, краткосрочные соглашения и т.п. [Keohane R.O., 1990: 731-733], [Ruggie J.G., 1992: 572], [Hampson F.O., Heinbecker P., 2011: 300].

Несмотря на то, что Р. Кохэйн и Дж. Рагги считали, что мультилатерализмом можно назвать взаимодействие даже трёх государств, мультилатерализм в литературе по международным отношениям нередко ассоциируется с участием большого количества сторон [Naim M., 2009], [Kahler M., 1992: 681]. Подобный подход исходит из более узкого понимания мультилатерализма, где к уже обозначенным характеристикам добавляется критерий «массовости» членства: собственно мультилатерализмом (или «настоящим» мультилатерализмом в терминах М. Калера) будет считаться лишь взаимодействие в широких группах. Что же касается мультилатерализма в небольших группах, то такое взаимодействие известно как минилатерализм (малосторонность, министоронность, плюрилатерализм) [Kahler M., 1992], [Eckersley R., 2012] [4].

Противопоставление мультилатерализма в узком смысле и минилатерализма на основании количества вовлечённых сторон весьма распространено, однако, с нашей точки зрения, представляется важным подчеркнуть различие самого принципа членства в многосторонних учреждениях: инклюзивность членства, низкий порог вхождения для новых членов и стремление к универсальности в мультилатерализме, понимаемом в узком смысле, и, соответственно, эксклюзивность членства, высокий порог вхождения и отсутствие стремления к универсальности в минилатерализме. В связи с этим мультилатерализм в узком понимании можно также обозначить как «инклюзивный мультилатерализм», в то время как минилатерализму будет соответствовать наименование «эксклюзивный мультилатерализм». В дальнейшем в статье под мультилатерализмом будет иметься в виду именно инклюзивный мультилатерализм, или мультилатерализм в узком смысле.

Нередко в литературе минилатерализм связывается с такой характеристикой, как неформальность [Tow W.T., 2019]. В таких источниках дискуссия «мультилатерализм против минилатерализма» может по сути подменяться дискуссией «формальные международные институты против неформальных альянсов». Определённые основания для такого подхода есть, так как типичной формой мультилатерализма являются формальные бюрократические межправительственные институты, а минилатерализм чаще всего принимает облик встреч представителей неформальных межгосударственных клубов и альянсов (называемых в различных источниках параорганизациями, неформальными межправительственными организациями, *Gs* или *G-x*), включая встречи в верхах, региональные и трансрегиональные торговые договоры, а также временные коалиции по борьбе с конкретной проблемой [5]. Результатом инклюзивной многосторонней дипломатии становятся юридически обязывающие решения, в то время как

договорённости в рамках минилатерализма представляют собой «мягкое право», подразумевающее добровольное выполнение обязательств [1]. Но если на практике дискуссия «мультилатерализм против минилатерализма» почти всегда подразумевает обсуждение вопроса о формальности/неформальности дипломатии, то с теоретической точки зрения это два разных измерения темы.

Ещё одна характеристика, с которой ассоциируется термин «минилатерализм» в литературе – это участие прежде всего сильных государств [Hampson F.O., Heinbecker P., 2011: 301]. Малосторонние форматы действительно объединяют преимущественно крупные и влиятельные государства в противоположность инклюзивному мультилатерализму, в котором может участвовать большое количество малых держав. Тем не менее вполне можно представить неформальное малостороннее объединение с участием небольших стран (это подразумевают некоторые проекты минилатерализма, разбираемые далее). Таким образом, основным критерием отличия мультилатерализма от минилатерализма является в первую очередь намерено ограниченное, эксклюзивное членство в последнем.

МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЕГО КРИЗИС

Являясь распространёнными практиками в международных отношениях, мультилатерализм и минилатерализм играют важную роль в глобальном управлении.

Хотя многосторонние соглашения, регулирующие общемировые вопросы, заключались и до 1945 г., именно после окончания Второй мировой войны значительно увеличились широта и разнообразие таких соглашений. В первые послевоенные годы были основаны ключевые для западного, а позже и для всего остального мира, институты многостороннего регулирования, такие как Организация Объединённых Наций (ООН), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Новый толчок в развитии глобальный мультилатерализм получил в 1980–1990-х годах, когда были подписаны Конвенция ООН по морскому праву, Монреальский и Киотский протоколы, а уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров привёл к созданию Всемирной торговой организации (ВТО) на основе ГАТТ.

Особенности возникшей системы глобального управления нельзя понять без обращения к фактору гегемонии. Теория гегемонистской стабильности ожидает успех многосторонних институтов в ситуации сильной гегемонии ведущей державы [Keohane R., 1984]. Именно гегемон поддерживает работоспособность международных институтов, не давая им развалиться под влиянием центробежных тенденций и партикуляристских стратегий, распределяет глобальные общественные блага между акторами (по крайней мере, между своими союзниками), разрешает споры, заставляет акторов подчиняться общим правилам.

Многосторонние институты глобального управления после окончания Второй мировой войны сложились под влиянием гегемонии США [1]. Желание гегемона «поделиться властью» с более слабыми игроками может быть объяснено совокупностью факторов как прагматического, так и ценностного характера. Конструктивисты верно отмечают, что послевоенный мультилатерализм связан с американской политической культурой открытости и верховенства закона. С другой стороны, мультилатерализм также отвечает интересам гегемона: созданные институты умножают мощь США и позволяют им распространять свои ценности и стандарты под видом общечеловеческих [6]. Наконец, выбор в пользу мультилатерализма, вероятно, был сделан под влиянием международной конъюнктуры в эпоху холодной войны: противостояние с Советским Союзом требовало от США заручиться поддержкой других стран [Надточей Ю., 2004: 89].

Несмотря на это, приверженность США как гегемона принципу мультилатерализма в глобальном управлении не отличалась последовательностью [1]. США и союзные им великие державы получили ряд привилегий в возникшей системе институтов: формальное право вето в Совете Безопасности ООН и фактическое право вето у США в международных финансовых организациях, пирамидальная структура торговых переговоров в рамках ГАТТ с вершиной в виде США и других крупнейших торговых держав, а также неформальные малосторонние каналы коммуникации атлантических держав в различных организациях. Американский мультилатерализм в целом можно охарактеризовать как прагматический, а не принципиальный, особенно по сравнению с подходом европейских стран, таких как Франция и Германия [Надточей Ю.И., 2004: 87], [Сагалова А.Л., 2013: 57], [Шаклеина Т.А., 2015], [Стрежнева М.В., 2016: 14]. Американский коллективизм в глобальном управлении подразумевает мягкое, а не жёсткое право, межправительственное, а не наднациональное принятие решений, а также ориентацию на сохранение американского глобального лидерства при поддержании диалога и доверия прежде всего с близкими союзниками. Соединённые Штаты предпочитают опираться на идеологические многосторонние объединения, в которые входят только демократические государства, и те, соответственно, находятся в преимущественном положении по сравнению с остальным миром. НАТО является примером такой организации [Шаклеина Т.А., 2007: 70]. Такой инструментальный подход к мультилатерализму не исключает периодического обращения к альтернативным механизмам глобального управления – унилатерализму, билатерализму и минилатерализму. И действительно, когда мультилатерализм не соответствовал их интересам или не был неэффективным, США легко переключались на более ограниченные механизмы [Kahler M., 1992: 690].

Названные особенности подготовили почву для современного кризиса многостороннего глобального управления. Последний вызван как структурными, так и процедурными факторами. Структурное объяснение предлагает уже упоминавшаяся теория гегемонистской стабильности, связывающая проблемы в

международном сотрудничестве с закатом гегемона. Кризис американского лидерства сопровождается становлением полицентричной силовой конфигурации и усугублением глобального противостояния США с Китаем, а также Россией. Данные обстоятельства создают неблагоприятные условия для развития глобального сотрудничества. В процедурном плане мультилатерализм подрывается действиями как гегемона, так и других держав. После окончания холодной войны и без того шаткая поддержка Соединёнными Штатами принципа мультилатерализма в глобальном управлении становится ещё менее уверенной: мультилатерализм применяется избирательно (мультилатерализм *à la carte* при У. Клинтоне), а то и вовсе заменяется унилатерализмом (при Дж. Буше-младшем). Крах СССР значительно сократил зависимость Вашингтона от ближайших союзников и международных организаций. Крушение противоположного полюса означало, что открылась прямая дорога к однополярному миру и «новому американскому веку», а союзы, институты и договорённости, созданные в середине XX века, стали рассматриваться в качестве тормоза. В дальнейшем, при администрации Д. Трампа, США отказались и от такого подхода, выбрав изоляционистский курс, что также отнюдь не способствовало возрождению глобального мультилатерализма.

К середине 2000-х годов традиционная система многостороннего управления начала широко критиковаться как устаревшая. Звучали призывы к расширению влияния в глобальном управлении новых крупных игроков (прежде всего через реформу Совета Безопасности ООН и МВФ). Появился запрос на новое, более справедливое глобальное управление, менее склонное к дискриминации и злоупотреблениям и в целом выражающее основные ценности «настоящего» мультилатерализма. Но, несмотря на попытки некоторых лидеров традиционных великих держав отреагировать на эти настроения, изменения и реформы затянулись, оставив возвышающиеся страны неудовлетворёнными [Stephen M.D., 2017: 494-496], [Kahler M., 2018: 241]. Ситуация усугублялась из-за тупиков в многосторонних переговорах и становившейся все более очевидной проблемы неэффективности основных глобальных институтов в достижении тех целей, которые они себе поставили: неспособность ООН поддерживать международный мир и безопасность, отсутствие успехов в дальнейшей либерализации торговли в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО, а также неудовлетворительные усилия Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по борьбе с пандемией COVID-19 [Naim M., 2009], [Мафуанг С., 2021: 111].

Скорый выход из вышеописанного кризиса проблематичен в силу таких факторов, как инерция развития международных институтов, сопротивление акторов, получающих выгоду от существующего статус-кво, отсутствие мощного побудительного стимула для проведения реформ, ограниченная свобода действий государств в плотной сети сотен и тысяч существующих договоров, а также возросшее количество взаимодействующих сторон в многосторонних организациях [Stephen M.D., 2017: 494], [7: 3-4].

Ответом основных игроков на данные вызовы стало всё более смелое экспериментирование с альтернативными механизмами глобального управления, в частности, минилатерализмом [1]. Новым в обращении к этому не совсем новому механизму стало то, что малые форматы сотрудничества больше не рассматривались как исключительно вспомогательные, а авторами инициатив всё чаще выступали развивающиеся страны, формируя «параллельные» форумы и учреждения.

МИНИЛАТЕРАЛИЗМ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: ТИПОЛОГИЯ, ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Минилатерализм сегодня активно используется в таких областях, как безопасность, торговля, финансы, изменение климата, телекоммуникации, миграция и др., и претендует на ведущую роль в глобальном управлении. Сегодня минилатерализм реализует желание некоторых государств взаимодействовать в обход установленных многосторонних механизмов и правил.

Несмотря на возросший интерес исследователей к феномену минилатерализма в глобальном управлении, классификация минилатерализма пока не является устоявшейся темой в литературе. Это представляется нам значительным упущением, так как различные примеры воплощения этого механизма сильно различаются по своим особенностям и роли в глобальном управлении, что определяет присущие им уникальные достоинства и недостатки по сравнению с многосторонним механизмом.

Для целей анализа глобального управления целесообразно разделить минилатерализм на два типа. Первый тип популяризировал редактор *Foreign Policy* и сотрудник Фонда Карнеги М. Наим. С его точки зрения, к глобальному управлению должны подключаться не все желающие, а только те, кто имеет непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу: «Мы должны вынести на повестку дня гораздо меньшее количество стран, которые заинтересованы в наиболее сильном влиянии на решение конкретной проблемы» [Naim M., 2009]. В основе такого подхода к глобальному управлению лежит прагматическое стремление к повышению его эффективности, ради которого предлагается пожертвовать значительной долей легитимности.

Концерт великих держав можно рассматривать как классическое выражение данного типа минилатерализма. Некоторые учёные видят сегодня возможность формирования «глобального концерта» – клуба великих держав, занимающих лидирующие позиции в военной, экономической и других значимых сферах, у которых бы находились основные рычаги глобального управления. Похожую роль играл «европейский концерт» в XIX веке в региональном масштабе. Малые державы в такой системе мироуправления теряют возможность оказывать существенное влияние на глобальные процессы.

Сам М. Наим предлагал несколько другой подход. По его идее, в каждой области глобального управления должен сложиться свой клуб наиболее значимых

акторов – секторальных великих держав (например, «великих климатических держав») или связанных друг с другом доноров и реципиентов помощи. Каждая отдельная проблема подразумевает собственное оптимальное число участников регулирования: 21 государство заинтересовано в решении вопроса нераспространения ядерного оружия, 20 держав обеспечивают 85% мировой экономики, 19 стран ответственны за 2/3 смертей от СПИДа и около 12 государств достаточно для участия в диалоге по проблеме бедности в Африке [Naim M., 2009].

Сегодня самый крупный секторальный клуб в области глобального управления – Группа двадцати (G20), занимающаяся вопросами глобальной экономики. Другой пример – Форум крупнейших мировых экономик по энергетике и проблемам изменения климата, действовавший в 2009–2016 гг. Обе параорганизации часто рассматривались как альтернативы многосторонним институтам – соответственно МВФ и Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Сторонники секторального минилатерализма часто призывают поставить производство узкоспециализированных и малопредставительных глобальных клубов в формате Группы икс (G-x) на конвейер [Patrick S., 2015], [8], [9].

Второй тип минилатерализма в глобальном управлении – это региональные и трансрегиональные сообщества единомышленников, которые могут представлять собой геополитические клубы, военные альянсы, торговые соглашения и временные коалиции. К подобным инициативам подключаются только желающие, а значит, их интересы будут заведомо схожими, чего нельзя сказать о многосторонних институтах [10]. Примерами подобных объединений общей компетенции являются Форум диалога ИБСА, БРИКС и МИКТА. Группа семи (G7) совмещает в себе черты как «глобального концерта», так и клуба единомышленников. Среди параорганизаций специальной компетенции можно выделить Четырёхсторонний диалог по безопасности, военный альянс АУКУС (AUKUS) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТПП).

Сравнивая два типа минилатерализма, нужно подчеркнуть, что если первый стремится решать глобальные проблемы, то второй, как правило, не ставит столь масштабные цели и может быть ограничен задачами в рамках конкретного географического региона. Кроме того, малосторонние форматы сотрудничества первого типа стараются сохранить хотя бы минимальную репрезентативность по отношению к международному сообществу, в то время как минилатерализм второго типа стремится привлекать прежде всего стороны с наиболее близкими ценностями и интересами.

Ещё одно важное отличие состоит в том, что объединения второго типа трудно назвать собственно институтами глобального управления. Более того, в литературе зачастую утверждается, что их деятельность играет деструктивную роль для глобального управления. Тем не менее, хоть правила, разрабатываемые на данных форумах, и применяются только к немногочисленным участвующим сторонам, они могут в дальнейшем быть распространены и на других участни-

ков. Также важно отметить, что многие из групп данного типа часто выражают приверженность и стремятся к утверждению таких глобальных ценностей, как международное право, свобода судоходства и мирное разрешение международных споров, что немаловажно для поддержания глобального порядка [1]. Если будут разработаны механизмы по обеспечению совместимости деятельности данных структур с принципами глобальных институтов, в перспективе такие альянсы могут сыграть роль строительных блоков в глобальном управлении [Kahler M., 2018: 241].

Если основное преимущество минилатерализма первого типа – это способность решать глобальные проблемы минимальными усилиями, то минилатерализм второго типа позитивно выделяется своей гомогенной структурой и сплоченностью рядов. Что касается минилатерализма в целом, то по сравнению с традиционным мультилатерализмом он обладает большим количеством рядом преимуществ. *Во-первых*, малое количество участвующих сторон и отсутствие бюрократии облегчают и ускоряют процесс принятия решений, позволяя достигнуть более амбициозных соглашений [3], [10]. Сегодня скорость принятия решений – это немаловажный параметр глобального управления, ведь многие транснациональные проблемы требуют незамедлительного вмешательства и урегулирования. Результативность обсуждений и скорость принятия решений будут особенно велики в сообществах единомышленников, так как они являются естественным продуктом дипломатии государств, которые близки друг другу, хотят сотрудничать и решать общие проблемы. *Во-вторых*, упоминавшееся отсутствие бюрократии и неформальность позволяют экономить ресурсы на содержание постоянных органов [10], [11]. *В-третьих*, конфиденциальность переговоров на саммитах позволяет политикам открыто и свободно обсуждать актуальные вопросы [1]. *В-четвёртых*, малосторонние объединения, являющиеся конкурентами многосторонних институтов, часто более точно отражают современное распределение власти и влияния в мире и способны лучше адаптироваться к изменениям вследствие своей большей гибкости [7: 3]. Именно поэтому такие объединения часто предпочитают возвышающимся государствами в условиях, когда обсуждение реформ международных организаций не приводит к нужным результатам в требуемом временном режиме. *В-пятых*, гибкость минилатерализма логичным образом создаёт больше возможностей для экспериментов, например, подключения к глобальному управлению негосударственных и субнациональных акторов [1], [3], [7: 3], [Falkner R., 2016]. Мультилатерализм в традиционном понимании исходит из статистских представлений, поэтому существующая система многостороннего глобального управления остаётся плохо приспособленной к участию негосударственных акторов [12: 1]. *В-шестых*, минилатерализм предоставляет государствам альтернативу взаимодействию внутри инклюзивных многосторонних институтов, решения в которых могут блокироваться обструкционистами [Eckersley R., 2012: 33], [Patrick S., 2015], [7]. Передовым державам это даёт возможность сформировать «пионерские альянсы», реа-

лизирующие амбициозные идеи, которые в перспективе могли бы приобрести глобальную значимость [3].

Отдельно хотелось бы разобрать такую характеристику минилатерализма, как пластичность. Она проявляется в модели «изменяемой геометрии», когда состав клубов может динамически меняться в зависимости от конкретного вопроса, стоящего на повестке дня. Пластичность позволяет решить, к примеру, проблему наличия в «глобальном концерте» стран с несбалансированными параметрами развития (например, экономическими и военными). Группа семи продемонстрировала пластичность во второй половине 2000-х годов, когда представители Группы пяти (G5 – Бразилия, Китай, Индия, Мексика, ЮАР) приглашались к некоторым обсуждениям. В каком-то смысле «дискриминация» России в Группе семи/восьми (G7/8) также отражала пластичность формата, хотя данные решения были частично мотивированы геополитическими соображениями.

В то же время даже самые большие сторонники минилатерализма признают его риски для глобального управления. Среди как исследователей, так и практиков сильна позиция скептиков и противников минилатерализма. Для них традиционный мультилатерализм – это «хорошее» и «правильное» глобальное управление. Именно он обеспечивает преобладание долгосрочных интересов, ценностей консенсуса и демократии, открытых представительных форматов, отказ от дискриминации и «игры с нулевой суммой» [Caporaso J., 1993]. Современный расцвет минилатерализма поэтому воспринимается ими как кризис глобального управления и возвращение международных отношений в «естественное состояние» [7: 7], [13], [14].

Минилатерализм первого типа обвиняется в том, что он способствует формированию «глобального управления сильных». И действительно, в случае если данный механизм станет основой глобального управления, из последнего будут исключены многие средние и малые государства, что будет вызывать их недовольство и подрыв легитимность системы. Если в многосторонних институтах малые страны могли добиваться своих целей, формируя коалиции, то в параорганизациях у них гораздо меньше влияния на ход переговоров, а часто они и вовсе оттуда исключены. Решения, принятые узкой группой сильных государств, будут иметь глобальный эффект, но исключённые из обсуждений государства не будут иметь никакого шанса на них повлиять.

Минилатерализм исключает из глобального управления не только малые и средние государства, но даже и некоторые великие и восходящие державы. Так, несмотря на практиковавшийся диалог Группы семи/восьми с пятью крупнейшими развивающимися экономиками (Группа пяти), последние так и не были включены в глобальную параорганизацию. Расширение состава данного клуба может создать новые проблемы, но в своём нынешнем состоянии он не репрезентативен мировому населению и распределению глобального ВВП, поэтому утрачивает возможность эффективно и легитимно реагировать на мировые вызовы. По мере утраты Группой семи легитимности как института глобального управле-

ния, она рискует превратиться из «протоглобального концерта» в простой клуб по координации политики между крупнейшими рыночными демократиями.

Одним из центральных вопросов при обсуждении сравнительных преимуществ мультилатерализма и минилатерализма (особенно первого типа) в глобальном управлении является связь количества взаимодействующих акторов и эффективности такого взаимодействия. Многие сторонники минилатерализма опираются на традиционную гипотезу о международном сотрудничестве, которая утверждает, что увеличение количества взаимодействующих сторон уменьшает перспективы кооперации. В частности, многие неолибералы, хотя и поддерживают мультилатерализм, но признают, что большое количество участников в современных международных организациях создаёт барьеры для сотрудничества и делает данные институты неэффективными [Kahler M., 1992: 682]. Современный кризис мультилатерализма действительно частично может быть объяснён тем, что архитекторам глобального управления после окончания Второй мировой войны приходилось согласовывать интересы всего нескольких десятков государств. Так, если сегодня членами ООН является 193 государства, а членами ГАТТ/ВТО – 164 государства, то первоначально их было 51 и 23 соответственно. Важность сокращения количества сторон, участвующих в переговорах и принятии решений, была продемонстрирована при заключении многих многосторонних договоров, где в основе лежало либо согласие великих держав, либо «брокерство» небольшой группы государств [Kahler M., 1992], [4].

С другой стороны, было бы неправильно утверждать, что уменьшение числа вовлечённых в глобальное управление сторон обязательно приведёт к увеличению его эффективности. Связь между количеством акторов и перспективами сотрудничества неоднозначна, и в некоторых ситуациях вовлечение большого числа акторов будет иметь преимущество [Milner H., 1992: 474]. Проблемы современного глобального управления вызваны не столько простым увеличением количества акторов, сколько ростом несогласия между государствами, прежде всего великими державами, и их неспособностью договориться в условиях отсутствия сильного доминирующего государства [Stephen M.D., 2017], [Paris R., 2015]. Как пишет С. Патрик, с помощью минилатерализма «вряд ли получится решить сложные проблемы сотрудничества, когда полностью расходятся интересы и предпочтения великих держав. Комбинации *à la carte* хороши тогда, когда интересы и предпочтения участников в основном совпадают, а работа более универсальных органов заблокирована. Если же интересы полностью противоположны – как в случае разногласий между Россией и Западом по поводу Крыма или между Китаем и его соседями из-за островов в Южно-Китайском море – то простая подмена одного форума другим ничего не даст» [7: 7]. И действительно, трудности режима по борьбе с изменением климата и тупик в дохийском раунде торговых переговоров обусловлены прежде всего расхождением позиций США и Китая. Исключение малых стран из подобных обсуждений, предполагающееся в минилатерализме первого типа, не только снижает легитимность глобального

управления, но и оказывается не способным решить основное противоречие, подрывающее его эффективность.

Данная критика не распространяется на минилатерализм в виде групп единомышленников, для которых по определению характерна значительная доля внутренней гомогенности. Но и этот тип минилатерализма не совершенен: он фрагментирует международные режимы, разделяет мир на сферы влияния великих держав и, в отличие от международных элитарных клубов или инклюзивного мультилатерализма, не способствует поиску общих решений между игроками с расходящимися интересами и ценностями [2], [3], [7: 7], [10].

Что касается недостатков минилатерализма в целом, то многие из них являются обратной стороной его достоинств. Отсутствие бюрократии ограничивает технические и финансовые возможности, а от неформального характера клубов страдает подотчётность и транспарентность процессов [1]. Неформальность порождает неопределённость целей и потерю фокуса, что делает прогресс неструктурированным и непоследовательным. Кроме того, учитывая, что «жизненная сила» минилатерализма заключена в межличностных связях, малостороннее взаимодействие не принесёт плодов в случае проблем с выстраиванием отношений дружбы и доверия между представителями государств [2]. Наконец, решения параорганизаций не создают чётких норм и обязательств, не подкреплены международным правом, имеют низкую легитимность, а их способность влиять на политику государств неочевидна [1], [7: 7], [Patrick S., 2015], [12: 9-10].

Спорным вопросом среди исследователей является влияние минилатерализма на традиционные многосторонние институты. Его противники подчёркивают, что возникновение клубов, конкурирующих с установленными институтами, может привести к излишнему дублированию и даже уменьшению мотивации для государств участвовать в многостороннем глобальном управлении [1], [3]. Сегодня есть опасения, что распространение крупных региональных торговых соглашений подрвёт политический капитал более инклюзивного ВТО [Stephen M.D., 2017: 497]. Сторонники же утверждают, конкуренция со стороны «контринститутов» может создавать для традиционного глобального управления мотивацию к реформированию и преобразению [Patrick S., 2015]. Понимая риски «конкурентного мультилатерализма», важно не преувеличивать его разрушительный потенциал: обращение к альтернативным структурам глобального управления в современной мировой политике направлено скорее на обход существующих механизмов, чем на их подрыв [Vabulas F., 2020]. Кроме того, в отношениях между минилатерализмом и мультилатерализмом может сложиться практика не конкуренции, а «оркестровки», когда эксклюзивный неформальный клуб координирует деятельность формальных представительных структур (роль, которую играет, например, Группа двадцати по отношению к МВФ, Банку международных расчётов и Совету по финансовой стабильности) [Viola L., 2015]. В целом, «контринституционализация» может привести как к кризису, так

и к развитию глобального управления. Результат зависит от способности истеблишмента адекватно среагировать на возникшие проблемы [Zürn M., 2018].

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ МИНИЛАТЕРАЛИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Признавая значимость ценностей инклюзивности, консенсуса и демократии на глобальной арене, мы тем не менее не можем согласиться с утверждением о том, что традиционный мультилатерализм является единственной приемлемой формой глобального управления. Ориентация исключительно на многосторонность лишает глобальное управление динамизма, а также ограничивает творческий потенциал дискуссий о мирорегулировании.

Минилатерализм играл, играет и продолжит играть значимую роль в глобальном управлении. Эффективное принятие глобальных решений, как правило, подразумевает определённые элементы минилатерализма [Kahler M., 1992], [4]. Несмотря на свои недостатки, данный механизм содержит в себе позитивный потенциал, и задача для теоретиков и практиков глобального управления заключается в том, чтобы найти такие способы его применения, которые бы максимизировали его достоинства и минимизировали пороки в контексте преодоления тупиков на пути развитии международных режимов. Ниже рассматриваются некоторые варианты институциональных конфигураций, способных раскрыть потенциал минилатерализма в глобальном управлении.

Малосторонние форматы могли бы решить некоторые свои недостатки через использование более строгого подхода к определению целей и имплементации договорённостей. Так, параорганизации могли бы разработать уставы с чётко прописанными целями и принципами, а также стремиться к установлению конкретных сроков реализации решений и выработке способов измерять и оценивать выполнение договорённостей [1], [2].

Другие недостатки минилатерализма могут быть устранены через его совмещение с классическим многосторонним подходом. Например, минилатерализм может взять на себя роль двигателя мультилатерализма. В рамках этого подхода минилатерализм первого типа мог бы стать центром построения консенсуса и выработки решений, которые бы потом выносились на одобрение более широкого круга государств [Eckersley R., 2012]. Клубы также могли бы сыграть роль платформы для политического диалога, улучшающего климат в преддверии многостороннего соглашения, или наблюдательного совета, продвигающего имплементацию принятых универсальной организацией решений [3]. Потенциал взаимодействия разных механизмов глобального управления доказывает распространённость практики «гибридных институциональных комплексов» в современной мировой политике [Abbott K.W., Faude B., 2022]. «Пионерские альянсы» могли бы формироваться прямо внутри глобальных институтов. Крайним проявлением такой идеи могла бы стать институционализация

малосторонних договоров внутри многосторонних организаций для случаев, когда одна группа стран хочет перейти на более глубокий уровень кооперации. Конечно же, такие договора при этом должны оставаться открытыми для тех, кто захочет подключиться к ним позже [Naim M., 2009], [3].

Клубы наиболее значимых игроков внутри многосторонних институтов или независимо от них нуждаются в легитимации. Это могло бы быть достигнуто через внедрение строгого и научного подхода к отбору участников глобального клуба. Например, в области изменения климата в таком клубе должны быть представлены «самые способные», «самые ответственные» и «наиболее пострадавшие» [Eckersley R., 2012: 36]. Легитимность клуба также увеличит соблюдение баланса между различными группами государств (развитых и развивающихся), а также государств различных регионов.

Наконец, легитимность глобальных параорганизаций повысится в случае повышении их репрезентативности. Это может быть достигнуто через включение новых членов. Группа двадцати является примером института, который хоть и не является универсальным, но остаётся достаточно репрезентативным за счёт относительно широкого состава. Конечно, расширение состава возможно далеко не всегда и тем более не всегда это будет способствовать расширению возможностей параорганизации. В этих условиях перспективной идеей по повышению легитимности таких форм дипломатии является более активное обращение к механизму представительства. Так, существуют предложения по реформированию Группы семи, когда места Франции, Германии и Италии будут отданы единому представителю от Евросоюза или еврозоны, что освободит места для включения в клуб новых участников из развивающегося мира [15]. Представительство в клубах глобального управления может быть также косвенным. Определённая категория государств (например, «страны, наиболее пострадавшие от изменения климата», «развивающиеся страны», или «страны Африки») может быть представлена единственным государством, которое способно в наибольшей степени выразить интересы всей группы в данной области глобального управления. Представителями могут выступать и сами параорганизации, а также негосударственные акторы. Так, Группа семи и БРИКС позиционируют себя как выразители интересов, соответственно, развитых и развивающихся стран в глобальном управлении, а движение антиглобалистов примеряло на себя роль рупора глобального гражданского общества. Однако в данном случае крайне важна легитимность такого представительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ближайшем будущем не стоит ожидать формирования устойчивой системы глобального управления на основе какого-то определённого проекта. В условиях торможения глобального диалога по мирорегулированию и нарастания геополитической конкуренции великих держав глобальное управление будет

продолжать формироваться стихийно, методом проб и ошибок под влиянием краткосрочных и среднесрочных интересов крупнейших держав. Многие институты, формальные и неформальные, новые и старые, будут работать параллельно друг другу, дублировать друг друга, пересекаться в своих сферах ответственности и даже противоречить друг другу, но также и прилагать усилия по координации [Kumar A., Messner D., 2011: 13-14].

Сосуществование режимов разной природы, созданных разными акторами на разных уровнях управления будет поддерживать фрагментированное состояние глобального управления. Неопределённость мировой политики и противоречивость мировых трендов придаст развитию глобального управления турбулентный характер [Полулях Д.С., 2017]. Для некоторых политиков изоляционизм может показаться привлекательным ответом на неопределённость, но результатом такого курса могут стать только нескоординированные действия государств в отношении глобальных проблем, а пандемия *COVID-19* ярко продемонстрировала тупиковость такого пути [14].

Сказанное не значит, что архитектура глобального управления не может быть изменена сознательными усилиями. Вполне возможно возникновение новых форм и уровней сотрудничества, отдельных инициатив и объединений, которые выступят в роли аттракторов. Как в своё время европейская интеграция популяризировала модель комплексных региональных объединений, стремящихся к наднациональности, так и современные инновации глобального управления способны привлекать акторов и структурировать вокруг себя мировую материю. Ситуация турбулентности в мировой политике создаёт благоприятные условия для появления экспериментальных моделей глобального управления.

Привлекательное глобальное управление должно учитывать возможности и ограничения различных механизмов. Немаловажно также помнить, что идеальных на все века и для всех ситуаций механизмов не существует. Так, минилатерализм может быть недостаточным механизмом в спокойные времена, но более подходящим в моменты кризиса и изменений, особенно когда представительные многосторонние институты теряют способность адекватно реагировать на них. Естественно, должен быть использован потенциал смешанных механизмов, способных объединить достоинства различных подходов.

Наконец, не стоит преувеличивать значение выбора институциональных форматов для выхода из тупика в развитии современного глобального управления. Ни мультилатерализм, ни минилатерализм не будут слишком эффективными в условиях серьёзных противоречий интересов, ценностей и идентичностей основных участников глобальных процессов. Объективные противоречия, отражающие кризис гегемонии США и возросшую гетерогенность международной системы, приводят к неизбежным трудностям в решении общих проблем [16]. Но, по крайней мере, часть противоречий обусловлена субъективными факторами, например, провалами коммуникации, а значит может быть сглажена усилиями по установлению взаимопонимания.

ИСТОЧНИКИ

1. Tirkey A. Minilateralism: Weighing the Prospects for Cooperation and Governance. ORF Issue Brief No. 489, September 2021, Observer Research Foundation. Available at: <https://www.orfonline.org/research/minilateralism-weighing-prospects-cooperation-governance/> (accessed 10.11.2022)
2. Anuar A., Hussain N. Minilateralism for Multilateralism in the Post-Covid Age. S. Rajaratnam School of International Studies. Policy Report, January 2021. Available at: <http://hdl.handle.net/11540/13108> (accessed 10.11.2022)
3. Brandi C., Berger A., Bruhn D. Between Minilateralism and Multilateralism: Opportunities and Risks of Pioneer Alliances in International Trade and Climate Politics. Briefing Paper 16/2015, Bonn, German Development Institute. Available at: https://www.die-gdi.de/uploads/media/BP_16.2015_01.pdf (accessed 10.11.2022)
4. Heinbecker P. Reconfiguring Global Governance: Global Governance Innovation. Centre for International Governance Innovation, 29.08.2013. Available at: <https://www.cigionline.org/articles/reconfiguring-global-governance-global-governance-innovation/> (accessed 10.11.2022)
5. Dupont C. What Future Role for the Gs in the Multilateral System? Global Challenges, Graduate Institute of International and Development Studies, 2020. Available at: <https://globalchallenges.ch/issue/7/what-future-role-for-the-gs-in-the-multilateral-system/> (accessed 10.11.2022)
6. Remarks of Senator Barack Obama to the Chicago Council on Global Affairs. *RealClearPolitics*, 24.04.2007. Available at: https://www.realclearpolitics.com/articles/2007/04/remarks_of_senator_barack_obam.html (accessed 10.11.2022)
7. Patrick S. Multilateralism à la Carte: The New World of Global Governance. *Valdai Papers* #22, July 2015. 8 p. Available at: <https://valdaiclub.com/files/11399/> (accessed 10.11.2022)
8. Секция № 3: «Межгосударственное сотрудничество и эффективность глобальных институтов». *Независимая газета*, 22.09.2009. Available at: https://www.ng.ru/ng_politics/2009-09-22/14_situation3.html (accessed 10.11.2022).
9. Alexandroff A. Challenges in Global Governance: Opportunities for G-X Leadership. The Stanley Foundation Policy Analysis Brief, 2010. Available at: <https://stanleycenter.org/publications/pab/AlexandroffPAB310.pdf> (accessed 10.11.2022).
10. Teo S. Could Minilateralism Be Multilateralism's Best Hope in the Asia Pacific? *The Diplomat*, 15.12.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/12/could-minilateralism-be-multilateralisms-best-hope-in-the-asia-pacific> (accessed 10.11.2022).

11. Maas H., Le Drian J.-Y. Who, if not us? Federal Foreign Office, 14.02.2019. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/events/article/who-if-not-us-15-02-19> (accessed 10.11.2022).

12. Acharya A. Global Governance in a Multiplex World. European University Institute Working Paper RSCAS 2017/29. 17 p. Available at: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/46849/RSCAS_2017_29.pdf (accessed 10.11.2022)

13. Hellmann G. The Decline of Multilateralism. The German Marshall Fund of the United States, 02.05.2013. Available at: <https://www.gmfus.org/blog/2013/05/02/decline-multilateralism> (accessed 15.01.2021).

14. Eggel D. Multilateralism Is in Crisis – Or Is It? Global Challenges, Graduate Institute of International and Development Studies, 2020. Available at: <https://globalchallenges.ch/issue/7/multilaterism-is-in-crisis-or-is-it/> (accessed 10.11.2022)

15. O'Neil J., Terzi A. The G7 is Dead, Long Live the G7. Bruegel, 13.06.2018. Available at: <https://www.bruegel.org/2018/06/the-g7-is-dead-long-live-the-g7/> (accessed 10.11.2022).

16. Pascal A. Against Washington's "Great Power" Obsession. *The Atlantic*, 23.09.2019. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/09/multilateralism-nearly-dead-s-terrible-news/598615/> (accessed 10.11.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мафуанг С. Влияние пандемии COVID-19 на перестройку глобализации и многосторонность. *Русская политология – Russian Political Science*, 2021, №2 (19), с. 109–115.

Надточей Ю. Феномен односторонности в политике США и России. *Международные процессы*, 2004, № 3, с. 85-95.

Полулях Д.С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка. *Политическая наука*, 2017, №5, с. 245-260.

Полулях Д.С. Эволюция стратегий глобального управления. *Политическая наука*, 2012, № 4, с. 214-239.

Сагалова А.Л. Международные организации во внешней политике России: опыт "опоздавшей" великой державы. *Управленческое консультирование*, 2013, № 9, с. 55-61.

Стрежнева М.В. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 2016, № 2, с. 3-30.

Шаклеина Т.А. Критическое направление исследований миропорядка в США. *Международные процессы*, 2007, № 3, с. 66-75.

Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок. *Международные процессы*, 2015, № 4, с. 6-19.

REFERENCES

- Abbott, K.W., Faude, B. Hybrid institutional complexes in global governance. *The Review of International Organizations*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 263–291. DOI: 10.1007/s11558-021-09431-3
- Caporaso, J. International Relations Theory and Multilateralism: The Search for Foundations. *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form*. Ruggie J.G. (ed.). New York: Columbia University Press, 1993, pp. 403-437
- Eckersley, R. Moving Forward in the Climate Negotiations: Multilateralism or Minilateralism? *Global Environmental Politics*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 24-42. DOI: 10.1162/GLEP_a_00107
- Falkner, R. A Minilateral Solution for Global Climate Change? On Bargaining Efficiency, Club Benefits, and International Legitimacy. *Perspectives on Politics*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 87-101. DOI: 10.1017/S1537592715003242
- Hampson, F.O., Heinbecker, P. The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century. *Global Governance*, 2011, vol. 17, no. 3, pp. 299–310. DOI: 10.1163/19426720-01703003
- Kahler, M. Global Governance: Three Futures. *International Studies Review*, 2018, vol. 20, issue 2, pp. 239–246. DOI: 10.1093/isr/viy035
- Kahler, M. Multilateralism with Small and Large Numbers. *International Organization*, 1992, vol, no. 3, pp. 681-708. DOI: 10.1017/S0020818300027867
- Keohane, R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, Princeton University Press, 1984. 320 p.
- Keohane, R. Multilateralism: An Agenda for Research. *International Journal*, 1990, vol. 45, no. 4, pp. 731-764. DOI: 10.1177/002070209004500401
- Kumar, A., Messner, D. Introduction: Global Governance: Issues, Trends and Challenges. *Power Shifts and Global Governance: Challenges from South and North*. Kumar A., Messner D. (eds.). London: Anthem Press, 2011, pp. 3-31.
- Mafuang, S. Vliyaniye pandemii COVID-19 na perestroyku globalizatsii i mnogostoronnost' [The Impact of the COVID-19 Pandemic on Reshaping Globalization and Multilateralism] (In Russ.). *Russkaya politologiya – Russian Political Science*, 2021, №2, pp. 109-115.
- Milner, H. International Theories of Cooperation among Nations: Strengths and Weaknesses. *World Politics*, 1992, vol. 44, no. 3, pp. 466–496. DOI: 10.2307/2010546
- Nadtochei Yu. Fenomen odnostoronnosti v politike SShA i Rossii [The Phenomenon of Unilateralism in US and Russian Politics] (In Russ.). *International Trends*, 2004, no. 3, pp. 85-95.

Naim, M. Minilateralism. *Foreign Policy*, no. 173, 2009, pp. 135-136. Available at: <https://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/> (accessed 10.11.2022).

Paris, R. Global Governance and Power Politics: Back to Basics. *Ethics & International Affairs*, 2015, vol. 29, issue 4, pp. 407-418. DOI: 10.1017/S0892679415000428

Patrick, S. The New “New Multilateralism”: Minilateral Cooperation, but at What Cost? *Global Summitry*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 115-134. DOI: 10.1093/global/guv008

Patrick, S. The Unruled World: The Case for Good Enough Global Governance. *Foreign Affairs*, 2014, vol. 93, no. 1, pp. 58-73

Plesch, D., Weiss T.G. 1945's Lesson: “Good Enough” Global Governance Ain't Good Enough. *Global Governance*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 197-204. DOI: 10.1163/19426720-02102002

Polulyakh, D.S. Evolyutsiya strategii global'nogo upravleniya [The Evolution of Global Governance Strategies] (In Russ.), *Politicheskaya nauka*, 2012, no. 4, pp. 214-239.

Polulyakh, D.S. Turbulentnost' kak kharakteristika sovremennogo miroporyadka [Turbulence as a Characteristic of the Contemporary World Order] (In Russ.), *Politicheskaya nauka*, 2017, no. 5, pp. 245-260.

Pouliot, V. Multilateralism as an End in Itself. *International Studies Perspectives*, 2011, vol. 12, no. 1, pp. 18-26. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2010.00416.x

Ruggie, J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 3, pp. 561-598. DOI: 10.1017/S0020818300027831

Sagalova, A.L. Mezhdunarodnye organizatsii vo vneshnei politike Rossii: opyt “opozdavshei” velikoi derzhavy [International Organizations in Russian Foreign Policy: Experience of the “Late” Great Power] (In Russ.). *Administrative Consulting*, 2013, no. 9, pp. 55-61.

Shakleina, T. Kriticheskoe napravlenie issledovaniy miroporyadka v SShA [A Critical Direction of World Order Research in the United States] (In Russ.). *International Trends*, 2007, no. 3, pp. 66-75.

Shakleina, T. Liderstvo i sovremenniy mirovoi poryadok [Leadership and the Contemporary World Order], *International Trends*, 2015, no. 4, pp. 6-19

Stephen, M.D. Emerging Powers and Emerging Trends in Global Governance. *Global Governance*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 483-502. DOI: 10.1163/19426720-02303009

Strezhneva, M.V. Priverzhennost' Evrosoyuza printsipu mnogostoronnosti v usloviyakh transformatsii mirovogo poryadka [The EU's Commitment to the Principle of Multilateralism in the Context of the Transformation of the World Order] (In Russ.), *Moscow University Bulletin of World Politics*, 2016, no. 2, pp. 3-30.

Tow, W.T. Minilateral security's relevance to US strategy in the Indo-Pacific: challenges and prospects. *The Pacific Review*, 2019, vol. 32, no. 2, pp. 232-244. DOI: 10.1080/09512748.2018.1465457

Vabulas, F. Informal IGOs as Mediators of Power Shifts. *Global Policy*, 2020, vol. 11, issue S3, pp. 40-50. DOI: 10.1111/1758-5899.12869

Viola, L. Orchestration by design: The G20 in international financial regulation. *International Organizations as Orchestrators* / Abbott K., Genschel P., Snidal D., Zangl B., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, pp. 88-113. DOI: 10.1017/SBO9781139979696.006

Zürn, M. *A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 336 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПОЛУЛЯХ Даниил Сергеевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РФ, 119991 Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

POLULYAKH Daniil Sergeevich, Cand. Sci. (Polit.), Assistant at the Department of Comparative Politics. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science.

27/4, Lomonosovskii Prosp., Moscow, 119991, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 8.12.2023.

Поступила после рецензирования / Revised 21.12.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 22.12.2023.

УДК 327

JEL: Q42

DOI: 10.31857/S2686673023030069

EDN: HBJHLZ

Проблема изменения климата в энергетической политике администрации Джозефа Байдена

О.А. Хлопов

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация 123993, Москва, Миусская площадь, 6;
ORCID 0000-0002-5702-8288 e-mail: rggu2007@rambler.ru*

Резюме. В энергетической политике США за последние годы произошли глубокие изменения. Внедрение новых технологий, широкое использование возобновляемых источников энергии позволили Соединённым Штатам снизить зависимость от импорта углеводородных ресурсов и увеличить их экспорт, что, в свою очередь, повлияло на эволюцию энергетической стратегии в начале XXI века. Экономические, финансовые и технологические преимущества позволяют США оказывать влияние на глобальный энергетический рынок.

Со времён администрации Б. Обамы в США идут дискуссии относительно постепенной замены традиционных углеводородных ресурсов (нефть, газ, уголь) возобновляемыми источниками энергии. «Традиционалисты» склонны полагать, что США всё ещё сохраняют приверженность устоявшимся принципам энергетической политики: диверсификации источников нефтегазового импорта, продвижению свободной торговли в мировой энергетике, необходимости поддерживать особые отношения со странами – экспортёрами нефти и газа. Сторонники интенсивного внедрения возобновляемых источников энергии делают ставку на замещение традиционных энергоресурсов солнечными батареями, аккумуляторами, ветряными установками.

Энергетическая политика Д. Трампа была направлена на глобальное энергетическое доминирование США за счёт увеличения добычи нефти и газа и экспорта сжиженного газа (СПГ) в ЕС и другие регионы мира. При Дж. Байдене правительство США объявило о плане «чистой» энергии – сокращения выброса углекислого газа и активного перехода американской экономики на возобновляемые источники энергии в контексте борьбы с глобальным изменением климата.

Автор приходит к выводу, что радикальная энергетическая политика администрации Дж. Байдена, направленная на решение климатических проблем, основана на чрезмерных ожиданиях результатов широкого использования возобновляемых источников энергии, хотя экономика США все ещё во многом зависит от ископаемого топлива, особенно от нефти. В стране отсутствует комплексная энергетическая стратегия, которая была бы одновременно направлена на обеспечение климатической и энергетической безопасности, но без прямой конфронтации и конфликтов с другими странами.

Ключевые слова: энергетическая политика, возобновляемые источники энергии, чистая энергетика, углеводородные ресурсы, нефть, газ, внешняя политика, энергетический кризис, санкции, США, ЕС, Россия

Для цитирования: Хлопов О.А. Проблема изменения климата в энергетической политике администрации Джоозефа Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(3):85-108. DOI: 10.31857/S2686673023030069 EDN: HBJHLZ

The Problem of Climate Change in the Energy Policy of the Biden Administration

Oleg A. Khlopov

*Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya square, Moscow, 125993 Russian Federation*

РИНЦ ID:

ORCID 0000-0002-5702-8288

e-mail: rggu2007@rambler.ru

Abstract. The U.S. energy policy has undergone profound changes in recent years. The introduction of new technologies in the energy sector, the widespread use of renewable energy sources allowed the United States to reduce its dependence on the import of hydrocarbon resources and increase their export, which, in turn, influenced the evolution of the energy strategy at the beginning of the 21st century. The economic, financial and technological advantages allow the U.S. to influence the global energy market.

Since the Obama administration, there have been discussions in the United States regarding the gradual replacement of traditional hydrocarbon resources (oil, gas, coal) with renewable energy sources. "Traditionalists" tend to believe that the U.S. is still committed to the traditional principles of energy policy: diversifying the sources of oil and gas imports, promoting free trade in global energy, the need to maintain special relations with oil and gas exporting countries. Supporters of the intensive introduction of renewable energy sources are betting on the replacement of traditional energy resources with solar panels, batteries, and wind generation.

The Trump's energy policy was aimed at the global energy dominance of the United States by increasing oil and gas production and exporting liquefied natural gas (LNG) to the EU and other regions of the world. Under The Joe Biden administration the U.S. government has announced a plan for "clean" energy: reducing carbon emissions and actively transitioning the American economy to renewable energy sources in the context of the global climate agenda

The author comes to the conclusion that the radical energy policy of the Joseph Biden administration aimed at solving climate problems is based on excessive expectations of the possible results of the widespread use of renewable energy sources, while the U.S. economy is still largely depending on fossil fuels, especially oil. The United States do not have a comprehensive energy strategy that simultaneously aims to ensure climate and energy security with avoiding direct confrontation and conflict with other countries.

Keywords: energy policy, renewable energy sources, clean energy, hydrocarbon resources, oil, gas, foreign policy, energy crisis, sanctions, USA, EU, Russia.

For citation: Khlopov O.A. US The Problem of Climate Change in the Energy Policy of the Biden Administration. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(3):85-108.
DOI: 10.31857/S2686673023030069 EDN: HBJHLZ

ВВЕДЕНИЕ

Развитие процесса индустриализации вызвало рост потребности в энергоресурсах. Для США стабильное потребление энергии в необходимых объёмах и приемлемая цена на неё становятся вопросом национальной и энергетической безопасности [Geri L.R., 2011]. Начиная с 1970-х годов основные цели энергетической политики Соединённых Штатов – это надёжное снабжение энергией (1), поддержание стоимости энергии на достаточно низком уровне для удовлетворения потребностей растущей экономики (2), защита окружающей среды (3).

Законы об энергетической политике были приняты в 1992, 2005, 2007, 2008 и 2009 гг. и включают ряд положений, направленных на энергоэффективность, охрану окружающей среды и развитие энергетики, предоставление грантов и налоговых льгот для возобновляемых и невозобновляемых источников энергии [1].

За последнее десятилетие содержание энергетической политики США коренным образом изменилось. Инновации в добыче нефти и газа с помощью горизонтального бурения и гидравлического разрыва способствовали значительному увеличению добычи нефти и газа и повлияли на изменение энергетического ландшафта США и всего мира [Gold R., 2015].

По данным Управления энергетической информации Министерства энергетики США, добыча сырой нефти в США снижалась на протяжении 1990-х и 2000-х годов с 7,5 млн барр./день (1990 г.) до 5,5 млн барр./день (январь 2010 г.). После начала «сланцевой революции» в 2015 г. добыча сырой нефти на внутреннем рынке достигала 9,1 млн барр./день. Это привело к устранению фактора энергетической уязвимости и заставило американских политиков задуматься о перестройке всего рынка нефти для достижения геополитических преимуществ и энергетического изобилия [Золина С.А., Копытин И.А., Резникова О.Б., 2019].

Производство электроэнергии продолжает претерпевать значительные изменения, и сегодня растёт объём электроэнергии, получаемой из возобновляемых источников благодаря внедрению новых технологий, а также политической поддержке со стороны, в первую очередь, Демократической партии [Шлихтер А.А., 2021]. Во многих отношениях у страны есть сильные позиции для создания надёжной, доступной и экологически устойчивой энергетической системы.

При этом США являются вторым в мире источником выбросов парниковых газов, более 80% которых приходится на энергетический сектор. За последние десятилетия страна достигла относительного прогресса в переходе на экологически чистую энергию, в значительной степени благодаря развитию энергетического рынка и технологическим достижениям. На электроэнергетический сектор

приходилось почти 80% общего сокращения выбросов парниковых газов в 2008–2017 гг., при этом выбросы CO₂ сократились более чем на 25%, с 2,4 Гт до 1,8 Гт [2]. Промышленные выбросы углекислого газа за два десятилетия (1997–2018 гг.) сократились на 22%, с 1,8 Гт до 1,4 Гт [3].

Транспорт – особенно важный фактор прогресса в переходе к чистой энергии, поскольку на него приходится более 70% потребления нефти в США и почти 29% общего потребления энергии. Начиная с 2012 г. выбросы углекислого газа от транспорта росли, и сегодня он является крупнейшим источником выбросов парниковых газов.

С 2004 г. эффективность парка дорожных транспортных средств США неуклонно росла: у легковых автомобилей за этот период она повысилась на 29%, а выбросы CO₂ на миллион снизились на 23% [4]. Однако улучшение с 2004 г. было подорвано увеличением спроса на топливо для авиации и грузовых транспортных средств [5] и увеличением количества пройденных миль (КПМ) для легковых автомобилей, которое выросло на 49% с 1990 по 2017 г. [6] Увеличение КПМ, в свою очередь, отражает множество факторов, включая рост населения, общий экономический рост, реакцию потребителей на низкие цены на топливо. Одной из транспортных тенденций, которая обещает сокращение выбросов парниковых газов, является электрификация парка легковых автомобилей. В 2018 г. произошёл бум покупок электромобилей, их продажи выросли более чем на 80% [7]. Электромобили ещё не достигли достаточного масштаба, чтобы существенно сократить объёмы выбросов CO₂ в транспортном секторе в ближайшем будущем, но ожидается, что спрос на них постепенно будет возрастать.

Соединённые Штаты пытаются разработать и реализовать национальную политику, обеспечивающую решение экологических проблем, при этом климатические изменения уже признаны угрозой национальной безопасности страны [Pumphrey C., 2014]; [Sikorsky E., 2022].

Многие учёные и эксперты призывают к ускоренному и расширенному реагированию на глобальное потепление, но американские эксперты и политическая элита расходятся во мнениях относительно того, каким образом можно решить проблемы глобального изменения климата и ускоренного перехода на возобновляемые источники энергии («чистую» энергию). Некоторые американские политики на федеральном и региональном уровнях, а также руководители ряда крупных компаний рассматривают климат как экзистенциальную проблему, требующую реагирования на местном, региональном, национальном и глобальном уровнях [Grosman P.Z., 2013]. Они выступают за то, чтобы Соединённые Штаты стали активным участником в решении этой глобальной проблемы [Wendler F., 2022] и что потребление возобновляемой энергии положительно влияет на экономический рост [Bulut U., Shahbaz M., Vo, X.V., 2022]. Другие политики и ряд представителей Республиканской партии (особенно это проявилось при администрации Д. Трампа) относятся к климатической повестке с пренебрежением и

выступают за отказ США от своих обязательств в решении глобальной проблемы изменения климата [Bernell D., Simon Ch. A., 2016].

Не стоит забывать, что энергетическая безопасность имеет и внешнеполитическое измерение. Государственный департамент уделяет энергетике пристальное внимание. В 2017 г. в структуре ведомства появилась должность заместителя министра по экономическому росту, энергетике и окружающей среде [8]. Само создание этого органа демонстрирует значение, которое правительство США придаёт вопросу энергетики в своей внешней политике.

В течение последних десятилетий правительство США пыталось разработать комплексную политику в области энергетики, но эти усилия неоднократно терпели неудачу. Каждая администрация нового президента определяла свою повестку. В статье анализируются подходы и энергетическая политика администрации Дж. Байдена и предшествующих президентов США XXI века к экологическим вопросам, к традиционным и возобновляемым источникам энергии, к внедрению «чистой» энергии («зелёной» энергетики) в различные сектора промышленности и роли США к решению проблемы глобального изменения климата.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА «ЧИСТОЙ» ЭНЕРГИИ

На федеральном уровне политики уже давно пытаются достичь консенсуса в отношении решения проблем изменения климата и перехода к производству «чистой» энергии. При этом руководство в США разделилось на тех, кто убеждён, что стране нужен срочный и широкий ответ на решение экологических проблем, и тех, кто считает, что изменение климата надуманная проблема.

В течение последних полутора десятилетий федеральное правительство США играло различные роли в отношении перехода к потреблению экологически «чистой» энергии [Mildenberger M., 2021]. *Администрация президента Джорджа Буша-младшего* не уделяла внимания политике, направленной на сокращение выбросов парниковых газов. Тем не менее, при нём США вложили значительные средства в научное изучение глобальной климатической повестки, которая стала неотъемлемой частью федеральной политики со времён администрации его отца, Джорджа Буша-старшего. Администрация Дж. Буша-младшего уделила особое внимание исследованиям и разработкам в области энергетики, в том числе производству экологически чистой энергии. Закон «Об энергетической независимости и безопасности» 2007 г. (*The Energy Independence and Security Act of 2007*) [9], первоначально известный как закон «О чистой энергетике», был внесён на рассмотрение представителями Демократической партии и после обсуждения в Сенате был подписан президентом.

Закон первоначально предполагал сократить субсидии нефтяной индустрии для снижения нефтяной зависимости США и расширить использование различных форм альтернативной энергии. Однако из-за сильной оппозиции в Сенате закон не был принят, а акцент был сделан на экономию автомобильного топлива,

развитие биотоплива и повышение энергоэффективности общественных зданий и освещения [Devine R.S., 2007].

С самого начала президентства **Барак Обама** в январе 2009 г. его администрация дала понять, что считает изменение климата политическим приоритетом. Изменение климата он назвал одной из определяющих проблем современности, которая угрожает будущему человечества [10]. В течение первого срока Б. Обамы (2009–2012 гг.) было выделено более 90 млрд долл. на внедрение экологически чистых энергетических технологий, принят закон «О восстановлении и реинвестировании Америки» 2009 [11]. При администрации Б. Обамы Конгресс пытался, но не смог принять закон, продвигавшийся представителями Демократической партии, который ограничил бы выбросы парниковых газов в энергетическом секторе и многих других промышленных отраслях и установил бы торговую систему для сокращения выбросов парниковых газов [12].

Во время своего второго срока (2012–2016 гг.) администрация Б. Обамы продолжила реагировать на проблему изменения климата и на переход к «чистой» энергии [Miller R.M., 2015]. Центральным элементом энергетической политики стал «План действий по изменению климата» (*Climate Action Plan*), обнародованный в июне 2013 г. [13]. План призывал к реализации комплекса действий, направленных на сокращение выбросов парниковых газов в США и повышение готовности страны к последствиям изменения климата, а также к расширению сотрудничества с ключевыми международными партнёрами. Агентству по охране окружающей среды было предписано обнародовать новые правила по ограничению выбросов парниковых газов электростанциями.

План «чистой» энергии (*The Clean Power Plan*) [14] призывал к тому, чтобы новые и существующие электростанции выбрасывали меньше CO₂ на единицу продукции. Ожидалось, что эта программа приведёт к постепенному выводу из эксплуатации угольных и старых неэффективных газовых электростанций. Впрочем, забегая вперед, отметим, что при администрации Д. Трампа в 2019 г. Агентство по охране окружающей среды выпустило гораздо менее амбициозное предложение - так называемое «правило доступной "чистой" энергии», которое призывало лишь к повышению операционной эффективности оставшихся угольных электростанций [15]. По прогнозам многих аналитиков, это правило не оказало заметного влияния на сокращение выбросов парниковых газов в энергетическом секторе и было немедленно оспорено в суде [16].

Ещё одним важным компонентом Плана чистой энергии Б. Обамы стал курс на энергоэффективность транспортных средств, зданий, приборов и оборудования. План поручил Министерству энергетики США утвердить новые стандарты на технику и оборудование, которые должны были к 2030 г. привести к совокупному сокращению выбросов CO₂ на 3 млрд т. План также ставил перед агентствами федерального правительства США задачу возглавить международные усилия в этой сфере, в том числе с помощью таких механизмов, как

министерские встречи по «чистой» энергии и совместные двусторонние исследования с Китаем, Индией и другими ключевыми партнёрами.

Администрация Б. Обамы обязалась в соответствии с Парижским соглашением по климату 2015 г. сократить выбросы парниковых газов на 26–28% к 2025 г. по сравнению с 2005 г. В связи с этим на Всемирной конференции ООН по вопросам изменения климата в Марракеше в 2016 г. была представлена Стратегия глубокой декарбонизации США до 2050 г. [Voersma T., Johnson C., 2018]. Эта Стратегия предлагала продлить до середины века нисходящую траекторию выбросов на 26–28% и указывала на изменения, которые потребуются для достижения декарбонизации к 2050 году [17].

План «чистой» энергии, инициированный президентом Б. Обамой, ввёл в действие первые правила, касающиеся выбросов углерода в общенациональном масштабе: каждому штату были поставлены цели по выбросам и предоставлено множество вариантов действий по сокращению выбросов в стране на 32%, то есть ниже уровня 2005 года [14].

Администрация президента США Дональда Трампа скептически и даже враждебно отнеслась к необходимости перехода на экологически чистую энергию. Д. Трамп позволил штатам не устанавливать свои собственные новые правила, если они обоснуют такую необходимость [18]. Однако многие из 50 штатов США продолжали уделять внимание сокращению выбросов с помощью различных подходов и мер. Во время предвыборной кампании Д. Трамп называл изменение климата «мистификацией», выдуманной Китаем, а вступив в должность в январе 2017 г., пообещал снять с американского бизнеса регуляторное бремя и правила, направленные на защиту окружающей среды [Bobreski J., 2020]. Трамп назначил ключевыми членами своего кабинета людей, которые долгое время были «климатическими скептиками», например, Скотта Прюитта, который стал руководителем Агентства по охране окружающей среды.

В многочисленных публичных выступлениях и на слушаниях в Конгрессе представители администрации Д. Трампа ставили под сомнение утверждения об изменении климата [19]. В июне 2017 г. президент объявил о своём намерении выйти из Парижского соглашения по климату [20].

Д. Трамп охарактеризовали свою энергетическую политику как продвижение «энергетического доминирования» (*energy dominance*) США [21], которое предполагало множество инициатив, направленных на увеличение добычи нефти и газа, превращение США в экспортёра энергии. В целом в рамках энергетической политики администрации Трампа риторика в пользу защиты окружающей среды стала рассматриваться как помеха для увеличения добычи и экспорта традиционных углеводородных ресурсов: нефти, газа и угля [Хлопов О.А., 2022]. Руководитель Агентства по охране окружающей среды Прюитт приостановил реализацию Плана экологически чистой энергии и приступил к пересмотру стандартов эффективности транспортных средств.

Однако закон «Об административных процедурах в США» требует, чтобы новые правила были обоснованы, исходя из анализом выгод и затрат, и вступали в силу только после процедур публичного уведомления и комментариев. Поэтому многие из «побед» дерегулирования, о которых сообщали представители администрации Трампа, были преждевременными заявлениями [Silverman-Roatir K., 2021].

Администрация Д. Трампа настойчиво стремилась сократить часть федерального бюджета, которая была заложена на переход к чистой энергии. Однако в соответствии с Конституцией США исполнительная власть не имеет полномочий в одностороннем порядке принимать решения в отношении федерального бюджета. Решения Конгресса часто мотивируются интересами различных ведомств и лоббистских групп, а также членов Конгресса. Поэтому, несмотря на антиэкологическую риторику, за годы президентства Д. Трампа по большинству статей расходов на исследования и разработки в области экологически чистой энергии наблюдался фактический рост [22].

При Д. Трампе федеральная политика в отношении изменения климата страдала от ярко выраженных политических разногласий. К новым выборам президента возник очевидный вопрос: принесут ли они новые колебания маятника или возможен национальный консенсус по климату? Начиная с промежуточных выборов 2018 г., члены республиканской и демократической оппозиций стали проводить всё больше времени, рассматривая различные варианты экологической политики [Klass A.B., 2021]. Ряд республиканских членов Конгресса изучали идеи поддержки инноваций в области экологически «чистой» энергии часто при поддержке своих коллег-демократов. Некоторые сосредоточились на поддержке ядерной энергетики следующего поколения или новых технологий. Другой и более горячо обсуждаемой темой стало ценообразование на выбросы углерода. Бывшие члены кабинета республиканцев и ряд известных демократов сформировали Совет климатических лидеров и призвали принять налог на выбросы углерода [23].

Важным фактором, которому иногда приписывают возрождение дебатов о климате, является предложение (инициируемое в качестве предложенной резолюции в Конгрессе членом Палаты представителей Александрией Окасио-Кортес и сенатором Эдом Марки в 2019 г.), известное как «Новый зелёный курс» (*Green New Deal*). Эта программа представляет собой обширный набор целей, направленных на: а) быструю и глубокую декарбонизацию; б) предоставление гарантий занятости в секторе чистой энергии, особенно с участием меньшинств и экономически неблагополучных общин; в) реформу здравоохранения; г) меры по решению местных проблем, связанных с загрязнением окружающей среды, которые обрушились на многие меньшинства с низким доходом [24].

Несмотря на то, что инициативы «зеленого курса» не сразу воплотились в официальные законодательные предложения, само обсуждение и принятие «экологической программы» показало растущую общественную озабоченность в

отношении изменения климата [Zyche B., 2019], что нашло отражение в опросах общественного мнения, особенно среди избирателей-демократов.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

За последние 15 лет сектор «чистой» энергии США демонстрировал гигантский рост. С 2005 г. объёмы ветряной и солнечной энергогенераций в общей сложности выросли в 22 раза – до 411 тераватт-час, а стоимость вырабатываемой ими электроэнергии и цены на аккумуляторные батареи снизились [25].

В 2020 г. структура общего производства первичной энергии в США по источникам выглядела следующим образом: возобновляемые источники (включая гидроэнергетику, биомассу, биотопливо, ветер, геотермальную и солнечную энергию) составили 12% общего объёма, нефть – 36%, природный газ – 33%, уголь – 10%, атомная энергия – 9% [26].

Во время президентской кампании Дж. Байден выразил намерение снизить влияние нефтегазовой отрасли, возросшее при Д. Трампе. [Bomberg E., 2021] Он также опубликовал свой План изменения климата и экологической справедливости, целью которого является достижение к 2035 г. 100% безуглеродного производства электроэнергии и нулевых выбросов в США к 2050 году [27].

Как только Дж. Байден стал президентом США, он подписал ряд исполнительных указов, направленных на воплощение в жизнь его предвыборных политических обещаний в области энергетики и климата с соответствующими внутренними и международными последствиями. Он отозвал разрешение на строительство трубопровода «Кистоун XL» (*Keystone XL*) и поручил федеральным агентствам рассмотреть новые правила ограничения выбросов метана из нефти и газа. Кроме того, он приостановил новый лизинг нефти и газа на федеральных землях и морских водах [28]. Хотя такое решение не повлияет на существующие операции или разрешения на аренду, а также на частные земли, оно подчёркивает значительный сдвиг по сравнению с подходами предыдущей администрацией.

Одним из направлений энергетической политики Дж. Байдена стала также программа по сокращению выбросов углекислого газа и перехода к возобновляемым источникам энергии. Программа стоимостью 2 трлн долл. [29] по устранению всех выбросов парниковых газов была поддержана сторонниками климатической кампании, однако кардинальные изменения встретили сопротивление со стороны лоббистов традиционных источников энергии и защитников природы [30].

Администрация Дж. Байдена уже выделила частному сектору более 100 млрд долл. на производство электромобилей и аккумуляторов, чистого водорода, развитие ядерной энергетики и другие передовые технологии, а также на дополнительные мощности по производству солнечной энергии, что позволит увеличить текущую базовую мощность с 7,5 гигаватт до 15 гигаватт [31].

Министерство энергетики США также работает над тем, чтобы ускорить продвижение США к 100%-ной «чистой энергии» к 2035 г. и нулевым выбросам к 2050 г., в том числе за счёт дополнительного финансирования производства «чистой» энергетики на сумму 9,5 млрд долл. по закону «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места» 2021 г. (*Infrastructure Investment and Job Act*) [32].

Сегодня администрация Дж. Байдена пытается развернуть десятки тысяч новых ветряных турбин и миллионы новых солнечных панелей по всей территории страны, чтобы значительно увеличить долю вырабатываемой энергии с нулевым выбросом углерода. В США снова наблюдается расширение инфраструктуры для возобновляемых источников энергии, «расположенных и построенных в местах, которые привели к значительной потере биоразнообразия» [33].

С первого дня администрация Дж. Байдена уделяла приоритетное внимание снижению расходов для работающих семей, преодолению климатического кризиса, повышению энергетической независимости США и конкурентоспособности на мировом рынке экологически чистой энергии. В то же время сегодня американцы сталкиваются с высокими ценами на энергоносители как из-за восстановления экономики после пандемии *COVID-19*, так и из-за высоких цен на нефть, вызванных санкционной политикой Запада в отношении российской энергетики из-за военной операции России на Украине, что делает переход к экологически чистой энергии ещё более актуальным.

В связи с этим пакет стимулов администрации Дж. Байдена в области климата и «чистой» энергии по программе «Построить лучше, чем было» (*Build Back Better Plan*) [34] направлен на инвестиции в чистую энергетику и экологически чистые энергетические технологии, которые, как надеются сторонники такого подхода, будут доступными для большего числа американцев и одновременно помогут решению климатических проблем и создадут миллионы рабочих мест.

Администрация Дж. Байдена настаивает на том, чтобы Конгресс принял ряд законов, которые помимо стимулирования инвестиций в чистую энергетику и снижения налогов, были бы призваны:

- разрешить использование закона «Об оборонном производстве» 2020 г. (*Defence Production Act*) для ускорения внутреннего производства экологически чистых энергетических технологий, включая детали для солнечных батарей;
- создать условия американским кампаниям по развёртыванию солнечной энергии для строительства проектов экологически чистой энергии и электросети;
- использовать возможности исполнительной власти, чтобы предпринимать смелые действия для построения будущего экологически чистой энергии американского производства [35].

В энергетическом секторе при Дж. Байдене правительство США стремится установить национальный стандарт для коммунальных служб по использованию определённого количества солнечной, ветровой и других возобновляемых источников энергии [36]. Эти обязательные объёмы со временем могут увеличиваться,

что сократит использование угля, нефти и газа для выработки электроэнергии в стране в течение следующих 15 лет.

Следует отметить, что в энергетическом секторе США уже произошли некоторые серьёзные преобразования на уровне штатов. Несколько штатов не разделяли взгляды Трампа в отношении решения проблем охраны окружающей среды. Например, 30 штатов и округ Колумбия уже предписывают своим коммунальным предприятиям включать в общий объём генерации некоторую часть возобновляемой энергии. Это способствует значительному росту использования возобновляемых источников энергии. В 2020 г. в США на возобновляемые источники энергии приходится уже 20% производства электроэнергии в коммунальных масштабах [37].

Приход нынешней администрации знаменует собой существенное изменение энергетической и климатической политики США и на федеральном уровне, что даёт дополнительный импульс и политическую поддержку отраслям по производству чистой энергетики. Например, администрация Дж. Байдена делает большую ставку на офшорную ветроэнергетику, ставя цель развернуть 30 ГВт офшорной ветроэнергетики к 2030 г. В настоящее время на долю США приходится менее 0,1% мировой мощности офшорной ветроэнергетики (34 367 МВт) по сравнению с долей ЕС (72,5%) и Китая (26,1%) [38].

Кроме того, теперь Вашингтон стремится поощрять передачу энергии по всей территории США, пользуясь необходимостью стимулировать восстановление экономики высокими государственными расходами. Байден обнародовал инвестиционный план создания рабочих мест, который является вторым элементом программы «Построить лучше, чем было» [39]. Повестка дня направлена на то, чтобы спасти экономику от рецессии, вызванной пандемией *COVID-19* и связанными с ней ограничениями. В инвестиционном плане широко рассматриваются проблемы, связанные с изменением климата, и подчёркивается тесная взаимосвязь между климатической и промышленной политикой [Brewer T., 2022]

В соответствии с этим планом администрация Дж. Байдена предлагает инвестировать 174 млрд долл. в развитие рынка электромобилей и цепочек их поставок, в которых в настоящее время доминирует Китай. Для увеличения количества электромобилей в США он также объявил о намерении стимулировать развёртывание 500 тыс. зарядных станций к 2030 г. (в настоящее время насчитывается около 42 тыс.) наряду с налоговыми льготами для потребителей [40].

В 2021 г. продажи электромобилей в США возросли в 2 раза, и во многом это связано с падением цен. Уже сейчас многие модели электромобилей становятся дешевле, чем их эквиваленты, работающие на ископаемом топливе, особенно если учесть тот факт, что в год владельцы электромобилей экономят на топливе от 500 долл. до 1 тыс. и 6 тыс. на обслуживании автомобиля в течение всего срока службы [Tubb K., 2022].

Фактически владельцы электромобилей экономят каждый раз, когда подключаются к сети. По состоянию на 1 апреля 2022 г. заправка бака бензина для

среднего семейного седана стоит около 63 долл. Чтобы новый электромобиль проехал такое же расстояние, его зарядка дома или на работе будет стоить всего около 12 долларов [41].

Повестка дня администрации Дж. Байдена направлена на стимулирование доступности самих электромобилей благодаря снижению начальной цены нового электромобиля до 12 500 долларов.

Президент также предложил инвестировать 35 млрд долл. в программы инноваций и НИОКР (по закону «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места»), добиться технологических прорывов, направленных на решение проблемы изменения климата, и позиционировать Америку как мирового лидера в области экологически чистых энергетических технологий [42].

Внедрение экологически чистых и эффективных технологий – солнечных панелей, тепловых насосов и светодиодных ламп – может сэкономить жильцам от сотен до тысяч долларов в год, делая более доступным свет, обогрев дома зимой и его охлаждение летом. Но некоторые из этих технологий имеют значительные первоначальные затраты, и именно здесь вступают в действие стимулы для экологически чистой энергии. Налоговые льготы и скидки, предусмотренные в повестке дня президента, направлены на снижение стоимости внедрения технологий, сделав их более доступными большинству американцев. Например, эти налоговые льготы позволяют сэкономить на стоимости установки солнечной панели на крыше дома на 30%, или более чем на 7 500 долл. для средней системы; они помогут миллионам семей получить дополнительную экономию в размере 9 тыс. долл. на счетах за электроэнергию в течение срока службы системы. Другие налоговые льготы и скидки направлены на то, чтобы сделать домашние электрические приборы (стиральные и сушильные машины, печи, водонагреватели и холодильники) намного доступнее. Простой переход от традиционной системы кондиционирования и отопления к более энергоэффективному тепловому насосу экономит среднему американскому домовладельцу сотни долларов в год [43]. Программа президента Дж. Байдена «Построить лучше, чем было» направлена также на противодействие инфляции за счёт развития экологически чистой энергии и решение проблемы изменения климата. Один из способов достижения намеченных целей – это инвестиции в производство, развитие цепочек поставок экологически чистой энергии, что, по замыслу разработчиков программы, приведёт к созданию дополнительных рабочих мест, повышению экономической конкурентоспособности США и энергетической независимости [34.]. В то же время энергетическая политика администрации Байдена не предусматривает разрешения нефтяным компаниям разрабатывать огромные залежи горючего сланца в районе Грин-Ривер (штат Вайоминг), который содержит до 4,3 трлн баррелей сланцевой нефти, а затраты на добычу намного ниже средней стоимости разработки текущих традиционных нефтяных месторождений [44]. За это *энергетическая политика администрации Дж. Байдена, подвергается критике со стороны американских экспертов и политиков.*

Для США ключевой проблемой становится рост цен на бензин и реакция потребителей на повышение цен на нефтегазовые продукты. Стоимость перехода на электромобиль или другие энергоэффективные решения и изменения в жизни может быть непомерно высокой для людей с более низкими доходами. В то же время альтернативы, такие как электромобили и в некоторой степени биотопливо, помогли смягчить рост спроса на нефть. При этом ряд решений Дж. Байдена в пользу сокращения добычи нефти и газа, приостановка строительства трубопровода «Кистоун XL» создали риски для необходимых объёмов поставок, а нехватка предложения нефти оказывает влияние на рост цен.

Основная проблема с ветром и солнцем заключается в том, что они, как правило, производят больше всего энергии, когда люди меньше всего в ней нуждаются. Пиковые сезоны для ветроэнергетики в основном приходятся на осень и весну, но пиковый спрос на энергию приходится на лето и зиму, когда людям необходимо обогреть или охладить дома и офисы.

Электросеть должна справляться с изменчивостью спроса и иметь достаточную мощность для покрытия пикового спроса, например, в самые жаркие часы лета, а также иметь возможность снижать мощность в ранние утренние часы или весенние дни, когда спрос значительно падает. Следовательно, возобновляемые источники энергии вносят существенную неустойчивость предложения.

Ветряные и солнечные устройства не вырабатывают энергию, когда не дует ветер и не светит солнце. Современные технологии производства и хранения солнечной и ветровой энергии ограничены. Установка устройств сбора солнечной и ветровой энергии требует огромных мощностей, занимающих огромную территорию.

Согласно оценке американского эксперта Джерома Корси, администрация Дж. Байдена полна решимости навязать американцам «Зелёный новый курс» посредством исполнительных решений и регулирующих мер, направленных на ограничение поставок углеводородного топлива, и неизбежный вывод состоит в том, что «мистификация» климатической повестки ведёт к двузначной инфляции, которая включает непомерно растущие затраты на энергию [Corsi, G.R., 2022].

По мнению другого американского специалиста по климату Эпштейна, преимущества ископаемого топлива будут по-прежнему намного перевешивать его побочные эффекты для грядущих поколений, включая воздействие на климат. В своей работе Эпштейн утверждает, что сегодняшние широко распространённые заявления о неминуемой климатической катастрофе и неминуемом господстве возобновляемых источников энергии основаны на наборе ошибочных методов и ложных предположений об ископаемом топливе, климате и возобновляемых источниках энергии за последние 50 лет. По его мнению, путь к глобальному процветанию человечества – это сочетание использования большего количества ископаемого топлива, улучшения «контроля над климатом» и разработки политики «энергетической свободы», которая позволяет ядерным и другим

действительно многообещающим альтернативам полностью раскрыть свой долгосрочный потенциал [Epstein A., 2022].

Очевидно, что сегодня США необходимы дополнительные инвестиции в добычу традиционных видов топлива (нефть и газ), чтобы обеспечить спрос и снизить цену, однако есть и те силы, которые выступают за увеличение объёмов возобновляемых источников энергии и будут изо всех сил стараться убедить общественность, что они нужны. В США аналитики и эксперты призывают американских лидеров приложить согласованные усилия для создания двухпартийной коалиции в поддержку решения экологических вопросов и проблем нефтегазовой промышленности. Очевидно, что сегодня существует потребность в комплексной стратегии, обеспечивающей как климатическую, так и энергетическую безопасность [45]. Но это потребует от правительства прагматических решений, чтобы управлять энергетическими рынками, исправляя ошибки и неудачи.

Если говорить о внешнеполитическом измерении энергетической политики США, то нынешнее их руководство стремится восстановить американское лидерство в борьбе с изменением климата, подорванное решением Трампа выйти из Парижского соглашения 2015 г. Действительно, американское международное лидерство пошатнулось за четыре года правления Трампа. В качестве шага в этом направлении Байден подписал указ об официальном присоединении к Парижскому соглашению в первый день своего пребывания в Овальном кабинете, пригласил 40 мировых лидеров на саммит по климату в 2021 г. и назначил бывшего госсекретаря Керри первым в стране специальным представителем президента по климату, чтобы активизировать действия США по борьбе с изменением климата на международной арене. [Brewer T., 2022]. Президент США объявил о новой цели для США по сокращению на 50–52% по сравнению с уровнем 2005 г. парниковых газов в масштабах всей экономики к 2030 г. и призвал к сокращению выбросов в масштабах всей экономики на 80% к 2050 г. [Elder M., 2021].

Внешняя политика администрации Дж. Байдена в области энергетики и климата направлена на возрождение многосторонности, восстановление альянсов США по всему миру и стабильных отношений с ключевыми партнёрами. Поскольку на долю США приходится 15% глобальных выбросов углекислого газа, они стараются убедить и стимулировать другие страны в стремлении к декарбонизации посредством финансовой и политической поддержки [Давыдов А.Ю., 2018].

С одной стороны, климатическая повестка может представлять собой поле для потенциального сотрудничества между США и Китаем, а также ЕС и Россией. Однако, с другой стороны, некоторые энергетические вопросы, такие как роль угля в отношениях с Китаем и механизм корректировки углеродных границ с ЕС [Bazilian M., Sovacool B., Moss, T., 2017], могут быть источниками дополнительной напряжённости и конфронтации.

С начала специальной военной операции России на Украине, с 24 февраля 2022 г., США сосредоточили внимание на энергетике как на особо важном

геополитическом факторе. Значение энергии в стратегическом мышлении США в отношении России заметно повысилось, так как в Вашингтоне понимают, что Москва зависит от доходов от экспорта нефти и газа для финансирования государственных программ, поэтому усилия по уменьшению военного потенциала Москвы, естественно, начались с ограничения этого экспорта. Но, поскольку Европа в большой степени зависит от российских ресурсов, этого невозможно добиться, если у европейцев нет альтернативных источников энергии. Таким образом, ключевым аспектом стратегии администрации Дж. Байдена в отношении Украины наряду с предоставлением оружия и другой помощи является работа с европейскими лидерами по замещению импортируемых из России нефти и газа энергоносителями, поставляемыми США и другими «надёжными» поставщиками.

В рамках стратегии «диверсифицироваться от России» (*to diversify away from Russia*) Дж. Байден и президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен 25 марта 2022 г. объявили о совместных усилиях по снижению зависимости Европы от российских углеводородных ресурсов [46]. Согласно плану, Европа должна ускорить строительство новых мощностей по импорту СПГ, в то время как США увеличат свои экспортные мощности СПГ, что позволит поставлять в Европу до 50 млрд куб. газа в год, и это почти на 150% больше, чем в 2021 г. [Старкин С.В., Приписнова Е.С., Кривов С.В., 2022].

Дж. Байден также пообещал помочь европейцам найти дополнительные источники СПГ в других местах, что позволит им полностью избавиться от зависимости от российского газа к 2027 г. [47]. Тем не менее совместный энергетический план не освободит Европу от зависимости от российского газа, так как для этого потребуются гораздо более масштабные усилия и время, в том числе значительное расширение инфраструктуры, дополнительные поставки СПГ и трубопроводного газа от других экспортёров.

Можно заключить, что энергетическая и климатическая политика при администрации Дж. Байдена приобрела важное геополитическое значение. Она создаст конкуренцию между крупными державами. США видят постоянно растущую конкуренцию и давление со стороны других крупных экономик (ЕС и Китая), которые заявили о своих амбициях возглавить процесс декарбонизации на основе новых стратегий промышленной политики и высоких государственных расходов. Госсекретарь США Энтони Блинкен назвал инвестиции в возобновляемые источники энергии обязательным условием соперничества Америки с Китаем, отметив, что Китай владеет почти третью мировых патентов на возобновляемые источники энергии и является крупнейшим в мире производителем и экспортёром солнечных панелей, ветряных турбин, аккумуляторов и электрических транспортных средств [48]. В этом смысле энергетическая политика США направлена на сохранение и усиление своего мирового лидерства в условиях стратегической конкуренции с Китаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, энергетическая и климатическая политика администрации Дж. Байдена включает в себя внутреннее и международное измерения. Внутри страны США придают новый импульс развитию экологически чистой энергии и своим обязательствам по борьбе с изменением климата на федеральном уровне, климатическая политика тесно взаимосвязана с промышленной политикой. На внешнем фронте деятельность правительства направлена на борьбу с международной конкуренцией со стороны других крупных экономик, на увеличение экспорта американского сжиженного газа. Политический выбор и проводимая энергетическая политика администрации Дж. Байдена привели к росту цен на энергоносители ещё до начала введения масштабных санкций против России.

Очевидно, что администрация Дж. Байдена намерена в долгосрочной перспективе вывести нефтяную промышленность Америки из бизнеса. Отказ от трубопровода «Кистоун XL», введение дополнительных законов, которые ограничивают почти все аспекты нефтяной промышленности: финансирование и инвестиции частного сектора, разведку и добычу, строительство и эксплуатацию трубопроводов – свидетельствуют о настойчивом стремлении Дж. Байдена в борьбе с ископаемым топливом, что в текущих условиях только усугубляет экономическую ситуацию внутри страны, и ведёт к повышению цен на топливо.

Модель радикальной энергетической политики Байдена привела к тому, что жители штата Калифорния сегодня платят более 6 долл. за галлон обычного бензина, что на 1,27 долл. больше, чем в среднем по стране [Findling H., 2021]. И выдвигается требование, чтобы к 2035 г. всё больше грузовиков и всех новых легковых автомобилей, продаваемых в штате, были автомобилями с нулевым уровнем выбросов.

Вместо того чтобы развивать инфраструктуру для добычи нефти, газа и угля, США стали опять полагаться на импорт нефти, одновременно заставляя свою экономику переходить на более дорогостоящие и менее надёжные альтернативы экологически чистой энергии.

Анализ энергетической политики США при Дж. Байдене позволяет сделать *следующие выводы*.

1. Внедрение новых технологий в энергетический сектор экономики способствует изменению энергобаланса в результате более широкого применения возобновляемых источников энергии.

2. Вопросы энергоэффективности и охраны окружающей среды являются актуальными в США уже на протяжении нескольких десятилетий для разных администраций.

3. США, несмотря на ряд внутренних проблем, по-прежнему остаются ведущим государством в мире, имея достаточный технологический, экономический и финансовый потенциал для изобретения и применения инновационных технологий в своей промышленности. Отказ от широкого использования

традиционных углеводородных ресурсов в виде топлива, декарбонизация производства электроэнергии и сокращение парниковых газов действительно возможны, учитывая снижающиеся технологические издержки. Но в условиях высоких дополнительных затрат, политизации вопросов углеводородной и «чистой» энергии следует с осторожностью относиться к планам правительства США о сведении выбросов CO₂ к нулю и к срокам решения экологических задач.

4. Политизация экологических проблем, изменения климата и широкого использования возобновляемых источников энергии вызывают дискуссии в обществе и ставят под сомнение темпы и сроки перехода американской экономики к «чистой» энергии. В то же время особенности политической системы США дают возможность находить компромиссы на основе консенсуса между двумя конкурирующими политическими партиями.

5. Санкционная политика администрации Дж. Байдена, направленная против деятельности российских энергетических компаний на международных рынках и экспорта российских углеводородных ресурсов, привела к созданию энергетического кризиса, повышению цен на энергоресурсы, инфляции в США и других странах. Несмотря на появление технологий использования возобновляемых источников энергии, мировой спрос на нефть и газ остаётся на прежнем уровне и, похоже, не изменится в ближайшем будущем. Радикальная энергетическая политика администрации Дж. Байдена, направленная на решение климатических проблем, бросает вызов реальности и основана на чрезмерных ожиданиях от возможных результатов широкого применения возобновляемых источников энергии и дорого обходится американцам.

ИСТОЧНИКИ

1. USA Congressional Research Service. Energy Policy. 114th Congress Issues. September, 2016. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R42756.pdf> (accessed: 21.07.2022).

2. EIA. Annual Energy Outlook 2019. Available at: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/> (accessed: 23.11.2022).

3. US Environmental Protection Agency. Inventory of U.S. Greenhouse Gas Emissions and Sinks. EPA. April 12. 2002. Available at: <https://www.epa.gov/ghgemissions/inventory-us-greenhouse-gas-emissions-and-sinks> (accessed: 23.11.2022).

4. EIA. Oil: Crude and Petroleum Products Explained – Use of Oil. 28 September 2018. Available at: https://www.eia.gov/energyexplained/index.php?page=oil_use. (accessed: 20.11.2022).

5. Houser, T., Marsters, P. Final U.S. Emissions Numbers for 2017. Rhodium Group. March 29 2018. Available at: <https://rhg.com/research/final-us-emissions-numbers-for-2017/> (accessed: 20.11.2022).

6. Federal Highway Administration. Travel monitoring: Historical Monthly VMT report. 26 April 2018. Available at: https://www.fhwa.dot.gov/policyinformation/travel_monitoring/historicvmt.cfm: (accessed: 11.11.2022).

7. Pyper, J. US Electric Vehicle Sales Increased by 81% in 2018. *GreenTech Media*, 7 January 2019. Available at: <https://www.greentechmedia.com/articles/read/us-electric-vehicle-sales-increase-by-81-in-2018#gs.ohnerc> (accessed: 27.11.2022).

8. U.S. Department of State. Under Secretary for Economic Growth, Energy and the Environment. U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/e/> (accessed 22.11.2022).

9. Energy Independence and Security Act of 2007. Public Law 110–140 110th Congress. DEC. 19, 2007. Pp 110–140. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ140/pdf/PLAW-110publ140.pdf> (accessed: 21.11.2022).

10. Remarks by the President at U.N. Climate Change Summit. White House. Sep 23, 2014, Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/23/remarks-president-un-climate-change-summit> (accessed: 30.11.2022).

11. White House. Fact Sheet: the Recovery Act Made the Single Largest Investment in Clean Energy in History, Driving the Deployment of Clean Energy, Promoting Energy Efficiency and Supporting Manufacturing. 25 February 2016. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/02/25/fact-sheet-recovery-act-made-largest-single-investment-clean-energy> (accessed: 01.12.2022).

12. Congressional Budget Office. Cost Estimate – HR 2454, American Clean Energy and Security Act of 2009. Available at: <https://www.cbo.gov/sites/default/files/111th-congress-2009-2010/costestimate/hr24541.pdf> (accessed: 30.12.2022).

13. White House. The President’s Climate Action Plan, June 2013. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/image/president27climateactionplan.pdf> (accessed: 21.11.2022).

14. Clean Power Plan. FACT SHEET. United States Environmental Protection Agency. August 3, 2015. Available at: <https://archive.epa.gov/epa/cleanpower-plan/fact-sheet-overview-clean-power-plan.html> (accessed: 21.11.2022).

15. Affordable Clean Energy Rule. Environmental Protection Agency. June 19, 2019. Available at: <https://www.epa.gov/stationary-sources-air-pollution/affordable-clean-energy-rule> (accessed: 01.12.2022).

16. Friedman, L. EPA Finalizes its Plan to Replace Obama-Era Climate Rules. *The New York Times*. 19 June, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/06/19/climate/epa-coal-emissions.html> (accessed: 01.12.2022).

17. White House. United States Mid-century Strategy for Deep Decarbonization. 2016. Available at: https://unfccc.int/files/focus/long-term_strategies/application/pdf/mid_century_strategy_report-final_red.pdf (accessed: 01.12.2022).

18. Cushman, Jh.H. Jr., Lavelle, M. Trump’s Weaker Clean Power Plan Replacement Won’t Stop Coal’s Decline. *Inside Climate News*. June 19, 2019. Available at: <https://insideclimatenews.org/news/19062019/trump-clean-power-plan-climate-emissions-rule-replacement-coal-decline> (accessed: 23.11.2022).

19. Gustin, G. Climate Denial Pervades the Trump White House, But it's Hitting Some Limits. *Inside Climate News*. 8 January 2018. Available at: <https://insideclimate-news.org/news/08012018/climate-change-denial-trump-hoax-2017-year-review-pruitt-tillerson-endangerment-finding> (accessed: 01.12.2022).

20. Shear, M.D. Trump Will Withdraw U.S. From Paris Climate Agreement. *The New York Times*. June 1, 2017. Available at: <https://www.ny-times.com/2017/06/01/climate/trump-paris-climate-agreement.html> (accessed: 02.12.2022).

21. President Donald J. Trump Is Unleashing American Energy Dominance. The White House Gov. May 14, 2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashing-american-energy-ominance/> (accessed: 03.12.2022).

22. U.S. Department of Energy. FY 2020 Budget Justification. 2019. Available at: <https://www.energy.gov/cfo/downloads/fy-2020-budget-justification> (accessed: 03.12.2022).

23. Bipartisan Climate Roadmap. The Climate Leadership Council. February 13, 2020. Available at: <https://clcouncil.org/reports/Bipartisan-Climate-Roadmap.pdf> (accessed: 03.12.2022).

24. H.Res.109 - Recognizing the duty of the Federal Government to create a Green New Deal. 116th Congress (2019-2020). Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/109/text> (accessed: 03.12.2022).

25. Rapier, R. Can Joe Biden Decarbonize The U.S. Power Sector By 2035? *Forbes*. Sep 13, 2020. Available at: <https://www.forbes.com/sites/rpapier/2020/09/13/can-joe-biden-decarbonize-the-us-power-sector-by-2035/> (accessed: 02.12.2022).

26. EIA. U.S. Primary Energy Consumption by Energy Source, 2021. Available at: <https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/#tab3>. (accessed: 02.12.2022).

27. Biden, J. Climate Change and Environmental Justice. [joebiden.com](https://joebiden.com/climate-plan/). Available at: <https://joebiden.com/climate-plan/> (accessed: 03.12.2022).

28. Brown, M. Biden halts oil and gas leases, permits on US land and water. *ABC News*. January 22, 2021. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/wireStory/biden-suspends-oil-gas-leases-permits-60-days-75408745> (accessed: 03.12.2022).

29. Bradner, E., Mucha, S. Biden proposes \$2 trillion for clean energy projects, calls for end to power plant emissions by 2035. *CNN*. July 14, 2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/07/14/politics/joe-biden-clean-energy-plan/index.html> (accessed: 03.12.2022).

30. Tankersley, J. Biden Details \$2 Trillion Plan to Rebuild Infrastructure and Reshape the Economy. *The New York Times*. March 31, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/31/business/economy/biden-infrastructure-plan.html> (accessed: 03.12.2022).

31. President Biden Takes Bold Executive Action to Spur Domestic Clean Energy Manufacturing. The White House. Jun 06.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/06/fact-sheet-president-biden-takes-bold-executive-action-to-spur-domestic-clean-energy-manufacturing/> (accessed:03.12.2022).
32. DOE Establishes Bipartisan Infrastructure Law's \$9.5 Billion Clean Hydrogen Initiatives. U.S. Department of Energy, February 15, 2022. Available at: <https://www.energy.gov/articles/doe-establishes-bipartisan-infrastructure-laws-95-billion-clean-hydrogen-initiatives> (accessed:30.11.2022).
33. Milman, O. Biden Plots \$2tn Green Revolution but Faces Wind and Solar Backlash. *The Guardian*. 25.06. 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2020/jul/25/biden-clean-energy-renewable-wind-solar-backlash> (accessed: 01.12.2022).
34. Building a Better America. The White House. 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/build/> (accessed: 01.12.2022).
35. The White House. Fact Sheet: President Biden Takes Bold Executive Action to Spur Domestic Clean Energy Manufacturing. Briefing Room. 06.06.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/06/fact-sheet-president-biden-takes-bold-executive-action-to-spur-domestic-clean-energy-manufacturing/> (accessed: 03.12.2022).
36. CAP. Creating a Domestic U.S. Supply Chain for Clean Energy Technology. Report. The Center for American Progress. Oct. 4, 2021. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/creating-domestic-u-s-supply-chain-clean-energy-technology/> (accessed: 01.12.2022).
37. Bairstow, J. Nearly 30 U.S. states see renewables generate more power than either coal or nuclear. *Energy Live News*. 30 October 2020. Available at: <https://www.energylivenews.com/2020/10/30/nearly-30-us-states-see-renewables-generate-more-power-than-either-coal-or-nuclear/> (accessed: 30.11.2022).
38. Naimoli, S., Tsafor, N. New U.S. Offshore Wind target: from standing start to 30GW by 2030. *Energy Post*. May 6, 2021. Available at: <https://energypost.eu/new-u-s-offshore-wind-target-from-standing-start-to-30-gw-by-2030/> (accessed: 01.12.2022).
39. The Build Back Better Framework. The White House. Aug 13, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/13/fact-sheet-president-bidens-build-back-better-agenda-will-deliver-historic-investments-in-american-families-and-communities/> (accessed: 03.12.2022).
40. Levin T. President Biden hopes to build 500,000 new electric car chargers by 2030. *Business Insider*. Mach 7, 2021, Available at: <https://www.businessinsider.com/joe-biden-electric-vehicle-charging-stations-plan-industry-experts-2030-2021-3> (accessed:03.12.2022).
41. DOE. President Biden's Agenda for Building a Better America Will Lower Energy 41. Costs for Working Families. US Department of Energy. April 1, 2022.

Available at: <https://www.energy.gov/policy/articles/president-bidens-agenda-building-better-america-will-lower-energy-costs-working> (accessed: 03.12.2022).

42. The Infrastructure Investment and Jobs Act. Public Law 117-58 117-th Congress. Available at: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ58/PLAW-117publ58.pdf> (accessed: 03.12.2022).

43. Inflation Reduction Act of 2022. Whitehouse.gov. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/SAP-H.R.-5376.pdf> (accessed: 21.11.2022).

44. Caroll, R.E. The Insane Energy Policies of the Biden Administration. *Modern Diplomacy*. June 15, 2022. Available at: <https://modern diplomacy.eu/2022/06/15/the-insane-energy-policies-of-the-biden-administration/> (accessed: 21.11.2022).

45. Bordoff, J., O'Sullivan, M.L. The New Energy Order. How Governments Will Transform Energy Markets. *Foreign Affairs*. July/August 2022. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/energy/2022-06-07/markets-new-energy-order?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20New%20Energy%20Order&utm_content=20220607&utm_term=FA%20Today%20-%20112017_ (accessed: 05.12.2022).

46. The White House. Joint Statement Between the United States and the European Commission on European Energy Security. 24 March. 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/joint-statement-between-the-united-states-and-the-european-commission-on-european-energy-security-3/> (accessed: 30.11.2022).

47. Krauss, C. Europe and the U.S. Make Ambitious Plans to Reduce Reliance on Russian Gas. *The New York Times*. March 25, 2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/03/25/business/energy-environment/biden-eu-liquefied-natural-gas-deal-russia.html> (accessed: 05.08.2022).

48. Hansler, J., Gaouette, N., Atwood, K. Blinken warns US is Falling Behind China in Race to Dapitalize on Climate Opportunities. *CNN*. April 19, 2021. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/04/19/politics/blinken-climate-speech/index.html> (accessed: (01.08.2022)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давыдов А.Ю. США на мировом рынке энергоносителей. *Россия и Америка в XXI веке*. 2018. Выпуск 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s20705476000054-6-1/> (дата обращения 30.05.2022). DOI: 10.18254/S0000054-6-1

Золина С.А., Копытин И.А., Резникова О.Б. «Сланцевая революция» в США как главный драйвер перестройки мирового рынка нефти. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т.12. № 6. С. 71-93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-4

Старкин С.В., Приписнова Е.С., Кривов С.В. Вопросы энергетической безопасности во внешней политике США и ЕС: сравнительный анализ. *Международные отношения*. 2022. № 1. С. 75-89. DOI: 10.7256/2454-0641.2022.1.37120

Хлопов О.А. Энергетическая политика администрации Д. Трампа: новые изменения и результаты. *Теории и проблемы политических исследований*. 2022. Том 11. 1А. С. 140-150. DOI: 10.34670/AR.2022.25.67.017

Шлихтер А.А. Климатическая повестка демократов и использование в США природосберегающих технологий. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 6. С. 71-88. DOI: 10.31857/S268667300015220-2

REFERENCES

Avella, D. Biden Backs Green Radicals Even though Americans Want US Energy. *American Thinker*. April, 2022. Available at: https://www.american-thinker.com/blog/2022/04/biden_backs_green_radicals_even_though_americans_want_us_energy.html (05.12.2022).

Bazilian, M., Sovacool, B., Moss, T. Rethinking Energy Statecraft: United States Foreign Policy and the Changing Geopolitics of Energy. *Global Policy*, 2017, № 8(3), pp. 422-425.

Bernell, D., Simon, Ch. A. The Energy Security Dilemma: US Policy and Practice. Routledge. 2016.

Bobreski, J. Alternate Energy and Climate Change: In the Age of Trump. Kindle Edition. 2020.

Bomberg, E. The 2020 US Election and its Climate Consequences. *Environmental Politics*. 2021, Vol.30, №5, pp. 854-862. DOI: 10.1080/09644016.2021.1920769

Boersma, T., Johnson, C. United States' Energy Diplomacy. Center on Global Energy Policy. Columbia, SIPA. 2018.

Brewer, T. Transforming U.S. Climate Change Policies. Springer Cham. 2022.

Bulut, U., Shahbaz, M., Vol, X.V. Renewable energy-economic growth nexus revisited for the USA: do different approaches for modeling structural breaks lead to different findings? *Environmental Science and Pollution Research*. 2022, Vol.29, pp.30134-30144.

Corsi, G.R. The Truth about Energy, Global Warming, and Climate Change: Exposing Climate Lies in an Age of Disinformation. Post Hill Press. 2022.

Devine, R.S. Bush Versus the Environment. Anchor. 2007.

Davydov, A.Yu. SSHA na mirovom rynke energonositelei [USA in the World Energy Market] (In Russ). *Russia and America in the XXI Century*. 2018. Issue 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760000054-6-1/> (accessed 05/30/2022). DOI: 10.18254/S0000054-6-1

Elder, M. Optimistic Prospects for US Climate Policy in the Biden Administration. Institute for Global Environmental Strategies. 2021.

Epstein, A. Fossil Future: Why Global Human Flourishing Requires More Oil, Coal and Natural Gas--Not Less. Portfolio. 2022.

Findling, H. A Regional Energy Market to Achieve California's Renewable Energy Goals. *Consilience*. 2021 № 24, pp.1–16.

Geri, L.R. *Energy Policy in the U.S.: Politics, Challenges, and Prospects for Change*. Routledge, 2011.

Gold, R. *The Boom: How Fracking Ignited the American Energy Revolution and Changed the World*. Simon & Schuster. 2015.

Grosman, P.Z. *S Energy Policy and the Pursuit of Failure*. Cambridge University Press. 2013.

Khlopov, O.A. Energeticheskaya politika administratsii D. Trampa: novye izmeneniya i rezul'taty [Energy Policy of the Trump Administration: New Changes and Results] (in Russ.). *Theories and Problems of Political Research*. 2022. Volume 11. 1A. pp. 140–150. DOI: 10.34670/AR.2022.25.67.017

Klass, A.B. Energy Transition in the Trump Administration and Beyond. *Environmental Law*, Vol. 51, № 1, 2021, pp. 241–66.

Miller, R.M. Will Obama Strangle the American Energy Juggernaut? *The National Interests*. April 10, 2015.

Mildenberger, M. The Development of Climate Institutions in the United States *Environmental Politics*. 2021., Vol.30. №1, pp. 71–92.

DOI: 10.1080/09644016.2021.1947445

Pumphrey, C. *Global Climate Change: National Security Implications*. Lulu.com. 2014.

Shaffer, B. *Energy Politics*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2009.

Shlikhter, A.A. Klimaticheskaya povestka demokratov i ispol'zovanie v SShA prirodoberegaiushchikh tekhnologii [Climate Agenda of Democrats and the Use of Environmental Technologies in the USA] (in Russ.). *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 2021. No. 6. C. 71–88. DOI: 10.31857/S268667300015220-2

Sikorsky, E. National Security and Climate Change: The Attention It Deserves? *Survival*. 2022. Vo. 64. № 1, pp. 67–73. DOI: 10.1080/00396338.2022.2032961

Silverman-Roati, K. *U.S. Climate Change Litigation in the Age of Trump: Full Term*. Sabin Center for Climate Change Law. Columbia Law School. 2021.

Starkin, S.V., Pripisnova, E.S., Krivov, S.V. Voprosy energeticheskoi bezopasnosti vo vneshnei politike SShA i ES: sravnitel'nyi analiz [Issues of Energy Security in the Foreign Policy of the USA and the EU: Comparative Analysis] (in Russ.). *International Relations*. 2022. No. 1. P. 75–89. DOI: 10.7256/2454-0641.2022.1.37120

Tubb, K. Biden's Radical, Anti-Fossil Fuel Energy Policy Costs Americans Dearly. *The Heritage Foundation*. Jun 28th, 2022. Available at: <https://www.heritage.org/energy-economics/commentary/bidens-radical-anti-fossil-fuel-energy-policy-costs-americans-dearly> (03.12.2022).

Wendler, F. *US Climate Politics since the Paris Agreement*. In: *Framing Climate Change in the EU and US after the Paris Agreement*. Palgrave Studies in European Union Politics. Palgrave Macmillan, Cham. 2022.

Zolina, S.A., Kopytin, I.A., Reznikova, O.B. «Slantsevaia revoliutsiia» v SShA kak glavnyi draiver perestroiki mirovogo rynka nefti ["Shale Revolution" in the USA as the Main Driver of the Restructuring of the Global Oil Market] (in Russ.). *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2019. V.12. No. 6. S. 71–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-4

Zyche, B. *The Green New Deal: Economics and Policy Analytics*. American Enterprise Institute. 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХЛОПОВ Олег Анатольевич , кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований, Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, 6.	Oleg A. KHLOPOV , Cand. Sci. (Politics), Associate Professor of American Studies, Russian State University for the Humanities. 6, Miusskaya square, Moscow, 125993 Russian Federation.
---	--

Статья поступила в редакцию / Received 06.01.2023.

Поступила после рецензирования / Revised 20.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 21.01.2023.

УДК 330.33.01
JEL: F2, N6, O51
DOI: 10.31857/S2686673023030070
EDN: HBRFUM

Политика президента США Дж. Байдена в отношении автомобильной промышленности страны

А.А. Фейст

Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3

ORCID: 0000-0002-6363-3951 e-mail: alexlesnikh@yandex.ru

Резюме. Государственные регуляторные новеллы в отношении любой отрасли реального сектора экономики в значительной степени влияют не только на широкий набор потребительских характеристик готовой продукции, но и непосредственно на сам бизнес, занятый её выпуском. Автомобильная промышленность – одна из важнейших в структуре экономики США – не исключение, и именно её поддержке и трансформации уделялось очень пристальное внимание последних на данный момент трех президентов США. Так, Барак Обама непосредственно участвовал в спасении компаний «Большой тройки» от банкротства в годы мирового финансового кризиса, а Дональд Трамп, отменивший часть введенных его предшественником экологических регуляторных норм, практически вынуждал руководителей концернов возвращать производство автомобилей из других стран на территорию США. В этой статье анализируются экономическая политика кабинета нынешнего, 46-го президента США Джозефа Байдена в отношении автомобильной промышленности страны, ее влияние на бизнес автопроизводителей, энергетическую инфраструктуру США, внутренний автомобильный рынок страны, а также рассматриваются дополнительные механизмы, которые могли бы поддержать развитие автомобильной промышленности США на нынешнем этапе.

Ключевые слова: автомобильная промышленность, США, Джозеф Байден, электро-мобили, экология, экономическая политика, энергетика, устойчивое развитие.

Для цитирования: Фейст А.А. Политика президента США Дж. Байдена в отношении автомобильной промышленности страны. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(3):109-122.

DOI: 10.31857/S2686673023030070 EDN: HBRFUM

The Automotive Industry Policy of the President of the USA Joseph Biden

A.A. Feist

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

2/3 Khlebnny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-6363-3951 e-mail: alexlesnikh@yandex.ru

Abstract. Regulatory changes in any branch of the real sector of the economy have a strong impact not only on a wide range of consumer characteristics of finished products, but also directly on the business itself engaged in its production. The automotive industry, one of the most important in the structure of the US economy, is no exception; at least the last three US presidents have paid close attention to its support and transformation. Barack Obama was directly involved in saving the Big Three companies from bankruptcy during the years of the global financial crisis, and Donald Trump, who canceled some of the environmental regulations introduced by his predecessor, practically forced the leaders of automakers to return car production from other countries to the United States. This article analyzes the economic policy of the cabinet of the current 46th US President Joseph Biden in relation to the country's auto industry, its impact on the business of automakers, the US energy infrastructure, the country's domestic auto market, and also considers additional mechanisms that could further support the transformation and development US automotive industry.

Keywords: automotive industry, USA, president Joseph Biden, electric vehicles, ecology, economic policy, energy, sustainable development.

For citation: Feist A.A. The Automotive Industry Policy of the President of the USA Joseph Biden. USA & Canada: economics, politics, culture. 2023; 53(3):109-122.

DOI: 10.31857/S2686673023030070 EDN: HBRFUM

ВВЕДЕНИЕ

Стимулирование трансформации и дальнейшего передового развития автомобильной промышленности в США стало одним из ключевых обещаний нынешнего президента США Джозефа Байдена ещё в 2020 г. на этапе предвыборной гонки. В качестве одного из пунктов в своей стратегии он указывал намерение создать 1 млн рабочих мест в американской автомобильной промышленности, устойчивые внутренние цепочки поставок для производства автомобилей, а также принципиально новую сервисную инфраструктуру – от материалов и запчастей до масштабной национальной сети зарядных станций для электромобилей [1].

Стоит отметить, что подавляющее большинство инициатив президента Дж. Байдена и его администрации, направленных на поддержку автомобильной промышленности страны, по своей сути являются частью более масштабной программы экологической трансформации всей экономики государства и создания её более устойчивой и углеродно-нейтральной модели. Достичь этой цели администрация президента изначально планирует за счёт ускоренной электрификации, в том числе личного транспорта, который при этом должен создаваться преимущественно на территории США, а не импортироваться, а основной вклад в изменение производственной конъюнктуры должны внести компании, уважающие и защищающие права своих сотрудников.

Среди первых инициатив президента Байдена, направленных в том числе на трансформацию автомобильной промышленности, можно выделить переприсоединение к Парижскому соглашению о климате [2], указ о выходе из которого ранее подписал президент Д. Трамп; исполнительный указ о защите здоровья

граждан и природы и восстановлении науки для борьбы с климатическим кризисом [3], а также исполнительный указ о борьбе с климатическим кризисом внутри страны и за рубежом [4].

Как объясняют некоторые отраслевые исследователи, все действия и заявления администрации президента Байдена чётко устанавливают три основные цели, которым должны следовать производители автомобилей и их поставщики: борьба с изменением климата, наращивание внутреннего производства и соблюдение трудовых прав – всё это поддерживается путём создания федеральных государственных грантов, займов и создания возможностей для заключения соответствующих контрактов. В частности, отмечает вице-президент по исследованиям Центра автомобильных исследований в Мичигане (CAR) Кристин Джичек (*Kristin Dziczek*), администрация президента Байдена намерена ускорить переход отрасли к производству автомобилей на электрической тяге, используя в качестве позитивного подкрепления плановые инвестиции в развитие чистой энергетики, автозарядную инфраструктуру, исследования и разработки новых электромобилей и аккумуляторов, при этом вводя более строгие правила в отношении экономии топлива и выбросов парниковых газов [5].

Одна из главных амбициозных целей администрации президента Байдена в рамках текущей экологической повестки – довести долю электромобилей в структуре продаж новых авто на территории США до 50% к 2030 году. Ожидается, что новые стандарты выбросов и топливной эффективности, разработанные совместно Агентством по защите окружающей среды (*Environmental Protection Agency, EPA*) и Министерством транспорта США (*United States Department of Transportation, DOT*), позволят сэкономить около 200 млрд галлонов моторного топлива, сократить выбросы углекислого газа на 2 млрд метрических тонн, что сопоставимо со 140 млрд долл. США чистой выгоды в период действия Двухпартийной инфраструктурной сделки, а также помогут автовладельцам сэкономить до 900 долл. США за время владения автомобилем [6].

Тем не менее, реализация всех перечисленных планов сталкивается с определенными сложностями, в том числе из-за проблем технологического, геополитического и геоэкономического характера. От их решения напрямую зависит то, в какой степени кабинету Джозефа Байдена удастся реализовать планы по электрификации транспорта на внутреннем рынке страны и сделать экономику США углеродно-нейтральной, как это планируется на данный момент [7].

Для удобства в тексте данной статьи мы будем называть «электромобилями» все виды личного автотранспорта с повышенными экологическими характеристиками – непосредственно электромобили (*EVs*), подключаемые гибриды (*PHEVs*) и электромобили на топливных элементах (*FCEVs*).

РАЗВИТИЕ РЫНКА ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ, ДИНАМИКА СПРОСА И ЕГО ПОДДЕРЖКА

Несмотря на то, что США первыми в мире наладили серийный выпуск гражданских электромобилей, сейчас страна далека от первого места по их повседневному использованию, и внутренний рынок электромобилей страны значительно меньше, чем в Китае или странах Европы. По последним данным Международного энергетического агентства (МЭА, *International Energy Agency – IEA*), в 2021 г. доля электромобилей в структуре продаж новых авто в США составила только 5% (631 тыс. ед.), в то время как в Китае она составила 16% (3 334 тыс. ед.) и 17% в странах Евросоюза (2 284 тыс. ед.) [8]. При этом США отстают и по темпам прироста доли электромобилей в структуре продаж: в 2020 г. она составляла 2% против 5% и 10% в Китае и ЕС соответственно.

Такое отставание США от Китая в первую очередь объясняется значительной разницей в показателях насыщенности внутренних рынков. Так, по данным на 2022 г. в США было зарегистрировано 890 автомобилей на 1 тыс. жителей [9] (5-е место по этому показателю в мире), в то время как в Китае – всего 221 автомобиль на 1 тыс. человек [10] (89-е место в мире). Таким образом, большинство электромобилей в Китае, по сути, становятся первыми машинами у местных жителей по мере роста благосостояния населения, в то время как в США электромобили замещают те авто с двигателями внутреннего сгорания (ДВС), которыми граждане владели ранее. При этом средний срок службы личного автомобиля в США составляет в среднем 8,4 года, а у топ-10 моделей по популярности на рынке этот показатель варьируется в диапазоне 9,7–11,4 лет [11]. Это означает, что в ближайшие годы, по мере выбытия автопарка на ДВС прошлых модельных рядов, доля электромобилей в структуре продаж новых авто на территории страны будет заметно увеличиваться. Данный тезис подтверждается результатами исследований: по информации Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), две трети американцев в целом поддерживают инициативы, связанные с расширением производства и внедрением гибридных и электромобилей, а 42% респондентов отметили, что с высокой долей вероятности купят электромобиль, когда придёт время менять нынешний. Вдобавок, среди тех, кто уже владеет таким автомобилем, доля тех, кто не планирует возвращаться к эксплуатации автомобилей на ДВС составляет 68% [12].

С потребительской точки зрения, переходу к эксплуатации гибридного или полностью электрического автомобиля способствует стремительный рост цен на горючее ископаемое топливо, ставшее одной из причин резких скачков инфляции в США, наблюдаемых с апреля 2021 г. [13] – с того момента к началу декабря 2022 г. цена одного галлона бензина категории «премиум» в среднем по стране выросла с 2,95 до 4,17 долл. США [14].

Росту интереса к эксплуатации электромобилей способствует и направленная на создание первой национальной сети зарядных станций политика кабинета Дж. Байдена: согласно плану на территории страны должны появиться 500 тыс. таких устройств – на реализацию инфраструктурного проекта было выделено 7,5 млрд долл. США [15]. О начале финансирования

строительства станций на протяжении 53 тыс. миль национальной системы хайвеев (инвестиции составят 0,9 млрд долл.) президент Дж. Байден объявил в сентябре 2022 г. в рамках визита на Североамериканский международный автосалон (NAIAS, North American International Auto Show), ранее Детройтский автосалон (*Detroit Auto Show*), где он объявил о включении в закон «О снижении инфляции», подписанный месяцем ранее, пункта о налоговом вычете в размере 7,5 и 4 тыс. долл. для покупателей новых и поддержанных электромобилей соответственно [16].

ИНВЕСТИЦИИ В ТРАНСФОРМАЦИЮ И РАЗВИТИЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Политика кабинета президента Дж. Байдена в отношении электромобилей очевидным образом стимулирует автопроизводителей к расширению линеек таких транспортных средств, а также долгосрочному инвестированию в разработку соответствующих технологий и производственных линий для их выпуска. С момента вступления Дж. Байдена в должность президента США частные компании инвестировали около 85 млрд долл. в производство электромобилей, батарей и зарядных станций на территории страны. При этом только в 2022 г. инвестиции в выпуск электромобилей на территории страны составили 13 млрд долл., что в 3 раза больше аналогичного показателя 2020 года [17].

Таблица

Новые частные инвестиционные проекты в области производства электромобилей и компонентов в период президентства Дж. Байдена

<i>Область</i>	<i>Компания</i>	<i>Инвестпроект</i>
Электромобили и производство батарей	«Тойота» (<i>Toyota</i>)	Компания объявила инвестиции в размере 2,5 млрд долл. в модернизацию производственной площадки в Гринсборо, штат Северная Каролина
	Хонда (<i>Honda</i>) и «Эл-джи энерджи солюшн» (<i>LG Energy Solution</i>)	Компании объявили совместные инвестиции в размере 4,4 млрд долл., место расположения инвестпроекта станет известно позже
	«Форд мотор компани» (<i>Ford Motor Company</i>)	Компания объявила инвестиции в размере 3,7 млрд долл. в расширение сборочных производств в Мичигане, Огайо и Миссури, создаст 6,2 тыс. новых рабочих мест
	«Панасоник» (<i>Panasonic</i>)	Компания намерена инвестировать 4 млрд долл. в строительство завода на 4 тыс. рабочих мест в Де-Сото, Канзас. Также она оценивает возможность инвестировать до-

		полнительно 4 млрд долл. в создание дополнительной фабрики по производству батарей для электромобилей
	«Хёндэ» (<i>Hyundai</i>)	Компания потратит 5,5 млрд долл. на строительство завода по выпуску батарей и электромобилей возле Саванны, штат Джорджия
	«Дженерал моторс» (<i>General Motors</i>)	Компания получила займ в 2,5 млрд долл. по спецпрограмме Минэнерго США для организации производств по выпуску батарей в Огайо, Теннесси и Мичигане
	«Самсунг Эсди-ай Америка» (<i>Samsung SDI America</i>)	Инвестирует 3,1 млрд долл. в совместное со «Стилантис» (<i>Steelantis</i>) производство батарей в Кокомо, штат Индиана.
Переработка материалов для батарей	«Пьемонт литиум» (<i>Piedmont Lithium</i>)	Компания вложит 582 млн долл. в создание производства по переработке, рафинированию и производству гидроксида лития в юго-восточной части Теннесси
	«Сирба солюшнс» (<i>Cirba Solutions</i>)	Инвестирует 200 млн долл. в расширение существующих мощностей по переработке отслуживших литиевых батарей в Ланкастере, штат Огайо, и планирует увеличить объём переработки батарей на 600%
Зарядные станции для электромобилей	«Эй-би-би» (<i>ABB</i>)	Компания построит новую фабрику по производству зарядок для электромобилей в Колумбии, штат Южная Каролина, предприятие будет выпускать до 10 тыс. устройств в год
	Линкольн электрик (<i>Lincoln Electric</i>)	Компания запустит в Кливленде, штат Огайо, новое производство быстрых зарядок, работающих от бытовой электросети
	«Дженерал моторс» (<i>General Motors</i>)	Компания совместно с «Дельта электроникс» (<i>Delta Electronics</i>) и «Ивиго» инвестирует 750 млн долл. в создание инфраструктуры для зарядки электромобилей, в том числе на стоянках для грузовиков федеральной сети «Пайлот энд Флаин Джи» (<i>Pilot and Flying J</i>)

Составлено по: [17]

Также важно отметить, что, помимо средств на строительство 500 тыс. зарядных станций для электромобилей на территории всей страны, закон «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места» (*Infrastructure Investment and Jobs Act, ИИЯ*), подразумевает дополнительные инвестиции в размере более 7 млрд долл. в обеспечение производств автомобилей и запчастей критически важными минералами и другими компонентами, необходимыми для производства батарей. Тот же нормативный документ расширяет инициативы кабинета президента Дж. Байдена за пределы личного транспорта и предполагает выделение дополнительно более 39 млрд долл. на модернизацию и приведение к более высоким экологическим стандартам некоторых видов общественного транспорта – в первую очередь транзитных (городских) автобусов. Таким образом на обновление городского транспорта, вывода устаревших моделей из эксплуатации и организацию работы нового городского транспорта с нулевыми выбросами в ближайшие пять лет будет потрачено суммарно 89,9 млрд долл. США [18].

Весной 2022 г. стартовала совместная с Агентством по охране окружающей среды (*Environmental Protection Agency, EPA*) пятилетняя программа замены школьных автобусов на аналоги с нулевыми или сниженными выбросами – согласно двухпартийному инфраструктурному закону, на эту программу выделено 5 млрд долл. США [19].

Нельзя не упомянуть и принятый большинством голосов Палаты представителей летом 2022 г. закон «О чипах и науке» (*CHIPS and Science Act*). Он, среди прочего, предполагает выделение субсидий в размере 52 млрд долл. для компаний, намеренных организовать на территории страны полупроводниковые производства – за счёт этого администрация Дж. Байдена намерена снизить критическую зависимость американских автопроизводителей от поставок чипов из Тайваня [20].

В то же время с первых дней президентства Дж. Байдена в соответствии с исполнительным указом первого дня (*President's Day One Executive Order*) EPA и Национальная администрация безопасности дорожного движения (*National Highway Traffic Safety Administration, NHTSA*) пристально работают над ликвидацией вредоносного отката экологических стандартов, совершённого администрацией Д. Трампа. В частности, Д. Трамп отменил требование администрации президента Б. Обамы о достижении среднего показателя топливной эффективности на транспорте на уровне 54,5 mpg (*miles per gallon* – сколько миль может проехать автомобиль на одном галлоне топлива) к 2025 г., установив показатель 40 mpg [21]. Президент Дж. Байден весной 2022 г. ужесточил это требование до 49 mpg к 2026 году [22].

Новые стандарты двух агентств вступают в силу для автомобилей модельного ряда 2023 и 2024 гг., а качественные параметры соответствуют самым передовым в стране, определённым «Калифорнийским рамочным соглашением» [23], заключённым между штатом Калифорния и пятью автопроизводителями –

«Форд», «Хонда», «Фольксваген групп» (*Volkswagen Group*), БМВ (*BMW*) и «Вольво» (*Volvo*).

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ПОЛИТИКИ БЕЛОГО ДОМА В ОТНОШЕНИИ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США

Одна из ключевых экономических проблем, существенно затрагивающих внутренние бизнес-процессы автопроизводителей США, состоит в постоянно меняющихся экологических требованиях к производству автомобилей – как мы помним, требования к показателю *mpg* существенно менялись в противоположные стороны при каждом из трёх последних президентов США. В частности, ужесточение таких норм приводит к тому, что производители вынуждены вкладывать дополнительные средства в разработку, совершенствование и производство каталитических нейтрализаторов и прочих устройств, снижающих объёмы выбросов в окружающую среду. Такие расходы впоследствии перекладываются на потребителя, что в результате приводит к росту цен на новые автомобили и, как следствие, дополнительно способствует росту потребительской инфляции.

Другая проблема нестабильности регуляторных требований в том, что автопроизводители вынуждены подстраивать характеристики будущих модельных рядов под эти правила, которые в данном контексте меняются только на территории США. Вместе с тем, подавляющее большинство автопроизводителей страны поставляют существенную долю своей продукции в другие страны с иными регуляторными требованиями. Это приводит к тому, что автопроизводители фактически вынуждены разрабатывать одновременно несколько вариантов технических комплектаций для всего модельного ряда, чтобы выпускаемая продукция соответствовала локальным регуляторным нормам других стран [24], что, в свою очередь, снижает экономический эффект масштаба в производстве и приводит к снижению конкурентоспособности продукции американской автомобильной промышленности.

Решением этой проблемы могла бы стать проактивная позиция представителей США на уровне профильных международных организаций, а также на различных мировых климатических саммитах, участники которых в последние годы только констатируют ухудшение экологической ситуации в мире и не предлагают никаких конкретных мер по ускоренному достижению углеродной нейтральности мировой экономики [25]. Через взаимодействие с другими странами регуляторные органы США должны активно заниматься продвижением и интеграцией в национальные законодательства других стран самых передовых экологических норм и параметров для автотранспорта, причём за основу можно взять уже существующие практики вроде «Калифорнийского рамочного соглашения», упоминавшегося в этой статье ранее. Это позволит унифицировать экологические параметры для новых модельных рядов автомобилей, усилить

экономический эффект масштаба при их производстве, повысив тем самым ценовую конкурентоспособность продукции американских автопроизводителей, и упростить ей доступ на зарубежные рынки.

Резкий сдвиг спроса и его переориентация на электромобили также усугубляют корпоративные риски в отрасли, и даже, несмотря на государственные меры поддержки производителей, многие специализированные компании могут столкнуться с серьёзными сбоями в бизнес-процессах. Как отмечают специалисты «Контрол рискс груп холдингс. Лтд.» (*Control Risks Group Holdings Ltd*), в наибольшей степени таким рискам подвержены производители топливных и выхлопных систем, из-за чего многие OEM-производители уже сейчас фактически вынуждены переориентировать своё производство на выпуск принципиально иной продукции [26].

С другой стороны, производство электромобилей неразрывно связано с технологическим переходом к усовершенствованным системам помощи водителю, интеграции программно-аппаратных комплексов для внедрения функций автопилота и так далее. Это, как отмечают отраслевые эксперты, выводит на совершенно новый уровень проблему кибербезопасности на автотранспорте. Из-за этого автопроизводители вынужденно сталкиваются с совершенно несвойственными им проблемами при производстве автомобилей вплоть до внедрения механизмов защиты доступа к персональным данным автовладельцев. Но стоит отметить, что Национальная администрация безопасности дорожного движения на трассах активно занимается проработкой правовых и регуляторных механизмов в этой области.

Существенной проблемой для современной автомобильной промышленности США остаётся заградительная таможенная и тарифная политика кабинета президента Дж. Байдена, фактически сохранившая логическую преемственность с периодом президентства Д. Трампа. Она, в частности, создаёт дополнительные проблемы для международных цепочек поставок в промышленности, так и не восстановившихся после коронакризиса 2020 г., что непосредственно сказывается на доступности тех или иных деталей для автомобильных производств. Среди недавних примеров – вынужденная остановка производства на заводе «Ниссан» (*Nissan*) в штате Миссисипи, связанная с дефицитом полупроводников [27]. В этом смысле вся промышленная политика кабинета президента Байдена, завязанная на принципе «покупай американское», вызывает аналогичную реакцию за рубежом и приводит к введению протекционистских мер со стороны других стран, прежде всего – Китая. Как отмечают эксперты Института Катона (*Cato Institute*), в результате это может привести к оттоку инвестиций в производство электромобилей, запчастей и батарей и падению занятости в секторе производства автомобилей непосредственно на территории страны – протекционистские меры не раз доказывали, что они не являются действенными для оживления промышленных секторов и скорее ослабляют их важные экономические показате-

тели, в числе которых – объём производства, добавленная стоимость, прямые иностранные инвестиции, НИОКР и капитальные затраты [28].

Стоит отметить, что в некоторых конкретных случаях внешняя заградительная экономическая политика кабинета президента Дж. Байдена проводится слишком агрессивно, что может резко негативно сказаться на производстве автомобилей внутри страны. Так, например, руководство Белого дома планирует ввести полный запрет (или равнозначные заградительные пошлины) на импорт алюминия из России в качестве санкций за проведение СВО [29]. Как отмечают аналитики Блумберга (*Bloomberg*), это приведёт к резкому росту цен на корпусной металл из-за того, что многие промышленные предприятия страны будут вынуждены в срочном порядке искать альтернативные источники поставок.

Аналогичная мера уже ударила по некоторым автомобильным производствам и рискует привести к временной полной остановке выпуска автомобилей на территории страны. Речь идёт об указе президента Дж. Байдена, полностью запретившем использование в промышленности чипов, произведённых не на территории США. Как отмечают отраслевые аналитики, это привело к полной остановке соответствующих производств в Китае и вынудило местных специалистов американского происхождения уволиться с предприятий [30]. Такая провокация, парализовавшая всю полупроводниковую отрасль КНР, может вынудить правительство Китая ввести зеркальные меры против американских компаний, что негативно скажется на всём американском технологическом бизнесе – от производства компьютерной техники и смартфонов до выпуска электромобилей.

На потребительском уровне существенные проблемы от перехода на электромобили для большинства автовладельцев связаны с энергетической инфраструктурой в широком смысле – они касаются не только доступности зарядных станций, но в первую очередь общих проблем перехода к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), наметившихся ещё в период выхода США из Парижского соглашения по климату [Корнеев А.В., 2018]. Суть в том, что добиться реального снижения выбросов CO₂ за счёт внедрения электромобилей можно только в том случае, если электричество для их зарядки также будет производиться на основе чистых и возобновляемых источников энергии, а не за счёт сжигания ископаемого топлива. Тем не менее перспектива перехода энергосистемы страны на ВИЭ уже доказывает свою несостоятельность во многом из-за крайне ограниченной и рассеянной ресурсной базы, а также несовершенства существующих механизмов выработки чистого электричества. Показательным примером служат ежегодные энергетические кризисы на юге США, особенно в штате Техас [31] – там из-за обледенения зимой выходят из строя ветряные установки, что моментально приводит к коллапсу всей местной энергосети.

Из-за этого естественным образом резко выросли розничные цены на электричество: в дни заморозок полная зарядка автомобиля Tesla (*Tesla*) обходилась их владельцам в 900 долл., хотя в обычные периоды она стоит в 50 раз меньше – 18 долл. [32]. Такие события способны в короткий период изменить отношение

автовладельцев к электромобилям, оттолкнув от их приобретения и сторонников экологически чистого вида транспорта, а также уничтожить выгоду от использования такого вида транспорта, которая достигается из-за дешевизны электроэнергии в сравнении с постоянно растущими ценами на моторное топливо, зависящими от ситуации на мировом нефтяном рынке.

Решением этой проблемы могут стать экономические демпферные механизмы, существующие в отдельных странах в отношении рынка горючего моторного топлива, сдерживающие цены на него в пределах текущей инфляции. Касательно электромобилей такой демпфер в США мог бы работать в качестве некоего обязательства электрогенерирующих компаний поставлять компаниям – операторам зарядных станций определённый объём электричества, рассчитанный по количеству зарегистрированных на территории штата автомобилей на электрической тяге. В случае если компания, организуя такие поставки, недополучает прибыль, которую она могла бы зафиксировать при продаже другим контрагентам, она может претендовать на компенсацию из средств местного бюджета штата. Если избыточная прибыль фиксируется провайдером при продаже электроэнергии операторам зарядных станций, поставщики электроэнергии должны быть обязаны возместить разницу в бюджет штата. Альтернативным вариантом может послужить специальная заявительная программа возмещения избыточных трат автовладельцев, возникших в кризисные для энергорынка периоды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ экономической политики администрации президента Дж. Байдена в отношении национальной автомобильной промышленности показывает, что благодаря ей отрасль активно становится на путь технологической трансформации для радикального снижения объёма выбросов CO₂ и негативного воздействия на окружающую среду. Этому способствуют как регуляторные изменения в отношении самой автомобильной промышленности, так и различные меры, непосредственно направленные на поддержку спроса – налоговые преференции покупателям электромобилей, прямые субсидии на закупку общественного транспорта с повышенными экологическими характеристиками и так далее. Тем не менее недостаток отдельных мер поддержки внедрения экологичного транспорта в гражданскую эксплуатацию, отсутствие гарантий сохранения трендов индустриальной политики Белого дома при смене администраций, а также агрессивная и недружелюбная внешняя экономическая политика кабинета Дж. Байдена сдерживают потенциал автомобильной промышленности США и не дают ей провести трансформацию отрасли в полной мере и максимально возможными темпами. Однако корректировка отдельных векторов внутренней и внешней экономической политики Белого дома вкуче с интеграцией дополнительных мер поддержки автомобильной промышленности США способны ускорить развитие отрасли и повысить её конкурентоспособность на мировом рынке.

ИСТОЧНИКИ

1. The Biden Plan to Build a Modern, Sustainable Infrastructure and an Equitable Clean Energy Future. Available at: <https://joebiden.com/clean-energy/#> (accessed 05.12.2022).
2. Paris Climate Agreement. Acceptance on behalf of the United States of America. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/20/paris-climate-agreement/> (accessed 05.12.2022).
3. Executive Order on Protecting Public Health and the Environment and Restoring Science to Tackle the Climate Crisis. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/20/executive-order-protecting-public-health-and-environment-and-restoring-science-to-tackle-climate-crisis/> (accessed 05.12.2022).
4. Executive Order 14008 – Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202100095/pdf/DCPD-202100095.pdf> (accessed 05.12.2022).
5. A review of Biden Administration policies that support the auto industry's transformation to a low-carbon future. Available at: <https://www.cargroup.org/review-of-biden-policies/> (accessed 05.12.2022).
6. Fact sheet: President Biden Announces Steps to Drive American Leadership Forward on Clean Cars and Trucks. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/05/fact-sheet-president-biden-announces-steps-to-drive-american-leadership-forward-on-clean-cars-and-trucks/> (accessed 05.12.2022).
7. Biden signs order for government to achieve net-zero emissions by 2050. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/dec/08/biden-signs-order-government-net-zero-emissions-2050> (accessed 05.12.2022).
8. Electric Vehicles. Technology deep dive. Available at: <https://www.iea.org/reports/electric-vehicles> (accessed 05.12.2022).
9. How many cars are there in the world. Available at: <https://hedgescompany.com/blog/2021/06/how-many-cars-are-there-in-the-world/> (accessed 05.12.2022).
10. China's car parc amounts to 315 million units by end of Sept. 2022. Available at: https://autonews.gasgoo.com/china_news/70021437.html#:~: (accessed 05.12.2022).
11. How Long Should I Keep My Car? Available at: <https://www.autolist.com/guides/how-long-should-i-keep-my-car> (accessed 05.12.2022).
12. Americans support incentives for electric vehicles but are divided over buying one themselves. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/08/01/americans-support-incentives-for-electric-vehicles-but-are-divided-over-buying-one-themselves/> (accessed 05.12.2022)
13. Индекс потребительских цен (ИПЦ) в США (г/г). Available at: <https://ru.investing.com/economic-calendar/cpi-733> (accessed 05.12.2022).
14. National average gas prices. Available at: <https://gasprices.aaa.com> (accessed 05.12.2022).

- 15 Emily Cochrane, Christopher Flavelle and Alan Rappoport. What's in the \$1 Trillion Infrastructure Bill. *New York Times*. Aug. 2, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/08/02/us/politics/infrastructure-bill.html?searchResultPosition=6> (accessed 05.12.2022).
16. Biden touts electric vehicle investments at Detroit auto show. Available at: <https://abcn.ws/3BGeX3r> (accessed 05.12.2022).
17. Fact Sheet: President Biden's Economic Plan Drives America's Electric Vehicle Manufacturing Boom. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/14/fact-sheet-president-bidens-economic-plan-drives-americas-electric-vehicle-manufacturing-boom/> (accessed 05.12.2022).
18. President Biden's Bipartisan Infrastructure Law. Available at: <https://www.whitehouse.gov/bipartisan-infrastructure-law/> (accessed 05.12.2022).
19. Biden administration kicks off \$5 billion electric Clean School Bus program. Available at: <https://electrek.co/2022/05/20/biden-administration-kicks-off-5-billion-electric-clean-school-bus-program/> (accessed 05.12.2022)
20. Patricia Zengerle and David Shepardson. U.S. Senate votes to advance sweeping semiconductor industry bill. *Reuters*. July 26, 2022. Available at: <https://www.reuters.com/technology/us-senate-votes-advance-sweeping-semiconductor-industry-bill-2022-07-26/> (accessed 05.12.2022).
21. David Roberts. Gutting fuel economy standards during a pandemic is peak Trump. *Vox*. Apr 2, 2020. Available at: <https://www.vox.com/energy-and-environment/2020/4/2/21202509/trump-climate-change-fuel-economy-standards-coronavirus-pandemic-peak> (accessed 05.12.2022).
22. Biden Administration Orders 49 MPG Fuel-Economy Standard by 2026. *Bloomberg*. Apr 1, 2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-01/biden-administration-speeds-gas-mileage-rules-slowed-by-trump> (accessed 05.12.2022).
23. Ford, BMW, Honda, VW Agree to California Emissions Regs. Available at: <https://www.americanmachinist.com/news/article/21903129/ford-bmw-honda-vw-agree-to-california-emissions-regs> (accessed 05.12.2022).
24. What Regulations Affect the Automotive Sector? Available at: <https://www.investopedia.com/ask/answers/042015/how-much-impact-does-government-regulation-have-automotive-sector.asp> (accessed 05.12.2022).
25. «Хроника климатического хаоса». Что обсуждают на саммите по климату в Египте. Available at: <https://thebell.io/khronika-klimaticheskogo-khaosa-cto-obsuzhdayut-na-sammite-po-klimatu-v-egipte> (accessed 05.12.2022).
26. Biden's policy agenda and the outlook for automotive manufacturers. Available at: <https://www.controlrisks.com/campaigns/recall-management/bidens-policy-agenda-for-automotive-manufacturers> (accessed 05.12.2022).
27. Nissan сократит производство на заводе в США из-за нехватки полупроводников. *ТАСС*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16286371> (accessed 05.12.2022).

28. Will Biden Repeat Trump's Automotive Mistakes? Available at: <https://www.cato.org/blog/trade-industrial-policy-bidens-sounding-trump> (accessed 05.12.2022).

29. White House Weighs Ban on Russian Aluminum Over Ukraine War Escalation. *Bloomberg*. Oct 12. 2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-12/white-house-weighs-ban-on-russian-aluminum-in-retaliatory-move> (accessed 05.12.2022).

30. «Эффект разорвавшейся бомбы», – новый запрет США парализовал полупроводниковую отрасль Китая. Available at: <https://www.ixbt.com/news/2022/10/16/jeffekt-razorvavshejsja-bomby--novyj-zapret-ssha-paralizoval-poluprovodnikovuju-otrasl-kitaja.html> (accessed 05.12.2022).

31. Лесных А. В США разразился энергетический кризис. *Ведомости*. 18 февраля 2021. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/18/858376-ssha-razrazilysya> (accessed 05.12.2022).

32. Texas Freeze Raises Cost Of Charging A Tesla To \$900. Available at: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Texas-Freeze-Raises-Cost-Of-Charging-A-Tesla-To-900.html> (accessed 05.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корнеев А.В. Устойчивое развитие и проблемы выхода США из Парижского соглашения по климату. *Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития*. Под ред. проф. Супяна В.Б. – М.: Институт США и Канады РАН, Издательство «Весь Мир», 2018. – С. 363-384.

REFERENCES

Korneyev, A.V. Sustainable Development and Problems of US Withdraw from Paris Climate Agreement. *US Economy in the 21st Century: Challenges and Trends of Development*. Ed. by professor Victor B. Supyan – Moscow, Institute of USA and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2018. – p. 363-384.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕЙСТ Александр Александрович, Alexander A. FEIST, postgraduate, аспирант Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). *Georgy Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences (ISKRAN)*. Российская Федерация, 121069, Москва, 2/3, Хлебный пер., д. 2/3. *Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию / Received 12.12.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 08.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 09.01.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023030082

EDN: HBTARZ

Университет и общество в Соединённых Штатах

И.И. Курилла

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А.

Researcher ID: F-4725-2013 Scopus AuthorID: 6506154601 РИНЦ ID: 246400

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007> e-mail: ikurilla@eu.spb.ru

Резюме: рецензия на книгу А.И. Кубышкина «Город и мантия: Американский университет в структуре гражданского общества». С.-Петербург: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2021. – 280 с. ISBN 978-5-8064-3008-4

Аннотация: Этот текст – рецензия на монографию профессора А.И. Кубышкина, посвящённую истории и структуре американского университетского образования и отношению между университетами и обществом в США. В рецензии отмечается исследовательский подход автора к роли, которую университеты играют в политической и социальной жизни в Соединённых Штатах, анализ типичных профессорских карьер, и подчёркивается, что набор целей, которые американское общество ставит перед университетами, гораздо шире, чем принятые в российском образовании.

Ключевые слова: образование, университет, гражданское общество, политика в кампусах

Для цитирования: Курилла И.И. Университет и общество в Соединённых Штатах. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(3):123-126.

DOI: 10.31857/S2686673023030082 EDN: HBTARZ

University and Society in the United States

Ivan I. Kurilla

European University at Saint Petersburg (EUSP)

6/1A, Gagarinskaya St., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation.

Researcher ID: F-4725-2013 Scopus AuthorID: 6506154601 РИНЦ ID: 246400

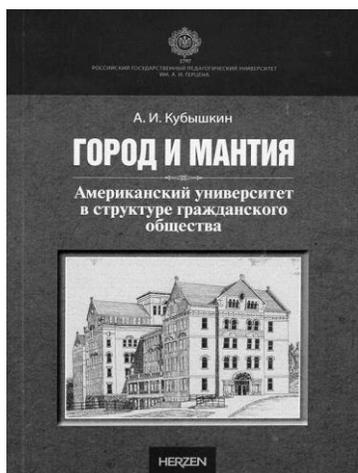
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007> e-mail: ikurilla@eu.spb.ru

Abstract: This text is a review of the monograph by Professor Alexander I. Kubyshkin devoted to the history and structure of the U.S. colleges and the relations between universities and American society. The review focuses on the author's research of the role that universities play in political and social life of the United States, the analysis of typical career paths of professors and highlights that the goals that American society sets before the universities are much broader compared to those common in Russian education.

Keywords: education, university, civil society, politics in campuses

For citation: Kurilla, I.I. University and Society in the United States. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(3):123-126.

DOI: 10.31857/S2686673023030082 EDN: HBTARZ

Дебаты о высшем образовании составляют заметную часть общественного дискурса в современной России. В последние два десятилетия они были сосредоточены на едином государственном экзамене, переходе на двухступенчатую систему «бакалавр – магистр», а также на бюрократизации преподавательского труда и на сокращении университетской автономии. Гораздо реже отечественные учёные задаются вопросом о целях высшего образования и о роли, которую играют в обществе предоставляющие его институты. Разве что время от времени возникают споры о применимости к преподавательскому труду понятия «образовательные услуги» или о соотношении преподавания и научной деятельности в работе профессоров.

Новая монография профессора Санкт-Петербургского государственного университета А.И. Кубышкина заставляет взглянуть на эти вопросы в сравнительном ракурсе. Книга «Город и мантия. Американский университет в структуре гражданского общества» посвящена анализу того, как функционируют университеты в стране, признанной мировым лидером в высшем образовании, какую роль они играют в американском обществе, чем заняты тамошние профессора и что значит университетское образование для американца.

Особую ценность работе придаёт то, что автор хорошо знаком с разными «слоями» американского высшего образования – от элитных частных школ «Лиги плюща» до региональных общественных университетов, «исторических чёрных» и «комьюнити колледжей». Пожалуй, на русском языке ещё не появлялось такого всестороннего исследования системы высшей школы США, хотя сама тема всегда представляла несомненный интерес. Книга обдумывалась и писалась, по признанию автора, на протяжении четверти века, – время, за которое опыт американских университетов получили тысячи россиян. Парадоксально, но я уверен, что многое из рассказанного А.И. Кубышкиным, осталось за пределами этого опыта. Нужен был пристальный взгляд исследователя, чтобы увидеть, из чего росли практики и традиции нынешних колледжей, что стоит за тем или иным правилом их функционирования, каковы тонкие взаимосвязи сказанного в университетской аудитории и представленного в официальном коммюнике Белого дома.

Шесть глав исследования посвящены истории американского университета, его общественной функции, политическому активизму в кампусе, университету с точки зрения студента и с точки зрения профессора, а также американскому интеллектуальному сообществу.

Относительно небольшая книга отличается удивительной плотностью текста и может служить энциклопедией американского высшего образования. Так, в

первой главе последовательно разобраны основание американских университетов в колониальную эпоху и первые годы независимости, рост количества колледжей в первой половине XIX века, описано образование для масс, расширенное законом Моррилла, и образование для демократической элиты, создавшее исследовательские университеты, образование в течение жизни, благотворительность по отношению к университетам, архитектура кампуса и, наконец, перемены, переживаемые высшей школой в последние десятилетия. В других главах проанализировано положение национальных меньшинств в американских университетах, активизм студентов и профессоров, кризисные явления в колледжах, разнообразие позиций и социальных ролей профессоров, их карьерные пути, переход учёных из университетов в государственные органы и обратно, история профессоров из России в университетах США в XX и XXI веках и множество других явлений и проблем. В каждом случае А.И. Кубышкин опирается на солидную базу источников и на академические труды, специально посвящённые этим темам.

Удачным решением представляется включение в книгу непосредственных впечатлений автора в форме электронных писем друзьям из колледжа Гринелл. Они дополняют основное изложение, полное информации, включающей количественные показатели, несколькими штрихами показывая повседневную жизнь университетского городка. Здесь автор даёт волю своему чувству юмора, и книга приобретает лучшие свойства художественной литературы.

Книга ушла в печать накануне выборов в США 2020 года, и завершается она обзором проблем, стоявших перед университетами в период правления Трампа. А.И. Кубышкин верно указывает на то, что университетское сообщество в США в целом поддерживало Демократическую партию, и что планы Трампа в отношении университетов состояли в расширении частного высшего образования и ограничении возможностей демократического контроля за университетской «повесткой дня». С эпохой Трампа удивительно «рифмуется» выделенное в отдельную главу исследование гражданского общества США как интеллектуального сообщества: в мире, да и в самих Соединённых Штатах, существовала традиция обвинять Америку в «антиинтеллектуализме», и это клеймо вновь актуализировалось после выборов 2016 года. Автор показывает, что оно, по меньшей мере, устарело.

Пожалуй, есть одна тема, которую хотелось бы обсудить более подробно, чем это сделано автором: это крайности левого активизма в кампусах, сделавших их средоточием «культуры отмены». В книге содержится оценка некоторых проявлений «политической корректности» и есть ссылки на книги американских «критиков справа» этой практики. Иногда кажется, что автор солидарен с этой критикой, но в целом он, как и положено исследователю, сохраняет объективный взгляд. Однако не могу сказать, что автору лучше было бы пуститься в полномасштабный спор по поводу оценок левого активизма: книга могла бы приобрести выраженную идеологическую окраску и утратить в научности.

После прочтения монографии становится ясно, что американские университеты сильны не только потому, что там сосредоточены лучшие профессора или что их финансовые возможности намного превышают возможности высшей школы в других странах, хотя это на самом деле так. Дело в том, что университеты давно стали важнейшей частью американского гражданского общества, институтом, связывающим общество и государство через систему экспертизы, вершиной интеллектуальной пирамиды, способом подготовки профессионалов и социальным лифтом. Университет в США гораздо более сложное явление, чем «кузница подготовки кадров» или учреждение для оказания образовательной услуги, его функции многообразны, а структуры сложны и не всегда формализованы.

Сопоставление этих фактов с историей осуществления «болонского процесса» в России, целью которого была гармонизация российских университетов с европейскими, а европейских – с американской системой, высвечивает, где и что могло быть сделано по-другому. Монография подсказывает, что в американском опыте уникально и неповторимо либо неприменимо за пределами США, а что могло быть внедрено для улучшения российской системы. Пока же, как пишет автор, наша высшая школа зависла в положении «когда немое кино уже кончилось, а звуковое ещё не началось».

Прочсть книгу А.И. Кубышкина важно всем, кто задумывается о путях развития университетов в России. Она будет интересна как преподавателям, так и администраторам, направляющим это развитие, а также студентам и абитуриентам, задумывающимся о ценности собственного образования. Будет полезно, если с этим исследованием познакомятся и те политики, кто принимает или будет принимать решения о судьбах высшего образования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иван Иванович КУРИЛЛА, доктор исторических наук, профессор факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А.

Ivan I. KURILLA, Doctor of Sciences (History), Professor, Faculty of Political Science, European University at Saint Petersburg. 6/1A, Gagarinskaya St., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 8.12.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 18.12.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 20.12.2022.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.